

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ТРЕНД В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ОБЩЕСТВЕ

**Российская объединенная демократическая
партия ЯБЛОКО**

**ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ТРЕНД
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ
И ОБЩЕСТВЕ**

**Москва
2015**

Либеральные ценности и консервативный тренд в европейской политике и обществе. Под ред. Г.М. Михалевой.
М.: РОДП ЯБЛОКО, 2015. – 232 с., цв. обл.
ISBN 978-5-4399-0055-8

Сборник подготовлен на основе докладов одноименной международной конференции европейской партии Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ) и партии ЯБЛОКО, прошедшей в Москве 11 октября 2014 года с широким участием европейских и российских политиков и известных экспертов. Дискуссии были посвящены различиям либеральных и консервативных ценностей, росту консервативных и традиционалистских настроений в Европе и в России, роли либеральных партий в разных странах, отношениям между Россией и Европейским Союзом в условиях украинского кризиса и санкций.

ISBN 978-5-4399-0055-8

9 785439 900558

© Партия «ЯБЛОКО» 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Приветствия	
<i>Сэр Грэм Уотсон</i>	9
<i>Олле Шмидт</i>	10
<i>Баронесса Кишвер Фолкнер</i>	13
<i>Григорий Явлинский</i>	14
Основные доклады	
<i>Сергей Митрохин</i> . Либеральные и консервативные ценности в современной российской политике.....	20
<i>Баронесса Кишвер Фолкнер</i> . Изоляция или интеграция: новый вызов для Европы	48
1. Эволюция либерализма и консерватизма в России	
<i>Владимир Кантор</i> . Трагедия и правда русского европеизма	53
<i>Ольга Малинова</i> . Кризис российского либерализма: наследие 1990-х и идеологический контекст 2000-х.....	65
<i>Виктор Шейнис</i> . Консервативна ли нынешняя «консервативная волна» в России? Россия и Европа – общий ли тренд?.....	72
2. Либеральные ценности и институциональное строительство	
<i>Андрей Медушевский</i> . Консервативный тренд и институциональное развитие политического режима России	83
<i>Матиас Ёрши</i> . Венгрия: еще один невыученный урок	99
<i>Маркус Эм</i> . Некоммерческие организации как институты гражданского общества.....	105
<i>Борис Вишневский</i> . Российский политический режим: к либерализму и обратно	109

3. Современные международные конфликты и либеральные ценности

<i>Райнер Штиннер. Внешняя политика Германии в период нестабильности: вызовы и возможности</i>	116
<i>Йохан Экман. Склоняется ли мир к силовой политике. Взгляд из Финляндии</i>	123
<i>Антон Антонов-Овсеенко. Насколько современны международные конфликты?</i>	127
<i>Шарлотт Бургесс. Внешнеполитические дилеммы как вызов для либералов</i>	134

4. Либеральные ценности и экономическая политика в эпоху глобализации

<i>Игорь Николаев. Современная российская экономическая политика: все меньше либерализма</i>	136
<i>Олле Шмидт. Зачем в подлинно глобальной экономике нужны либеральные ценности</i>	145
<i>Андреас Кнауль. Либеральные ценности и санкции</i>	152

5. Общество между либерализмом, консерватизмом и национализмом. Навязанные и традиционные ценности

<i>Татьяна Ворожейкина. Антилиберальные тенденции в современном российском обществе: причины и последствия</i>	159
<i>Юрий Коргунюк. Политические и электоральные размежевания на выборах в российских регионах (2012–2014 гг.)</i>	174
<i>Сатка Хаджарпасич. Либерализм в обществах, переживающих переходный период, на примере республик бывшей Югославии</i>	191
<i>Никита Соколов. Либерализм и русская культура. Проблема совместимости</i>	193

6. Либеральные партии в современном партийном спектре: рост или снижение роли?	
<i>Эмиль Киржач.</i> Национальная специфика либеральных партий.....	199
<i>Лена Баден.</i> Либерализм и консерватизм: искусство работы в коалиционном правительстве	205
<i>Галина Михалева.</i> Российский либеральный спектр: формальные и неформальные партии и коалиции	210
Сведения об авторах и выступавших.....	224
Российская объединенная демократическая партия ЯБЛОКО	229
О партии «Альянс либералов и демократов за Европу» (АЛДЕ)	231
Публикации партии ЯБЛОКО	232

Предисловие

«Либеральные ценности и консервативный тренд в европейской политике и обществе» — таково было название очередной международной конференции европейской партии «Альянс либералов и демократов за Европу» (Alliance of Liberals and Democrats for Europe Party, ALDE) и партии ЯБЛОКО, прошедшей в Москве 11 октября 2014 года.

Проведение конференций с участием известных политиков-либералов из разных стран Европы, представителей руководства партии ЯБЛОКО, входящей в АЛДЕ в качестве полноправного члена с 2006 года (и в Либеральный интернационал — с 2002 года), ведущих экспертов, общественных деятелей, журналистов уже стало традицией. Обсуждения всегда посвящены острым вопросам, вызывающим дискуссии не только между политиками, но и в академических кругах. Задача таких конференций — не только зафиксировать и обосновать существующие позиции, но и выработать общий для европейцев либеральный взгляд на проблемы и их решения. Важно, что ЯБЛОКО — партия европейского пути развития России, поэтому дискуссии проходят на основе понимания значимости общих ценностей свободы, демократии, прав человека, правового государства и необходимости их сохранения и распространения в сложных современных условиях роста международных, этнических и межконфессиональных конфликтов. Предшествующие конференции были посвящены алгоритмам противодействия дискриминации по гендерному признаку (2011 г.), противодействию развитию экстремизма и ксенофобии в молодежной среде (2012 г.), проблемам, связанным с миграцией (2013 г.).

Тема обсуждаемой конференции была выбрана как в связи с резким антизападным поворотом и ужесточением авторитарных тенденций в России в ходе украинского кризиса, так и отчетливо прослеживающейся тенденцией роста традиционалистских настроений и популярности консервативных и нацио-

налистических партий в Европе. Российский «консервативный поворот» уже был предметом обсуждения на Федеральном Совете партии в декабре 2013 года, в решении фиксировались опасности стимулируемого государством традиционализма.

Конференция показала, что как среди политиков, так и среди экспертов есть существенные различия в понимании консервативной и либеральной идеологии, роли либералов в истории и их влияния на общественное развитие. Дискуссии развернулись и по актуальным политическим вопросам отношений России и Запада. Именно поэтому в сборнике содержатся не только тексты докладов, но и наиболее значимые выступления и обсуждения докладов.

Конференцию открывали приветствиями Президент АЛДЕ сэр Грэм Уотсон, вице-президент АЛДЕ Олле Шмидт, вице-президент Либерального интернационала баронесса Кишвер Фолкнер, председатель партии ЯБЛОКО Сергей Митрохин и основатель партии, член Политкомитета Григорий Явлинский.

Основные доклады Сергея Митрохина и баронессы Кишвер Фолкнер задавали тон и основное направление дискуссий. Текст Сергея Митрохина в сборнике — дополненный и расширенный вариант его выступления.

В панелях, разбитых на тематические блоки, участвовали как российские эксперты и политики, так и ведущие представители АЛДЕ из Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Финляндии, Черногории и Швеции. Обсуждение началось с анализа эволюции либерализма и консерватизма и рассмотрений российского и европейского представлений о них. Роль либеральных ценностей и консервативного тренда в институциональном строительстве в поставторитарных трансформациях рассматривалась на российском, венгерском и немецком примерах. Бурное обсуждение, в том числе оценки антироссийских и ответных российских санкций, проходило на панелях, посвященных современным международным конфликтам и экономической политике в эпоху глобализации. Рассматривая

состояние российского и экс-югославского обществ и роли как либеральных, так и навязанных и традиционных ценностей, докладчики оценивали отношение к либералам и изменение социетальных расколов в динамике. Завершил конференцию обзор состояния либеральных сил и партий — членов Либерального интернационала, а также отдельно — российских и датских.

Доклады были расшифрованы и авторизованы, а частью докладчиков — расширены и дополнены. В сложной работе по подготовке текстов к публикации участвовали сотрудники партии ЯБЛОКО Анна Мерцалова, Андрей Лазарев, Андрей Белинский и Елена Лоскутова.

В организации и подготовке конференции, работе с иностранными участниками и подготовке сборника к печати ключевую роль исполнила секретарь по международным связям и советник председателя партии Ольга Радаева, помогала ей Мария Ефимова.

В организации конференции и координации работы с российскими участниками важную роль исполнили Валерий Слесарев и Анна Мерцалова.

От имени руководства партии ЯБЛОКО, организаторов конференции и подготовителей сборника благодарю всех докладчиков и участников конференции и выражаю надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Галина Михалева

Приветствия

Сэр Грэм Уотсон (видеобращение)

Добрый день! Я — Грэм Уотсон, я имею честь быть президентом Альянса либералов и демократов за Европу. Я хотел бы пожелать вам удачи в проведении такой интересной конференции. Я хотел бы поздравить наших друзей в партии ЯБЛОКО с тем, что вы выбрали тему развития демократии в Европе, которая сегодня становится все более и более актуальной.

Либерализм — это идеология, которая предполагает перемены и прогресс, не боится возникающих в обществе новых идей, не боится испытывать на прочность, а иногда изменять существующий порядок. Мы делаем это на основании четких ценностей, и именно они определяют наш подход к социальным вопросам. Консерватизм представляет собой совершенно другую идеологию. Я хотел бы обратить ваше внимание на разницу между христианскими демократами, которые, с одной стороны, исповедуют правую идеологию, но, с другой стороны, у этой идеологии тоже есть свои четкие ценности, и консерватизмом, который стремится сохранить, «законсервировать» статус-кво, даже несмотря на то, что реалии меняются. Что меня больше всего пугает в консервативном тренде в Европе? Это — политика господина Путина в России, господина Орбана в Венгрии, господина Борисова в Болгарии и других политиков в других странах. Их цель — сохранить существующую структуру власти. А сохранение существующей структуры власти часто означает бездействие в борьбе с коррупцией, мешает свободному распространению идей, означает вмешательство в медиасреду, которая является относительно новым явлением. Более того, это часто означает попытку защитить тех, кто эксплуатирует других.

Поэтому для либералов необходимо победить. Мне кажется, счастье человечества больше зависит от либерализма, от свободного обмена идеями и мнениями, от возможности бро-

сить вызов существующим мнениям и взглядам. Консерватизм отказывает нам в такой возможности. Это, в основном, идеология прошлого. Идеология, при которой старые борются с молодыми, богатые и привилегированные борются с бедными и с теми, у кого нет привилегий. Идеология власти, в любом из своих проявлений отказывающей гражданам в возможности свободного развития.

Поэтому я считаю, что вы выбрали для данной конференции очень важную тему. Я был очень рад узнать из вашей программы, что у вас запланировано столько прекрасных выступающих. К сожалению, не могу присоединиться к вам сегодня, но я очень бы хотел быть с вами на этой конференции в России. Надеюсь, у вас будет конструктивная дискуссия и с нетерпением жду результатов конференции. Сегодня Россия, как никогда раньше, нуждается в либерализме. Но я знаю, что присутствие такого количества либералов из стольких стран — это знак того, что все мы, либералы нашего континента, разделяем точку зрения, что Россия — это часть европейского общества. И правительство России должно учитывать эту реальность. Поэтому желаю вам удачи!

Олле Шмидт

Безусловно, присутствие сегодня на конференции — это честь для меня. Я являюсь одним из восьми вице-президентов нашей партии АЛДЕ. Мне очень приятно приехать в Россию и, мне кажется, крайне важно обсудить сегодня те темы, которые обозначены у нас в программе. Я — либерал из Швеции, это небольшая страна в Скандинавии на севере Европы, географически, может быть, не маленькая, но все равно во многих смыслах небольшая страна по сравнению с другими европейскими странами. В августе этого года исполнилось, представьте себе,

двести лет с того момента, как Швеция живет в мире. На нашем континенте, конечно, было множество войн за это время, поэтому граждане Швеции должны быть благодарны судьбе за такое благополучие.

Я работал членом Европейского парламента практически пятнадцать лет — с 1999 года. Там меня научили, что Европа — это континент, где можно смотреть на различные проблемы с различных точек зрения. Работая в Европейском парламенте, я также понял, что Россия является очень важным игроком. Грэм Уотсон убедительно сказал, что основные либеральные ценности сейчас находятся под угрозой, именно поэтому мы проводим эту конференцию, поэтому она имеет такое важное значение.

Сейчас также дискутируется вопрос о возможном закрытии границ. Мы сталкиваемся с глобализацией, которая рождает огромное количество вопросов. В мае прошли выборы в Европейский парламент, и мы увидели, что мы сталкиваемся с большим количеством проблем. Это касается не только конкретных стран, но и всего континента. Невозможно найти какой-нибудь единый ответ, каждая страна должна найти собственный ответ для противостояния консервативным идеям. Я бы даже сказал, что сейчас процветают не консервативные, а популистские идеи. Политики пытаются найти простой ответ на сложнейшие вопросы современности. Могу понять, что есть страхи. Я сам из простой деревни, в которой за последние 15–20 лет все очень сильно изменилось. Мои друзья спрашивают меня: «Что делаете вы, политики? Да вы ничего не можете сделать в этом парламенте! Я вот потерял работу, а вы не можете создать для меня новое рабочее место! Чем вы вообще занимаетесь в парламенте? Какая мне от этого польза?». Один из ассистентов Клинтона тоже однажды об этом говорил.

Один из самых важных вопросов, которые мы должны сегодня обсудить: «Важнее ли экономическая стабильность и богатство, чем свобода слова, терпимость и демократия?». Это

вопрос, который задается во всех странах по всему миру, а не только здесь, в России. Сейчас этот вопрос активно стоит на повестке дня в Гонконге, вы знаете о происходящих там митингах. Мой либеральный ответ на этот вопрос: «Конечно, нет!». Богатство не важнее демократии. Здоровое, самодостаточное общество никогда не сможет существовать без либеральных ценностей. История демонстрирует нам это при помощи своих уроков. В течение 20–40 лет можно действительно добиться экономической стабильности, но история Европы показывает, что коммунизм, например, в конечном счете развалился, хотя никто в это не верил. Именно поэтому на Лейпцигской улице в Берлине в четверг вспоминают о демонстрациях, о той атмосфере победы, когда они чувствовали, что могут быть сильнее властей, когда было такое ощущение в Восточном Берлине¹. Мне бы хотелось сейчас процитировать президента Авраама Линкольна: «Можно обманывать часть народа все время, можно обманывать весь народ некоторое время, но нельзя все время обманывать весь народ». Мне кажется, мы дошли как раз до этой точки. Мы сейчас должны осознать все эти вопросы и продвигать наши ценности. Я не хочу сказать, что либеральные ценности — это единственный ответ на вопросы современности, но я считаю, что они должны быть частью ответа на современные проблемы, как говорил об этом и Грэм Уотсон.

Хотел бы закончить свое приветственное слово, сказав опять, что я очень рад приехать в Москву. Надеюсь, мы добьемся положительных результатов на данной конференции, которую даже можно назвать семинаром. Желаю всем удачи!

¹ Имеются в виду события, связанные с демонтажем Берлинской стены.

Баронесса Кишвер Фолкнер

От имени президента Либерального интернационала я хотела бы приветствовать вас на этом форуме. Я являюсь либералом из Великобритании, но кроме этого я очень сильно поддерживаю отношения солидарности, наш союз либералов. В связи с этим я хотела бы высказать слова поддержки в адрес партии ЯБЛОКО.

Я посещаю Россию уже 24 года, приезжала в Россию, кажется, уже 14 раз. До этого момента я никогда не сталкивалась с какими-либо препятствиями, барьерами по поводу визы, но именно в этот раз возникли проблемы с визой. Что поменялось в России по моему впечатлению? Я считаю, что страна дошла до этапа, когда она изолируется, смотрит не наружу, а внутрь себя и пытается противодействовать иностранцам, которые хотят сюда приехать и поговорить со своими друзьями. Кажется, что сейчас страна боится внешних контактов. Страна выбрала позицию изоляционизма вместо того, чтобы интегрироваться. Весь мир интегрируется, а Россия изолирует себя. Чего они боятся? Они боятся, что либералы будут общаться с либералами, обмениваться мнениями? Они боятся, что свободные люди могут поменять свое будущее? Мы говорим, конечно, об индивидуализме, мы также понимаем, что государство должно нас защищать, но оно не должно мешать нам, преследовать нас. Либералы стремятся к будущему, и, безусловно, либералы стремятся сделать себя самодостаточными людьми. Они что, боятся, что мы станем слишком успешными?

Основатель ЯБЛОКА Григорий Явлинский заявил, что сейчас в России наблюдается «хищнический капитализм», капитализм, основанный на олигархии. Может быть, мы слишком оптимистично смотрим на мир? Грэм Уотсон говорил о том, что консерватизм смотрит назад, что это ограниченное, зашоренное мышление, у них отсутствует надежда. Но мы верим в со-

лидарность, в сотрудничество друг с другом. Способно ли наше сотрудничество подточить их власть? Кроме того, существует международное право. Может быть, оно будет подтачивать их власть?

Нас очень много. В Европе либерализм является мощной силой, которая пытается противодействовать росту популярности консерваторов, популистов. Я считаю, что либерализм снова поднимается и набирает обороты. В Бельгии появилось новое либеральное правительство. У нас есть новые, только что созданные партии. В том числе либеральные партии появляются в некоторых странах, которые в прошлом входили в организацию Варшавского договора. Безусловно, мы видим, что популисты, крайне правые поднимаются, но либералы тоже набирают силу, мы стремимся дать свой ответ. Я надеюсь, что сегодня мы сможем определиться с этими ответами и вместе на основании наших ценностей разработать четкое решение.

Григорий Явлинский (видеобращение)

Дорогие друзья! Я приветствую всех участников конференции, посвященной либеральным ценностям и консервативным трендам в европейской политике и обществе. Это на самом деле очень важная конференция, потому что в сегодняшних условиях обсуждать такого рода проблемы в России является важным и даже, я бы сказал, отважным политическим делом.

Я благодарю всех за подготовку этой конференции, за участие в ней, благодарю всех наших иностранных друзей, которые смогли выбрать время и в такой сложный период приехать в Россию. Надеюсь и даже уверен, что это обсуждение будет очень полезным.

Я искренне сожалею, что не смог сам лично участвовать в конференции. Это, пожалуй, впервые в моей практике. Я был

одним из инициаторов ее, но сам участвовать не смог. Это связано с моими обязательствами депутата в городе Санкт-Петербурге, а также с моим участием в пражском форуме президента Гавела. Эти обстоятельства не позволили мне участвовать лично в этой конференции. И все же я благодарю организаторов за возможность обратиться к участникам и к тем многоуважаемым докладчикам, которые сегодня будут выступать, и поделиться своими соображениями относительно темы, которая сегодня будет обсуждаться.

Прежде всего мне бы хотелось остановиться на понятиях. Понятия, которым посвящена эта конференция, — я имею в виду собственно понятия «либерализма» и «консерватизма», — в России, конечно, выглядят исключительно туманно. Правда, надо признаться, что и в мире особой ясности в современной политике в отношении этих терминов на сегодняшний день нет. Поэтому мне хотелось бы сказать, что мы понимаем под, например, либерализмом. Это — свобода слова, прежде всего, религиозная терпимость, права на жизнь, на свободу, на частную собственность, на защиту от власти и ограничение власти законом, система разделения властей. То, что я перечислил, — это все то, чего в нашей стране сегодня нет. В целом либерализм — это равенство людей в свободе познания мира и самих себя, защищенное от мракобесия и от физической расправы, на базе прав человека.

Либерализм, говоря другими словами, — это правовое государство и защита прав меньшинства. Любого меньшинства. Либерализм — это в экономическом смысле участие государства в экономике для того, чтобы обеспечить равенство возможностей всех участников и не более того.

Консерватизм же отстаивает преемственность, выступает против революций, за незыблемость, преемственность правил, отстаивает лучшее, а вовсе не все подряд. Консервативные политики и консерватизм опираются на общественные институты в политике, на либерализм в экономике, на мораль, в том числе связанную с

религией. Консерватизм отстаивает институты и право от посягательств власти на экономику и вмешательство в жизнь. Консерватизм — это такое политическое направление, которое заботится об аристократии, о поддержании в обществе такой атмосферы, когда людям хочется видеть пример для подражания. Например, консерватизм — это европейская традиция уважения к высоким профессионалам. Скажем, к врачам или архитекторам, или юристам. Консерватизм, как его понимают в этом смысле в Америке, — это то, что говорит о предпринимателях, о том, что каждый человек может создать себя сам, и особое уважение вызывают люди, которые создали сами своими руками, своим талантом свою собственную судьбу. Даже в СССР в этом смысле были консервативные традиции: уважение к высококлассным инженерам, к научным работникам, академикам, учителям.

Говоря о консерватизме в российской политике, нужно отметить, что никакого консерватизма, о котором любят говорить сегодня российский истеблишмент и руководство России, в стране нет, так как настоящий консерватизм — против псевдоаристократии, не приемлет ценностный нигилизма; он против коррупции, против эксплуатации в повседневных нуждах законодательной власти. Настоящий консерватизм поддерживает политический баланс без применения силы. А тот режим, который поддерживает политическую стабильность силой, неминуемо раньше или позже ведет страну к кризису, и в этом смысле он абсолютно противоречит тому, что называется консерватизмом.

Говоря об экономике, всерьез обсуждая проблемы российского рыночного механизма, нужно с полной ответственностью сказать, что в российской экономике никакого либерализма тоже нет, так как вся собственность в большей или меньшей мере слита с властью. Так была проведена реформа в 1990-е годы. Тогда на основе проведенных в России так называемых «полукриминальных залоговых аукционов» создали систему полного слияния власти и собственности. И конечно, такая система не имеет никакого отношения к современному рыночно-

му механизму, к рыночной экономике и к современному либерализму. Даже если вспомнить таких авторов или философов, как основатель, например, современного объективизма Айн Рэнд, которых многие считают крайне правыми либералами, я должен был бы подчеркнуть, что даже с точки зрения этих крайне правых либералов сегодняшние отношения в экономике России, фундамент которых был заложен в 90-е годы, ни в какой мере не имеют отношения к либерализму именно потому, что почти все крупнейшие состояния в России и почти все благосостояние в России у отдельных групп людей, которые составляют не более 5% населения страны, были созданы благодаря связям с властью и через власть. Нет в этом смысле и свободного рынка, нет конкуренции, а есть гибридная периферийная система псевдокапитализма.

Это надо очень хорошо понимать, говоря о России, потому что в противном случае невозможно выработать успешную стратегию на будущее. Кстати, должен сказать, что об этом очень много раз и подробно мы говорили и в России, и за рубежом, акцентируя внимание на этих не просто особенностях, а решающих обстоятельствах, которые не позволяют построить сегодня в России современное общество. Так вот, нужно было случиться тому самому общеевропейскому, если только еще пока не общемировому кризису, чтобы на все эти обстоятельства очень медленно и постепенно стали обращать внимание.

Что же произошло в итоге построения такой не консервативной и не либеральной модели в России? В итоге события в последний год говорят о повороте не в сторону консерватизма и не уходу от либерализма, а просто о повороте в сторону против здравого смысла. То направление, по которому сегодня проводится, скажем, внешняя, да и внутренняя политика, — плохо для всех: для людей консервативных убеждений, либеральных убеждений, левых убеждений, правых убеждений, потому что это направление ведет в широком смысле и хаосу к разрушению всех правил игры как внутри страны, так и в мире в целом.

Первая и Вторая мировые войны в Европе вели к разрушению Европы. Это был колоссальный цивилизационный кризис: и Первая мировая война, и Вторая мировая война. Они вели к уничтожению европейской цивилизации как таковой. Победа над фашизмом явилась важнейшей предпосылкой, но все же не окончательным решением проблемы. А окончательным решением проблемы и переходом в новое качество явились создание и построение как реальности Европейского Союза, который и является моделью преодоления того цивилизационного кризиса, которым отмечена была первая половина XX века в Европе. Поэтому выступление России против Европейского Союза, заявления странных людей в самой России о том, что Россия — это не Европа, — это серьезная цивилизационная угроза. Она серьезна постольку, поскольку становится практической политикой. Пример этого нужно видеть и понимать в следующем: когда говорят, что собираются проводить консервативную политику, то нужно отдавать себе отчет в том, что, например, нарушение сложившихся в последние 20 лет границ не является консервативной политикой. Это является политикой постмодернистского хаоса. Это очень опасное направление. Поэтому никаким образом российскую правящую группу нельзя считать консервативной. Консерваторы — это люди совсем другого склада. Чем отличается сегодняшняя правящая группа? Ненавистью ко всему чужому и не похожему на нее, социальным популизмом; она так защищает традиционные ценности, что это больше похоже на исламских фундаменталистов и традиционалистов. То есть, иначе говоря, — на реакционеров.

Я не могу удержаться и не привести цитату из статьи, которую Владимир Путин использовал в своем послании к Федеральному Собранию. Эта статья Николая Бердяева, которую цитировал Путин, заканчивается как раз утверждением исторической обреченности такого рода консерватизма: «Если консерватизм существует лишь у власти, оторванной от народа, то всё развитие народа делается болезненным. Постылый и оттал-

квивающий консерватизм бессилен, он может насиловать, но не может привлекать к себе и вести за собой. Когда консерватизм ассоциируется в народном сознании с препятствием для развития и с враждой к творчеству, то в стране готовится революция».

Вывод прост: национальный интерес России — это европейская Россия во внутренней политике, внешней политике и в образе жизни. И основой движения к такой России является разумное взаимодополнение современного либерализма и современного консерватизма. Именно это и есть путь к тому, что называется ответственной политикой, которую так хочет построить в России российская партия ЯБЛОКО. Другие пути, другие подходы, как мы видим, ведут в тупик.

В заключение я хочу сказать вам: я считаю, что эта конференция очень важна особой и нестандартной, очень сложной задачей — найти выход из сложившегося положения мирный, рациональный, никого не унижающий, бескровный. И в решении этой задачи мы очень хотели бы опираться на опыт наших друзей и коллег из Европы, именно в этом смысл и задача сегодняшней конференции. Я желаю вам, дорогие коллеги, успешной работы!

Основные доклады

Сергей Митрохин

Либеральные и консервативные ценности в современной российской политике

Понятия «либерализм» и «консерватизм» описывают различные идеологии, под которыми дальше будут подразумеваться комплексы кардинально различающихся мировоззренческих ценностей.

Основное различие между этими идеологиями заключается в том, что консерватизм требует соответствия политического порядка традиционным ценностям, а либерализм — ценностям свободы и ответственности личности.

За последние 20 лет позиции этих идеологий в России претерпели полную инверсию. Либерализм из господствующего течения в начале 90-х годов превратился в оппозиционное, а консерватизм — из маргинального течения чуть ли не в официальную идеологию.

Попытаюсь объяснить, почему это произошло и какие выводы должны из этого сделать российские либералы. Но сначала — еще два замечания о природе этих мировоззрений.

1. Отношение к традиции

Либеральная идеология отличается более универсальным содержанием, поскольку ценности свободы имеют общезначимый характер в разных странах. Консервативная идеология, напротив, сильно варьируется, так как в каждой стране ориентирована на ее национальную традицию, а эти традиции очень разные. Российский консерватизм очень сильно отличается от консерватизма европейских стран.

Для некоторых стран (например, Англии и США), ценность свободы относится к базовым, поэтому она поддерживается

идеологией консерватизма. Там уместно понятие «либеральный консерватизм». С точки зрения российской традиции, это словосочетание — оксюморон.

В российской традиции, вплоть до конца XX века, ценность свободы не была укоренена как базовая категория, в отличие от ценностей этатизма, т. е. «державности», настраивающих личность на безусловное подчинение воле государства.

Российский политик, претендующий на нишу «либерального консерватизма», рискует впасть в эклектику. Я даже могу назвать имя одного такого политика. Это — В.В. Путин образца 1999 года. В своей программной речи «Россия на рубеже тысячелетия» накануне миллениума он, с одной стороны, апеллировал к таким «наднациональным, общечеловеческим ценностям», как «свобода слова, выезд за границу, другие основные политические права и свободы личности».

Но в то же время он говорил о «другой опорной точке консолидации российского общества, которую можно назвать исконными, традиционными ценностями россиян». Это:

- 1) «патриотизм, связанная с ним национальная гордость и достоинство»;
- 2) «державность или державная мощь»;
- 3) «государственничество. Крепкое государство как источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен».

Совершенно ясно, что реализация этих, действительно по сути традиционных ценностей на практике оставит от «общечеловеческих» рожки да ножки. Что в результате и произошло.

Императив свободы выбора, раскрепощения личности, лежащий в основе успешного развития, в XXI веке не имеет ничего общего с культом «державности» и «государственничества» как «движущей силы любых перемен».

Всем, кто в начале «нулевых» задавал вопрос: «Who is mister Putin?», надо было читать эту речь. В ней уже было почти все сказано.

В стране, не имеющей глубоких либеральных традиций, курс на эффективную модернизацию возможен только при отказе от достаточно большого набора традиционных ценностей. Если этого не сделать, то никакого либерального консерватизма в результате не получится, потому что консервативное в этой эклектике быстро проглотит все либеральное.

В этом контексте уместно вспомнить опыт модернизации некоторых азиатских стран, у которых традиционная культура также имела мало общего с либеральными ценностями. Успешные реформы в этих странах были обусловлены не просто отказом от ряда традиций, а резким разрывом и даже борьбой с ними. Наиболее яркий пример — реформы Ата-турка в Турции.

2. Отношение к модернизации

В странах догоняющего развития, к которым относится Россия, роль либерализма и консерватизма в политике определяется отношением этих мировоззренческих систем к проблеме модернизации. Во главу угла выдвигается вопрос: вы за изменения в соответствии с моделью развития успешных стран мира или вы против этих изменений? Положительный ответ может иметь разные нюансы («правого» и «левого» толка), но он в принципе — либерален, а отрицательный ответ на этот вопрос по сути — консервативен. Ответ, хотя бы они этого или нет, вынуждены давать и левые, и правые.

Российская КПРФ, например, сегодня дает резко консервативный ответ, на фоне которого ее «левизна» и «коммунизм» отодвигаются на второй план.

В ее идеологии наследие Маркса, Энгельса и даже Ленина представлено весьма фрагментарно, и эти фрагменты варятся в густом бульоне консервативной эклектики, связанной, в первую очередь, с культом деспотического государства, олицетворяемого личностью Сталина. При этом лидер КПРФ обменивается орденами с главой РПЦ и постоянно апеллирует к авторитету наиболее популярных в народе царей.

Сам же по себе коммунизм в «чистом виде», завещанном Марксом и даже приспособленным к своим целям Лениным, встречается только среди левых маргиналов. Почему так получилось? Дело в том, что классический коммунизм был направлен одновременно против западного «буржуазного либерализма» и против российского самодержавного консерватизма. Поэтому на главном фронте современной «идеологической борьбы» ему нет места.

Из этого всего следует, что левизна КПРФ на сегодня является вторичным политическим признаком, а вот ее консерватизм — первичным. По этому признаку коммунисты консолидируются с ЕР, ЛДПР и СР, то есть всеми остальными партиями, представленными в Госдуме, у которых тоже есть свои политические отличия, но они также вторичны. Для СР, например, вторична ее риторика в духе европейской социал-демократии. Ключевые голосования СР в ГД противоречат этой риторике.

3. Модернизация: фактор успешности

Более или менее успешная модернизация порождает в обществе достаточно широкую и устойчивую поддержку либеральных ценностей, движений и партий. Чем более успешны результаты модернизации, тем сильнее в обществе запрос на ее продолжение и отклик на пропаганду либеральных ценностей.

Об этом говорят известные специалисты по сравнительному изучению эволюции ценностей в странах мира Р. Инглхарт и К. Вельцель, опирающиеся на материалы Всемирного обзора ценностей (World Values Survey <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>): «Модернизация в социально-экономической» сфере создает объективные предпосылки, позволяющие людям строить свою жизнь на основе собственного выбора... Люди начинают требовать свободы выбора и отстаивать ее»².

Об этом свидетельствует собственно российский опыт

² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия., Последовательность человеческого развития. М., 2011. С. 13.

позитивных, но незавершенных реформ Александра II, породивших либеральное по своему основному умунастроению Земское движение, которое в 70-е годы XIX века начало формулировать политические требования, включая принятие Конституции и созыв Учредительного собрания.

Почти в то же самое время революция Мэйдзи в Японии дала аналогичный результат, породив уже через 15 лет Либеральную партию, социальную базу которой составили интеллектуалы и зажиточные крестьяне.

Тот же самый эффект порождали диктаторы, проводившие успешные экономические реформы, например, в Испании под конец правления Франко, на Тайване, в Южной Корее и т.д. В их планы не входила никакая либеральная демократия, но они поневоле становились ее «отцами».

Успешная модернизация — это свежий ветер в паруса либерализма, но и других кораблей тоже. Он подпускает свежие дуновения свободы и в консерватизм, делая его либеральным, и в социализм, направляя его в русло социал-демократии. В качестве примера можно привести Социал-демократическую партию Германии, которая в 1959 году официально отказалась от концепции классовой партии и марксистских принципов, включив в свою программу «необходимость защиты и развития частной собственности на средства производства». Вне всяких сомнений, это программное изменение произошло под влиянием успешных реформ Людвиг Эрхарда, породивших «немецкое экономическое чудо».

Неудачная модернизация порождает совсем другие последствия. В случае неудачных реформ консервативная реакция получает дополнительный импульс для своего торжества, что порождает феномен «реакционного» консерватизма, который отбрасывает любые ценности, противоречащие его трактовкам национальной традиции. Места для уступок идеям модернизации и либеральным ценностям в этом случае уже не остается.

В этом, по-видимому, причина успеха религиозного фундаментализма, например, в том же Иране. В России начала XXI века произошло нечто подобное, возможно, еще более трагичное. Реформы Реза-шаха в Иране были, может быть, по сути, и правильными, но слишком радикальными. Реформы 90-х в России были одновременно радикальными и неправильными, деструктивными для экономики и общества.

Российское общество отторгло эти реформы с такой силой, что за 20 лет произошел крутой разворот в его ценностных ориентациях. Ценности либерализма и демократии подверглись глубокой дискредитации, так как стали ассоциироваться с ограблением российского народа.

Другим результатом реформ стало создание олигархической экономики, на базе которой начала формироваться авторитарная система власти ³.

4. Государство-рантье

Объективная потребность в политическом курсе модернизации при этом существовала хотя бы в связи с тем, что в 90-е годы произошла глубокая деиндустриализация страны, которая по уровню своего промышленного развития была фактически отброшена на 100 лет назад ⁴.

Однако очень скоро эта потребность сильно притупилась и сошла на «нет». Это произошло под влиянием такого мощного фактора, как стремительный рост цен на нефть.

С ростом нефтяных цен задача восстановления экономики отпала сама собой. Просто оказалось, что результаты индустриального развития можно купить у других стран за счет доходов от продажи нефти и газа. В распоряжении государства оказались

³ Формирование в России в 90-е годы «олигархического капитализма» и его связь с авторитарной системой правления подробно изучена в работах Г.А. Явлинского: Периферийный капитализм. М.: Интеграл-информ, 2003; Стимулы и институты. Переход к рыночной экономике в России (совместно с С.В. Брагинским). М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007 и др.

⁴ См., например: Трейвиш А.И. Промышленность в России за 100 лет. Россия в окружающем мире: (Аналитический ежегодник). М., 2002.

огромные сырьевые ресурсы. Это обстоятельство предопределило судьбу модернизации. Она просто-напросто закончилась.

Вместо трудного курса продолжения модернизации в политике сама собой возобладала «линия наименьшего сопротивления», очень быстро приведшая к созданию государства-рантье.

Для населения России рост нефтяных цен отозвался ростом доходов и улучшением уровня жизни. Не только у населения страны, но и у ее элиты как-то само собой сформировалось ощущение, что именно отказ от каких-либо реформ вообще и является главной причиной благоприятных изменений.

Наличие сырьевых ресурсов создает соблазн, который трудно преодолеть. Вместо реформаторских усилий, направленных на развитие экономики, но чреватых большими рисками для самих реформаторов, можно сразу и безо всякого риска покупать результаты развития у других стран. Это то же самое, что приобретать здоровье не благодаря длительным занятиям в спортзале, а путем покупки лекарств в аптеке.

Есть прецеденты существования государств-рантье в европейской истории. Так, например, Великие географические открытия породили совершенно разные стратегии освоения их результатов. Короли Испании и Португалии монополизировали поставки золота и серебра из Нового света и стали государствами-рантье. Получая эти богатства в огромных количествах, они тратили их на роскошь и увеличение рентно-ориентированной элиты.

В Голландии и Англии государства были не в состоянии монополизировать заморскую торговлю и тем самым стать государствами-рантье. Эти страны воспользовались теми же открытиями для того, чтобы дать простор частной инициативе в организации международной торговли. В результате прихлынувшие ресурсы дали мощный импульс развитию этих стран, а Испания и Португалия на столетия погрузилась в консервативный застой.

Более близкий к нам во времени феномен государства-рантье был хорошо изучен на примере нефтяных арабских стран,

анализ которого привел к углублению понимания феномена «страны-рантье»⁵ и крайне отрицательной роли изобилия сырьевых ресурсов для развития демократии (т.н. «ресурсное проклятие»).

Контролируя огромные доходы от продажи ресурсов, правительство не нуждается в согласовании этих доходов с обществом и его представительскими институтами. Эта ситуация существенно отличается от положения правительств в странах без больших ресурсов, где правительства вынуждены согласовывать свои доходы с обществом, которое является их единственным источником.

При этом у государства-рантье больше развязаны руки для манипуляции обществом, выражающейся как в патернализме по отношению к лояльным группам населения, так и в ослаблении влияния потенциальных независимых групп.

Манипулирование облегчается еще и тем, что само общество пребывает в расслабленном состоянии. Рентные доходы ведут к снижению экономической и деловой активности, что тормозит развитие в обществе гражданских процессов. В связи с монополизацией основных источников доходов сокращается количество самостоятельных экономических субъектов, огромная часть населения попадает в материальную зависимость от государства.

С одной стороны, элита государства-рантье не нуждается в изменении существующих институтов. С другой стороны, модернизация по западному образцу требует реформ, ограничивающих власть в объеме и времени. А власть так желанна в условиях, когда распоряжается столь большим объемом ресурсов. Возникает желание стать центром мира, проводить Олимпиады и мировые чемпионаты, перекраивать географическую карту...

Доступность огромного ресурса порождает соблазн удерживать его так долго, насколько это возможно.

⁵ См. например: Ross M., Does oil hinder democracy? World Politics 53 (April 2001). P. 329

4.1. Социальная база оппозиции в государстве-рантье

Но все же всегда остается угроза со стороны меньшинства, живущего в крупных городах, образованного и молодого, которое недовольно своим положением в государстве-рантье, имеет жизненные стандарты, ориентированные на развитие. В основном это часть населения, чья экономическая деятельность связана с обслуживанием «постиндустриального» сегмента экономики, который сегодня есть в любой стране мира, ведь даже самые отсталые страны импортируют из развитых определенные технологии, продукцию и услуги. Страна-рантье покупает этот сегмент как минимум для нужд своей элиты за счет сырьевых доходов. Но специалистов по его обслуживанию в необходимом количестве купить нельзя. Поэтому «постиндустриальный» сектор вовлекает в свою орбиту какую-то часть населения — в первую очередь крупных городов. Речь идет не только о работниках, необходимых для обслуживания этого сектора, но и о потребителях его услуг и продукции, которым навязываются новые стандарты качества и уровня жизни.

В России, где неравномерность регионального развития проходит по линии столица/регионы, было совершенно естественным сосредоточение большей доли этого сегмента именно в Москве.

Именно в столице и дал о себе знать этот «креативный класс», который является сегментом среднего класса, но выделяется из него более высокими стандартами качества жизни и, следовательно, запросом на перемены.

Совершенно естественно, что элита государства-рантье видит в этом классе угрозу своему господствующему положению, обеспечивающему ей преимущества в присвоении ренты, но тормозящему развитие страны.

4.2. Консерватизм как защитная реакция элиты-рантье

Цели сохранения неограниченной власти и связанных с ней ресурсов резко повышают запрос элиты-рантье на консервативные ценности и идеологии, главным содержанием

которых становится сопротивление модернизации путем противопоставления ей традиционных ценностей и институтов. Ведь, как известно, консерватизм очень эффективен в качестве охранительной идеологии, защищающей существующие порядки.

Здесь тоже напрашивается аналогия с нефтяными арабскими странами, в которых консервативная реакция против вызовов модернизации выливается в насаждении традиционного ислама.

5. Отношение к патриотизму

Всеобщее «расслабление» элиты в государстве-рантье, с одной стороны, содействует росту коррупционных скандалов, а с другой — резко ослабляет контрольные механизмы государства. Ведь снижение уровня коррупции — это одно из ключевых направлений тех самых реформ, от которых принципиально отказывается рентное государство.

Это еще одна причина востребованности консервативных настроений в правящей элите государства-рантье, связанная с тем, что для данного мироощущения органична гипертрофированная апелляция к иррациональным эмоциям, в первую очередь, к чувству патриотизма.

Здесь уместно вспомнить известное выражение: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя». Речь в этом афоризме идет не о естественном чувстве любви к Родине, а о политической ценности, вокруг которой возбуждаются сильные эмоции. Если вы — коррупционер, то вам легче всего отвлечь внимание аудитории от этого неприятного обстоятельства, переключив ее внимание на темы, вызывающие такие эмоции. Чем коррумпированнее элита, тем выгоднее ей разогреть свой патриотизм до накала ксенофобии и шовинизма.

Раздувание патриотической истерии гораздо проще осуществлять с консервативных позиций, чем с либеральных. Императив самопожертвования во имя Родины с трудом совмещается с либеральной ценностью самостоятельности личности. Это не означает, что либералы по определению не могут быть патриотами. Дру-

гое дело, что их трудно запугать мнимыми угрозами безопасности Родине, которые сочиняют коррупционеры для раздувания патристической истерии.

6. Жупел «оранжевых революций»

Страх консервативной элиты перед вызовом со стороны «креативного класса» постоянно подпитывается процессами, происходящими в окружающем мире. Императив постиндустриальной модернизации по всему миру поднимает «креативные меньшинства» многих стран на сопротивление коррумпированным авторитарным режимам, обрекающим эти страны на отставание.

Этим движениям, прозванным у нас «оранжевыми революциями», очень легко приписать координацию из единого центра, который столь же легко представить неискушенным массам как средоточие «мирового зла». В парадигме консервативной идеологии первопричиной этого зла является источник модернизационных вызовов современного мира, то есть Запад в широком смысле слова.

Первой из таких «оранжевых революций», ускорившей окончательный разрыв путинского режима с курсом на модернизацию, были события на Украине 2004 года, затем была еще «арабская весна», а митинги 2011–2012 годов в Москве показали, что в России такие сценарии тоже реальны.

В результате страх перед призраком «оранжевой революции» стал главным фактором эволюции режима. С целью сохранения власть усилила репрессии против оппозиции и развернула наступление на гражданские права и свободы. Началась открытая пропаганда против либеральных ценностей, был взят курс на открытую конфронтацию с Западом.

В течение всех этих десяти лет после первого украинского «майдана» в Кремле непрерывно разрабатывалась программа превентивных мер, упреждающих любые попытки свержения режима. В первую очередь, она включала в себя усиление репрессий против оппозиции, драконовские законы, направленные против гражданского общества, сворачивание прав и свобод и т.д.

В русле этой политики режим осуществил радикальный идеологический разворот к антизападному вектору и соответственно, к конфронтации с Западом.

В период президентства Д.А. Медведева этот разворот был не остановлен, а только лишь прикрыт и слегка заторможен умеренно либеральной и модернизационной риторикой⁶.

После возвращения В.В. Путина в президентское кресло власть с новой силой развернула наступление на оппозицию и гражданское общество, что в значительной мере было обусловлено страхом перед массовыми митингами в Москве.

7. Трансформация ценностей: консервативный тренд

Правящая элита не просто приняла реакционный консерватизм на вооружение как идеологию, она активно внедряет его в общественное сознание с целью трансформировать в нужную сторону саму структуру его ценностей. Одновременно решается задача по отвлечению внимания общества от наиболее острых проблем: коррупции, резкого социального расслоения, низкого качества государственных институтов и т.д.

Тут нет попытки выстроить какую-то логически связную систему. Из исторической традиции берется все, что способно разогреть антизападную ксенофобию и шовинизм.

Поддержка высокого градуса шовинистической истерии, несомненно, является одной из целей внешней политики. Весь 2014-й год прошел под знаком консолидации российского государства и общества на борьбу с очередным майданом на Украине. Все это приводит к существенной трансформации массовых настроений и ценностных установок.

Для того чтобы получить о ней представление, я предлагаю использовать известную методологию уже цитировавшихся выше Инглхарта, Вельцеля и других, выработанную в ходе реализации в течение 20 лет масштабного проекта Всемирного

⁶ Цена этой риторики особенно ясна сегодня, когда в роли премьер-министра Медведев реализует полностью противоположную политику.

обзора ценностей (ВОЦ), позволяющего сравнивать базовые ценностные установки жителей большинства стран мира.

Согласно их теории, в ходе индустриализации происходит переход от традиционной системы ценностей к более рациональной и менее связанной с религией (секуляризированной). При переходе же от индустриальной эпохи к постиндустриальной, основанной на экономике знаний, осуществляется отказ от так называемых «ценностей выживания» в пользу ценностей самовыражения, в центре которой стоит автономная творческая личность.

Несколько обобщая, можно утверждать, что ценности традиции и выживания, как правило, являются опорой консерватизма, а ценности рациональности и самовыражения создают основу либерального мировоззрения в широком смысле этого слова.

При переходе от аграрного общества к индустриальному судьба традиционных ценностей и установок может быть разной. В случае сравнительно быстрого роста благосостояния люди постепенно меняют свои базовые ориентации на более «либеральные».

В случае сохранения суровых условий жизни в ходе индустриализации, в обществе сохраняется приверженность «антилиберальным» ценностям, хотя они и приобретают более рациональный характер. Это происходит потому, что на первый план более настойчиво выдвигаются цели физического выживания и обеспечения безопасности.

Традиционный комплекс включает в себя еще и повышенный градус «национальной гордости» и ксенофобии, нетерпимости (например, к секс-меньшинствам) и, напротив, пониженный уровень доверия к окружающим, находящимся за пределами семьи. Но самое главное в этом комплексе — некритическое доверие к власти, вытекающее из естественной для традиционной личности потребности делегировать ответственность за свою судьбу вышестоящим авторитетам (как божественным, так и человеческим).

В ходе индустриализации по жесткому варианту эти антилиберальные установки консервируются в несколько рационализированном и светском варианте, происходит их десакрализация. Например, ксенофобия переключается с иноверцев на лиц другой национальности, преданность власти — с представлений о ее божественном происхождении на иждивенческие ожидания и т.д.

Что же касается постиндустриального перехода, то в его рамках либеральному тренду альтернативы практически нет. Для информационного общества и экономики знаний ценности свободы выбора, автономии личности, ее ответственности за себя и окружающей социум являются основополагающими.

Соответственно, и в отношениях личности с властью имеют место существенные перемены. Если при переходе от традиционного общества к индустриальному происходит десакрализация власти, то при движении в сторону постиндустриального начинается эмансипация от нее.

Согласно международным опросам в рамках проекта ВОЦ, ценностный комплекс населения бывших коммунистических стран (в его усредненном виде) весьма сильно продвинулся от традиционных к секулярно-рациональным ценностям, то есть по направлению перехода к индустриальному обществу; но очень незначительно — в «постиндустриальном» направлении, от ценностей самовывживания к ценностям самовыражения.

Довольно резкий отход от традиционных ценностей связан в первую очередь с атеизмом — официальной идеологией этих стран в XX веке. При этом реалии индустриализации, урбанизации, роста образования и тому подобного содействовали развитию рационалистической ментальности.

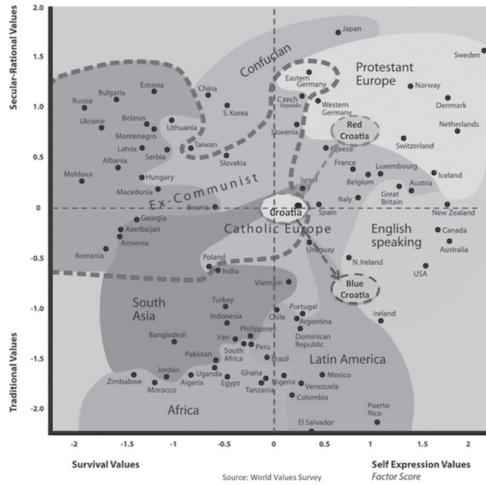

Рис. 1. Ценностные предпочтения населения разных стран мира в 2000 году

Сопоставив «культурную карту» 2000 и 2013 годов, мы видим, что в ряде посткоммунистических стран произошел некоторый откат — обратно от секулярно-рациональных к традиционным ценностям, причем наиболее резким он является именно в России.

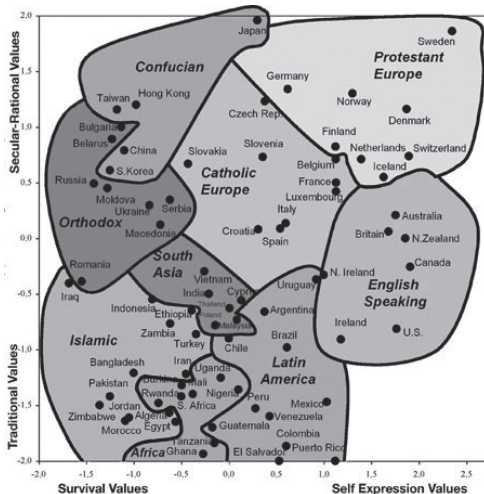

Рис. 2.

То же по состоянию на 2013 г. На рис. 2 в сопоставлении с рис. 1 видно «сползание» России по оси «традиционные» — «секулярно-рациональные» ценности с 1.0 до 0,5.

Ученые, реализующие проект ВОЦ, заметили эту «уникальность» нашей страны довольно давно. Тенденция «отката» к архаическим ценностным комплексам выделяет Россию не только в мировом контексте, но даже на фоне других посткоммунистических стран.

Changes over time, 1981-2007

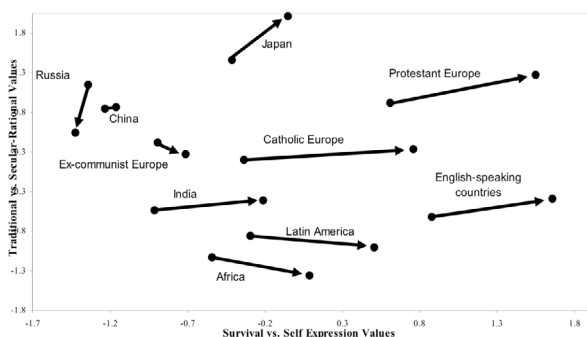

Рис. 3.

Как видим по рис. 3, РФ не просто отстает от общего и в целом либерального тренда мирового социокультурного развития, а движется вспять от него.

Причины этого процесса, возможно, коренятся в том, что: 1) в стране в результате провальных реформ прошла глубокая деиндустриализация, хотя при этом 2) даже не начался переход к требующей еще большей рационализации постиндустриальной «экономике знаний». Таким образом, род занятий большей доли населения теперь меньше связан с рационально организованными технологическими процессами.

Несомненно также, что немалую роль сыграло и постепенное изменение идеологии правящей элиты, все больше поддерживающей ползучую клерикализацию общества. Поэтому на вопрос

о «роли Бога в вашей жизни», ключевой для отнесения к традиционному типу личности, все больше россиян отвечают положительно.

8. Консервативная атака на общество

Особенность этого ценностного регресса в том, что он протекает при активной поддержке государства. Власть страны-рантье пытается приспособить структуры массового сознания к своим базовым потребностям, реанимируя в нем архаические комплексы, сформировавшиеся на предшествующих стадиях развития.

На основе этих комплексов активизируются такие крайне выгодные для власти настроения, как «обостренное чувство национальной гордости» и «большее уважение к авторитету властей». В связи с этим традиционный комплекс включает механизм делегирования ответственности в пользу высшей инстанции, роль которой могут играть Бог или авторитарный лидер.

Реставрация традиционной религии после многих десятилетий атеистической пропаганды достаточно проблематична. Поэтому она производится при неприкрытой поддержке государства весьма агрессивно посредством клерикализма в образовании, публичном пространстве, через государственные СМИ и т.д. Такая клерикальная пропаганда ведет не к возрождению искренней религиозной веры, а к насаждению ее суррогатов, в котором упор делается на внешнюю обрядность. При этом возникает феномен религиозности, не связанной с моралью.

Для традиционного комплекса характерны еще аполитичность, приоритет семьи перед более широкими «кругами доверия», что затрудняет создание структур гражданского общества.

Для комплекса «ценностей выживания» характерны ксенофобия и гомофобия, сексизм в отношении роли женщины в обществе, предпочтение государственной собственности частной и т.п. Нет безусловного приоритета ценностей демократии, а, напротив, есть склонность к поддержке сильного лидера с неограниченной властью. Респондент этого типа менее

склонен к общественной активности, не любит подписывать петиции.

Этот беглый и выборочный перечень дает представление о том, что представляют собой ценности современного российского консерватизма.

С целью дискредитации Запада, а также его ценностей, используются компоненты архаических комплексов, вызывающие наиболее сильные массовые эмоции. В этом — смысл гомофобской кампании в связи с принятием Закона о запрете пропаганды гомосексуализма. Широкое «общественное обсуждение» этого законопроекта на государственном телевидении активно использовалось с целью шельмования толерантности западных стран к сексуальным меньшинствам.

Такую «консервативную» политику можно сравнить с попыткой родителей вернуть взрослому ребенку в психологическое состояние подростка, чтобы удерживать его в повиновении, управляя известными и привычными им подростковыми комплексами. Но в процессе воспитания воспитателям самим приходится поневоле перестраивать свою психику на подростковый лад.

9. Последствия консервативного разворота

Последствия консервативного поворота для России весьма печальны. Не все из них сейчас очевидны, но некоторые уже налицо.

9.1. Угроза территориальной экспансии

Я имею в виду территориальную экспансию — аннексию Крыма и нынешние авантюры Кремля на востоке Украины.

Агрессивная пропаганда консервативных ценностей не может ограничиваться одними словами. Она должна подкрепляться какими-то делами. Для своего утверждения ценности нуждаются в активностях. Поэтому у каждого идеологического проекта помимо ценностной составляющей должна быть какая-то одобряемая обществом практическая цель. У либерального проекта она в том, чтобы модернизировать страну, делая ее процветающей. У консервативного — цель в том, чтобы расширять страну территориально.

9.2. Угроза фашизма

В дополнение к этому надо сказать и о таком результате консервативной мобилизации, как рост национализма, который является естественным следствием шовинистической ксенофобии. При этом национализм может принимать этническую форму, что взрывоопасно в такой многонациональной стране, как РФ.

Не менее, чем перспектива нестабильности, мрачен и прогноз, связанный с усилением радикальных националистических направлений в российской политике. Власть, которая сегодня собирается решать свои текущие проблемы за счет пробуждения темных инстинктов толпы, рискует завтра сама стать жертвой этих же инстинктов, когда они выйдут из-под ее контроля и перейдут под контроль гораздо более жесткой силы.

9.3. Угроза человеческому капиталу

Если двух вышеперечисленных угроз, может быть, и удастся избежать, то этого уже точно нельзя сказать о последствиях реакционного консерватизма для развития страны.

Сравнительное изучение взаимосвязи национальных культурных традиций с темпами экономического развития многих ученых привело к схожим выводам о том, что в этих традициях есть элементы, содействующие развитию и блокирующие его⁷.

Успешная модернизация, как правило, связана не только с удачной экономической политикой, но и с преодолением блокирующих элементов традиции, среди которых особенно вредны нормы и установки, требующие подчинения авторитетам, подавляющие личную автономию и закрепощающие индивидуальную, в том числе предпринимательскую, инициативу.

В российской традиции таких блокирующих элементов немало, и они препятствуют высвобождению совсем других потенциалов «русской души», которые как раз могли бы стать двигателем национального развития.

На эти потенциалы обращали внимание не только русские писатели (например, Лесков в рассказе «Левша»), но и зарубежные ученые.

⁷ Харрисон Л. Кто процветает? N.Y., 1992; М., 2008.

Американский специалист по истории технологий Лорен Грэхем посвятил целую книгу⁸ одному уникальному парадоксу российской культуры. Он отмечает, что наш народ исключительно богат на таланты, причем не только художественные, но и научные и изобретательские. Но это изобилие талантов резко контрастирует с хронической отсталостью в развитии технологий. Талантов много, но еще больше барьеров на пути их развития и реализации, которые расставляет не только государственная бюрократия с ее репрессивными подходами к управлению страной и подозрительностью к правам и свободам, но и общество, обремененное культурными традициями предубеждения к частной инициативе, предпринимательству и т.п.

Поэтому лампочка накаливания Яблочкова впервые осветила улицы не Москвы и Санкт-Петербурга, а Парижа и Лондона, — и Грэхем приводит массу примеров такого рода.

Получается так: в российской культуре есть очень крупная «зачатка» для накопления человеческого капитала, позволяющая совершить прорыв в современную экономику знаний, и основанное на ней постиндустриальное общество. Но есть и прямо реакционные составляющие, которые наглухо блокируют эту возможность, и в XXI веке продолжают выталкивать «мозги» в другие страны в гораздо больших масштабах, чем они это делали в XIX веке.

В результате для более развитых стран мы являемся безвозмездными донорами того самого «серого вещества», которое должно помочь нам самим догнать эти страны.

Зачатка лежит в «кубышке», из которой хозяин ее раздает окружающим — безвозмездно и без всякой пользы для самого себя.

Главное преступление реакционного консерватизма перед будущими поколениями россиян заключается именно в том, что он подавляет в нашем народе уникальный потенциал развития, позволяющий России выдерживать конкуренцию с самыми передовыми странами современного и будущего мира.

⁸ Л.Р. Грэхем Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М., 2014.

Экономика знаний XXI века не терпит рабства и жесткой регламентации, подчинения давлению и принуждению, которые были в принципе совместимы со стратегиями индустриализации века XX. Постиндустриальное развитие требует индивидуализации труда работника, роста его самостоятельности, уровня автономии в принятии решений. Все это необходимо для усиления креативности его работы, без которой в экономике знаний невозможно повышение производительности труда и конкурентоспособности.

Консервативный проект препятствует такому развитию, а либеральный проект его требует и поддерживает.

Либерализм — это ключ к развитию России, а реакционный консерватизм — замок на ее модернизации.

10. Миссия либерализма

Историческая миссия либерализма заключается в том, чтобы послужить раскрепощению творческого потенциала российской нации, направить ее на созидательный путь развития, приносящий успех и процветание через возможности, открывающиеся благодаря гарантиям свободы и поддержке частной инициативы. Именно по этому прорывному пути были направлены великие реформы Александра II, к сожалению, не завершенные. И в этом смысле у российского либерализма есть своя историческая традиция, на которую можно и нужно ориентироваться.

Либеральная идея прокладывает для России кратчайший путь к современной экономике знаний, консервативный тренд заводит ее в лабиринт беспросветных блужданий, в которых страна окончательно потеряет время для преодоления отставания от лидеров мирового развития. С риском остаться в одном их темных тупиков этого лабиринта...

Для того чтобы выполнить прорывную миссию, российским либералам предстоит сделать очень многое. Я обозначу только некоторые крупные задачи.

10.1 Реабилитация демократии

Надо продолжать и усиливать работу по реабилитации либеральных и демократических ценностей после дискредитации, которой они подверглись после реформ 90-х, когда эти ценности послужили прикрытием для разворовывания национальных богатств. При этом очевидно, что целый ряд подходов и постулатов Егора Гайдара, Анатолия Чубайса и других имел нечто общее, скорее, с большевизмом, чем с либерализмом.

Исключительно важно искоренение в общественном мнении предрассудка о том, что либерализм несовместим с принципами социальной защиты. Еще в середине прошлого века многие европейские либералы пришли к выводу, что главная цель либерализма — свободное общество — недостижима в условиях нищеты какой-либо части населения. В настоящее время социальная политика и социальное государство занимают одно из приоритетных мест в программах либеральных движений и партий. Немецкие либералы, например, видят свой идеал «в рыночном хозяйстве с эффективными социальными и экологическими результатами» и «стремятся к социальной защищенности самого высокого уровня». Отдельная глава в их программе посвящена «либеральному социальному государству»⁹.

С этой же целью реабилитации надо разъяснять обществу, что олигархическая система, возникшая в результате неудачных реформ и процветающая в настоящее время, не имеет ничего общего с либерализмом, так как исключает либеральный принцип равенства возможностей. Эту несовместимость, кстати, олигархия «блестяще» доказала, когда в ходе своей трансформации полностью отбросила любые намеки на либеральные предпочтения и ударилась в реакционный консерватизм.

⁹ Висбаденские принципы — за либеральное общество граждан // Либерализм. Основные документы Либерального интернационала и Свободной демократической партии Германии. М., 1997. с. 49.

10.2. Работа с «креативным классом»

Еще одна важная задача заключается в том, чтобы активно работать с «креативным классом», у которого есть естественная склонность к стихийному либерализму, но в то же время не выстроена система более или менее четких ориентиров. В результате отдельные представители этого класса и его социальные группы легко становятся жертвами дезориентирующих влияний.

У многих из них нет иммунитета к ксенофобии и национализму, а также ряду других направлений консервативной пропаганды. В то же время в этой среде часто возникают соблазны решать политические проблемы через дестабилизацию государства, то есть путем различных «революционных» сценариев.

Этим соблазнам либералы должны противопоставлять строго правовой и конституционный подход, демонстрируя тем самым абсолютную совместимость ценностей свободы и порядка, если последний основан на законе. С другой стороны, учитывая историю России, исключительно важно подчеркивать, что путем революции в нашей стране очень сложно прийти к свободному обществу, а гораздо легче — через хаос к новой диктатуре. Но еще легче революционными методами спровоцировать власть на очередное «закручивание гаек».

10.3. Раскрепощение национального человеческого капитала

Великая миссия либералов заключается в демонтаже таких элементов российской (а также советско-постсоветской) традиции, которые закрепощают и блокируют развитие и применение талантов и дарований, заложенных в генетических кодах как русского народа, так и всего российского суперэтноса.

Полностью соглашаясь с мнением великого самородка России М.В. Ломоносова о том, что «может собственных платонов и быстрых разумом ньютонов земля российская рождать», мы не можем гордиться этим обстоятельством до тех пор, пока наше государство не способно обеспечить для этих «платонов

и ньютонов» благоприятные условия реализации их талантов и применения данных талантов в интересах развития страны.

Любая идеология консервативного толка противодействует решению этой судьбоносной задачи. Вместе с подавлением свободы личности и вторжением в ее автономию происходит парализация ее творческих способностей.

Изоляция творческих личностей от им подобных, в том числе иностранцев, блокирует обмен идеями, без которого не могут развиваться научные и технические таланты. Каким-то гениальным чутьем Лесков предвидел это обстоятельство, потому на слова англичан о «инфузории» (почему она теперь «дома не танцует») вложил в уста Левши фразу: «...спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные».

Сказана она не кому иному, как англичанам, которые «зашлись в науках» благодаря атмосфере интеллектуальной свободы, которая окончательно воцарилась в Англии после Славной революции 1689 года.

Защита личности от типично российского бюрократического контроля с его бесконечными иррациональными запретами, от засилья государственной цензуры, ксенофобии и шпиономании, препятствующих широким международным контактам при одновременной поддержке развития образования на уровне современных мировых образцов — вот деятельность, ведущая к раскрепощению и усилению уникального задела человеческого капитала, которым русских и другие народы России наделили природа и культура.

Эта деятельность по силам только носителям либерального умонастроения, так как разномастные консерваторы любого толка будут либо прямо ей препятствовать, либо сбивать в сторону, подыгрывая инстинктам бюрократии.

10.4. Российский путь к экономике знаний

Огромные богатства, заложенные в генотипе и глубинной культуре русского народа, могут и должны быть использованы для решения важнейшей национальной задачи, которая остро

стоит сегодня перед Россией: преодолению огромного отставания в развитии от передовых стран современного мира.

Такая задача решалась в прошлом не раз методами сверхцентрализации власти и тотального внеэкономического принуждения населения страны. Такова традиция российской модернизации, заложенная Иваном IV и Петром I и доведенная до абсолютного кошмара Сталиным. Это как раз одна из тех традиций, которые должны быть полностью и решительно отвергнуты.

Во-первых, все без исключения насильственные модернизации в России для развития страны имели лишь временный эффект. После истощения сил государства и общества всегда начинался очередной глубокий застой.

Во-вторых, что пожалуй, более важно — насильственная модернизация позволяла преодолевать разрывы в развитии в условиях доиндустриального и индустриального экономических укладов, в которых фактор производства знания и интеллектуального продукта не играл определяющей роли.

В индустриальном обществе этот фактор, конечно, был существенно более важен, чем в аграрном, но все же решающую роль здесь играло вовлечение в массовое серийное производство больших контингентов работников физического труда. Для решения этой задачи методы тотальной мобилизации могут применяться как альтернатива рыночным.

В условиях постиндустриальной экономики массовость работников теряет свое значение в силу перманентного внедрения в производство новых интеллектуальных решений, увеличивающих производительность труда. Прибегая к терминологии Маркса, интеллектуальный фактор становится более мощной «производительной силой», чем физический труд, да и не только физический. То, что принято называть «умственным» трудом, тоже теряет значение в части, относящейся к рутинным интеллектуальным операциям, которые с гораздо большим успехом выполняет компьютер.

Поэтому «производительной силой» является не просто интеллект, а такие его измерения, как уникальность, нестандартность и непредсказуемость — прямо те качества, которые свойственны Левше.

Для того чтобы личности, подобные Левше, появлялись в максимально больших количествах и более полно реализовали свой потенциал, формируется экономика знаний, основанная на высоких стандартах постоянно развивающегося образования и интенсивного научного обмена, позволяющего восполнить главный недостаток Левши, то есть по его выражению, «в науках зайтись».

Что же касается методов насильственной мобилизации, традиционных для России, то при их помощи уникальные качества и таланты можно только закатывать в асфальт, а не стимулировать и поддерживать.

Опыт сталинских «шарашек» не опровергает, а подтверждает этот тезис. Колоссальный интеллектуальный потенциал советских ученых — обитателей «шарашек» — возник благодаря не Сталину и не большевикам, а великим реформам Александра II, подарившим России университеты и академическую свободу европейского типа. Совершенно очевидно, что этот потенциал не мог полноценно реализоваться в условиях физического уничтожения, заключения в лагеря и постоянной травли многих тысяч ученых, инженеров, техников и специалистов иного профиля, которые могли бы послужить мощным авангардом экономической и технологической модернизации страны в условиях свободы и — как минимум — моральной поддержки государства.

Выявлять, стимулировать и поддерживать потенциальные таланты, которыми так богата российская земля, могут только либеральная модернизация, в основе которой лежат уважение к свободе и правам личности, открытость внешнему миру, а также серьезные усилия государства по созданию современной системы образования и проведению активной научной полити-

ки. И в отечественной истории есть прецедент такой модернизации. Это уже упомянутые Великие реформы, к сожалению, не законченные.

Кратчайший путь России к преодолению отставания от ведущих стран современного мира заключается не в том, чтобы заново возрождать сначала индустриальную экономику XX века, а затем на этом «базисе» строить постиндустриальную «надстройку». Стратегия должна быть принципиально другой: сразу формировать экономику знаний, позволяющую развивать высокотехнологичные производства (в том числе индустриальные) на уровне передовых достижений производительности труда.

Этот путь не терпит бюрократического засилья государства и традиционалистской закомплексованности общества, равно как и ксенофобских страхов, отгораживающих страну от внешнего мира. Напротив, он требует изменения государства в сторону уважения к правам и свободам общества, открытости его внешнему миру и поддержки им международных контактов и связей, обогащающих научное и культурное творчество.

10.5. Формирование альтернативы

Политическая и экономическая система, сформированная в современной России, не может сохраниться на долгое время. Ее исторический крах неизбежен. Чтобы вместе с ней не рухнула наша страна, необходимо уже сейчас активно предлагать российскому народу альтернативу этой системе.

Мы ясно отдаем себе отчет в том, что в настоящее время либеральные ценности и подходы к политике не разделяются большинством населения России. Но мы даже в самой недавней истории становились свидетелями того, как быстро меняются идеологические тренды.

Путинский режим уже практически исчерпал кредит доверия общества. Попытки удержать популярность за счет геополитических авантур требуют огромных ресурсов, которые тоже находятся на грани исчерпания.

Не способная решать ни одну из жизненно важных задач страны, путинская система скоро окажется в том же положении, что и советская система в середине 80-х годов прошлого века. Вот тогда-то и встанет во весь рост вопрос об альтернативе. В конце 80 — начале 90-х годов другой альтернативы, кроме либеральной, не было. В настоящее время эта альтернатива появилась в виде агрессивного национализма, порожденного тем самым консервативным трендом, о котором шла речь выше. Ее победа либо возобладание в российском обществе несет в себе угрозу хаоса и разрушения государственности нашей страны.

Выживание России как целостного государства, способного конкурировать в современном мире, может быть связано только с либеральной альтернативой, лежащей в основе европейского вектора развития. Либо на следующем историческом этапе Россия станет европейской, либо не станет ее самой.

10.6. Нить Ариадны

Не надо сильно переживать по поводу того, что сегодня либералы находятся в меньшинстве. Их роль в российском обществе можно уподобить той, которую сыграла Ариадна в древнегреческом мифе. Она предложила Ясону нить, которая вывела его из лабиринта Минотавра.

Нить — это нечто тонкое, но последовательное. Ее трудно нащупать и легко порвать. Но все эти слабости перекрываются одним огромным преимуществом: без нее нельзя выбраться из лабиринта.

Баронесса Кишвер Фолкнер

Изоляция или интеграция: новый вызов для Европы

25 лет назад американский политолог Фрэнсис Фукуяма опубликовал книгу «Конец истории и последний человек». Эта книга появилась в условиях расцвета либерализма (который включает в себя капитализм, рыночную экономику, права и свободы человека), разрушения Берлинской стены, объявления в Советском Союзе «гласности», «перестройки», в условиях краха Советского Союза. Тогда тезис о конце истории воспринимался многими как победа либеральной идеологии над коммунистической, как победа не только над коммунизмом во многих государствах, но в целом над коммунизмом как идеологией. Это также воспринималось так, что нельзя сгруппировываться в какие-то отдельные блоки. По крайней мере, мы так думали.

До 2008 года эти тезисы никто не подвергал сомнению. Но в 2008 году разразился экономический кризис. И с того момента мы увидели возрождение правых сил в Европе. Я хотела бы провести разделительную линию между консерватизмом, как мы понимаем его в Европе, и возрождением популистской, националистической, даже ксенофобской идеологии — идеологии простых решений и простых ответов на сложные проблемы. Как заметил в своем вступительном слове Олле Шмидт, люди говорят: «Я потерял работу». Но вместо того чтобы попросить государство, они почему-то обращаются к своему соседу и говорят: «Ты у меня украл эту работу!». Мы как раз думали, что пришел конец всем идеологиям и теперь мы будем жить в мире. Но в 2008 году начинают появляться новые идеологии. В основном, это возрождение консерватизма, но помимо этого появляются перечисленные мной ужасные идеологии.

Что такое консерватизм? Многие из докладчиков уже предлагали свои определения. Я бы хотела сказать, что, безусловно, консерватизм очень привлекателен. Он всегда ориентируется

на прошлое, когда все мы были счастливыми, мы знали, кто мы такие, когда плоды сами падали с деревьев, трава была зеленее, а воздух чище. Это тот пример, когда люди заблуждаются, потому что мы смотрим назад, но при этом не понимаем, какая в прошлом существовала система. Кто-то из докладчиков, кажется, это был Григорий Явлинский, уже заявил, что перемены происходят постоянно, реалии меняются. Консерваторы остаются зашоренными, надевают розовые очки и говорят: «Все, остановите мир, я хочу сойти» (есть такая знаменитая фраза). Это относится к консерваторам в полной мере. В Англии у нас есть такое выражение: «Мы едем в автомобиле, при этом водитель смотрит в зеркало заднего вида, а не вперед». Перемены вроде бы происходят, но нам не удастся скорректировать свое развитие.

Но консерватизм не является самым опасным. Самое опасное — когда консерватизм объединяется с национализмом. Патриотизм — это любовь к собственной Родине, к своей стране, он может иметь благородные порывы, это естественно. Но если вы используете патриотизм как прикрытие для национализма, тогда это повод для волнения. Существует такая пословица: «Патриот любит свою страну, а националист ненавидит своих соседей». Мы видим, что такие политики восприняли идеологию превосходства, они считают, что только они могут предложить решение. Однако история учит нас, что у националистов не было решений, их действия приводили лишь к конфликтам, к переворотам, никакого прогресса не было. Я опасаясь, что Россия движется именно в этом негативном направлении.

Есть еще одна знаменитая цитата: «Ни один человек не является островом, ни одна нация не пребывает в одиночестве». Именно поэтому мы объединяемся в организации, создаем специальные альянсы. Никто не является одиноким, мы все являемся частью общества. Сейчас все страны зависят друг от друга: за последние 15 лет укрепилась глобализация, выросла международная торговля. Более 500 миллионов человек

вышли из-за черты бедности. Например, в Африке за последние пять-семь лет рост ВВП составил 6%. Это произошло благодаря глобализации, торговле, более тесной интеграции капиталов, инвестиций, экономик, благодаря объединению либерализма с капитализмом. Я недавно приехала из Китая, куда я приезжаю уже с 1976 года. Триста миллионов человек вышли из-за черты бедности даже в Китае, где существует господствующая идеология. Страна приняла на вооружение рыночную экономику, капитализм. Хотя Китай не установил свободу слова, но все-таки у него присутствуют либерализм, капитализм в экономической системе. Кроме того, как и Россия, Китай вступил во Всемирную торговую организацию.

Но здесь в России даже в экономическом отношении все приходит к «хищническому капитализму», к мышлению «вы с нами, либо вы против нас». Мы видим, что возникает некая группа, которая проявляет лояльность к господину Путину, как к новоявленному Сталину. А если они не проявляют абсолютную лояльность, то тогда меняется закон, и их компании экспроприируются, против них выдвигаются обвинения. Фактически закон используют как дышло. В отличие от того, как делают другие страны, когда другие руководители государств живут по правилам, в России все идет иначе. Если вы посмотрите, как Россия отвечает на перемены в мире, то увидите, что страна расторгает международные отношения, проявляет неуважение к международному праву, к суверенитету соседей, вторгается на их территорию. Россия ведет войну, но при этом не имеет смелости позволить солдатам носить четкие опознавательные символы принадлежности к своей армии. Когда Талибан называли участником вооруженного конфликта, был спор, можно ли по отношению к ним применять Женевские гуманитарные конвенции? А сейчас фактически мы видим, что член Совета Безопасности ООН — Россия — является участником конфликта. Сейчас Россия стремится работать по следующему принципу: она должна забрать себе все, а Украина должна по-

терять территории. Россия отобрала у Украины Крым, и именно из-за этого нарушения ее обложили санкциями. Россия думает, что она может спокойно ответить и вводит собственные санкции. Но кто же заплатит за них? Это будет не Путин, не его олигархи. Все отразится на инфляции, именно поэтому 100 миллионов простых россиян заплатят за это из своего кошелька. Кому же это выгодно? В конечном итоге, не России, это — заблуждение. Зачем Путин предлагает россиянам обратиться к имперскому прошлому, будто оно поможет России? Нет, это не поможет, это невыгодно России. Санкции не только отразятся на кошельках простых людей. Мы видим, что, начиная с марта, капиталы уходят из России, 120 млрд. рублей уже ушло. Банки уже не могут кредитовать малый бизнес, а ведь предпринимателям нужны средства. Людям нужна ипотека, чтобы покупать квартиры. Они должны, в том числе, делать сбережения.

Насаждается враждебность. Как говорится, легко начинать войну, трудно из нее выйти. Война стоит денег, стоит жизни молодых людей. Это кровь ваших граждан. Мы знаем, что матери выступают против войны, поскольку их сыновья погибают на западной границе. А государство не признает тот факт, что его молодые люди погибают. Страна поддерживает режим Башара Асада, другие подобные режимы в мире. Это противоречит международным принципам мира, Россия поддерживает новые конфликты. В Сирии огромное количество погибших, огромное количество потерявших дома, разрушаются целые города.

Господин Путин, Вы должны признаться в своих ошибках. Кто в России получает преимущество, когда нарушаются права людей? При этом Вы говорите о традиционных ценностях. Признайте, наконец, что сексуальность может принимать различные формы, что любовные отношения могут быть не только между мужчиной и женщиной. Кто получает преимущество, когда нарушаются права прессы, когда запрещается доступ к информации? Информация — это основа основ для разумных либеральных суждений, а у Ваших граждан к ней нет доступа.

Господин Путин, почему Вы боитесь права людей участвовать в митингах, права на свободу самовыражения через мирные протесты? Почему Вы боитесь своих граждан? Почему Вы не разрешаете им вступать в организации? Почему Вы шаг за шагом принимаете законы, которые не позволяют гражданам выражать свое мнение?

Теперь — о коррупции. Кто, кроме элиты, благодаря ей получает преимущество? Поэтому политика продолжает быть такой: вы с нами, либо вы против нас. Если мы вас не любим, мы придумаем обвинения, чтобы украсть у вас вашу собственность. Такой подход противоречит основам капитализма, принципам верховенства закона, неприкосновенности частной собственности. Мы не только будем вас обворовывать, мы вас еще и в тюрьму посадим, как, например, Ходорковского. Но дело этим не ограничивается. Если мы вас не любим, мы вас убьем, как Сергея Магнитского.

Мы, либеральные силы, следим за Россией. Мы боремся за то, чтобы выполнялись Хельсинкские соглашения. И мы с грустью смотрим на то, что происходит. Выступающих против власти людей уничтожают, изолируют, преследуют. Самоизоляция — это, очевидно, то решение, которое принято российским правительством. Весь остальной мир объединяется, интегрируется, как, например, это происходит в Европе. Интеграция углубляется. Даже мощный Китай пытается стать полноправным членом международной торговли, потому что он понимает, что в одиночку ему не выжить. Но российский тренд — это изоляция. Как сказал господин Митрохин, какое-то время назад господин Путин сказал: «Я здесь не навсегда, я не буду здесь до пенсии». Друзья! Поднимите тогда пенсионный возраст до 65 лет, чтобы знать наверняка, что через небольшое количество лет он уйдет! Никто не живет вечно. У вас когда-нибудь будет свобода. При этом вы, либералы, должны быть вместе, должны продолжать бороться. Мы будем продолжать вас поддерживать. Ситуация изменится, изоляция не может длиться вечно.

1. Эволюция либерализма и консерватизма в России

Владимир Кантор

Трагедия и правда русского европеизма

Если говорить о России, то все крупнейшие и наиболее, на мой взгляд, приличные, пристойные русские мыслители — такие, как Пушкин, как Соловьев, как Борис Николаевич Чичерин, как Столыпин — были одновременно и либералы, и консерваторы. Дело в том, что идея либерального консерватизма, как ни странно это может показаться, была задана. Я должен согласиться с Сергеем Митрохиным, что свобода в России — привнесенное, разумеется, явление, я бы так даже добавил — привносимое много раз. И все же прорыв к свободе был однажды совершен. Как ни странным это покажется, рывок этот сделал император Петр Великий. Может быть, нашим западным коллегам не известно, но Петр Первый велел перевести знаменитую книгу Джона Локка о веротерпимости под названием «Эпистола о толеранции» и приказал всем, кто прикосновен к внутренней политике, работать по Локку. Здесь начало русской свободы и терпимости — в политике Петра Великого, скажем, были заключены Выговские договоры со старообрядцами, и религиозная терпимость тем самым была конституирована в России. Старообрядцы получили право исповедовать свою веру. Это абсолютно по Локку — о веротерпимости. И в результате именно старообрядчество стало тем слоем, который строил русскую буржуазную монархию в начале XX столетия. Напомню имена: Гучков, Третьяков, Милуков, Мамонтов, Рябушинский и так далее — это все старообрядцы. Они строили буржуазную Россию.

Второй момент, о котором надо сказать, — по поводу либерализма и консерватизма. Мы как-то традиционно пытаемся их развести. Но вот здесь гостья из Великобритании (баронесса Кишвер

Фолкнер), а Великобритания — империя, при этом, как известно, это и самая либеральная, и самая консервативная одновременно страна, и одно другому, в общем, не мешает. Надо понимать, на что опирается консерватизм, и это действительно весьма серьезно. Что хранит европейский консерватизм? С одной стороны, это идеи почвенничества, но с другой — либеральные идеи. Либерализм — это понятие свободы. Понятие свободы противостоит понятию произвола, воли и так далее. Как писал великий философ и историк Борис Чичерин, (по взглядам либеральный консерватор), либерализм — это твердая власть, дающая свободу экономике и гражданскому обществу и защищающая его от произвола. В России было два постоянно работавших понятия: произвол сверху и разинская, пугачевская вольница — снизу. Что этому противостоит? Произвол не может противостоять вольнице, только свобода. Как я говорю своим студентам, моя свобода кончается там, где начинается свобода другого. Вот — грань свободы. Это очень труднодостижимо в России. В первой Государственной Думе — я имею в виду дореволюционную, — люди, выбранные народом, считали, что над ними никого нет: нас народ выбрал, теперь мы можем творить все, что угодно. И задачу эту пытался решить Столыпин, утверждая, что любое действие в политике должно ограничиваться законом. И над монархом, и над Думой стоит закон. Это — предел, который не может переступить ни один политический деятель. Отстаивая закон, он и погиб. Но об этом позже. В России попытка хранить закон не была успешной. Россия действительно закона не знала. Но не только Россия.

Несмотря на мою любовь к Европе (я в свое время выдвинул и артикулировал термин «русский европеец»), мы видим, что Европа очень часто сама, и XX век это показал, не отвечала базовым принципам европейской культуры, то есть антично-христианским ценностям о свободе личности, ее достоинстве. Более того, в период нацизма, это парадоксально, но именно русские европейцы, бежавшие, вернее, изгнанные из Советской России, отстаивали эти базовые ценности Европы. Сегодня об

этом забывают. Но вообразим, что Россия провалилась в тартары и что Западная Европа перестала поглядывать с опаской в ее сторону. Но что такое эти «тартарары»? Не случилось ли уже однажды такое — в начале прошлого века, когда, по выражению русского философа Федора Степуна, Россия рухнула в «преисподнюю небытия»? Так всем показалось, да так отчасти и было. Во всяком случае, три миллиона наиболее развитых, культурных и энергичных русских людей волей или неволей (были, скажем, высланы на «философском пароходе») покинули в эти годы свою страну и обосновались на Западе, создав там мощную русскую диаспору. Мало того, что они оказались великими комментаторами «русских событий», их русский опыт помог им разобраться и в катаклизме, надвигавшемся на Западную Европу. И, пожалуй, первое, что они попытались донести до западноевропейцев, что Россия — это часть Европы и что ее падение в бездну потянет за собой и другие страны. Так, Д. Мережковский писал: «Мировая война слишком глубоко вдвинула Россию в Европу, чтобы можно было их разделить. Должно учесть, как следует, безмерность того, что сейчас происходит в России. В судьбах ее поставлена на карту судьба всего культурного человечества. Во всяком случае, безумно надеяться, что зазиявшую под Россией бездну можно окружить загородкою, и что бездна эта не втянет в себя и другие народы. Мы — первые, но не последние. <...> Наша русская беда — только часть беды всемирной»¹⁰.

В России торжествовал большевизм, эта дьявольская смесь славянофильства и западничества, в Западной Европе наступал на европейские ценности фашизм. И ведь миллионы европейцев приняли фашизм и нацизм. В 1931 году Георгий Федотов писал: «Против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и ее свободы — прежде всего свободы духа»¹¹. На что надеялись эти русские европейцы в своем одиночестве

¹⁰ Мережковский Д.С. Царство Антихриста. СПб.: ПХГУ, 2001. С. 22.

¹¹ Федотов Г.П. Новый Град // Россия, Европа и мы Г.П. Федотов Paris: YMKA-PRESS, 1973. С. 139.

изгоев? Просто они желали, чтобы звучал, не пропадал голос свободы, правды, справедливости. Консерватизм это? Думаю, что да. Либерализм это? Абсолютно.

В России был такой трагический человек — Петр Аркадьевич Столыпин. К нему отношение очень разное, но он предложил одну чрезвычайно важную вещь, которая так и не была реализована, против нее были и реакционеры, и императорская фамилия, и большевики — все. Даже либералы, кстати сказать. Потому что первое с чего начал Столыпин, — подавил «пугачевский бунт» 1905-го года, а это был натуральный пугачевский бунт, когда вырезали интеллигенцию и богатых. Один из людей, пытавшихся создать русские демократические структуры, князь А.Д. Оболенский (автор Манифеста 1905 г.) характеризовал Столыпина как человека, который сумеет противостоять «бесовщине». И Столыпин принял эту ношу. Сначала как губернатор, потом как министр внутренних дел, потом как премьер-министр. Он прекрасно понимал тот контекст, в котором развернулся бессмысленный и беспощадный бунт 1905 г. (который почему-то традиционно именуется революцией). 3 ноября 1905 г. Столыпин писал жене: «Дела идут плохо. Сплошной мятеж: в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими... Войск мало и прибывают медленно. Пугачевщина! <...> Чувствую, что на мне все держится, и что если меня тронут, возобновится удвоенный погром. <...> Убытки — десятки миллионов. <...> Шайки вполне организованны»¹². Так называемые «жестокости» Столыпина при подавлении этого бунта несколько не превышали не только жестокостей восставших (тем более — если говорить о дальнейшем — большевиков), но и действий его предшественников в подавлении пугачевского бунта — Суворова, Державина, Михельсона и т.д. И они вешали восставших мужиков, грабивших и убивавших дворян (напомню хотя бы записку Пушкина,

¹² Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за отечество. Жизнеописание (1862–1911). М.: Поколение, 2007. С. 135.

как Державин повесил двух крестьян). Никто не посмел тогда сказать о «державинских» или «суворовских» галстуках. Сам Столыпин не раз говорил о соотношении казненных и реально заслуживавших казни как о слишком гуманном соотношении. Тем не менее, русская думская образованщина, поддавшаяся на провокацию радикалов, пустила термин «стольпинский галстук». Ф.И. Родичев, член партии кадетов, депутат II Государственной Думы на заседании 17 ноября 1907 г. бросил в публику эту формулу. Столыпин был не только решительный государственный деятель, но и человек лично мужественный: он вызвал клеветника на дуэль. Тот вынужден был отказаться от своих слов. А Столыпин спокойно произнес «в ответ на требование Думы прекратить военно-полевые суды: «Умейте отличать кровь на руках врача от крови на руках палача»¹³. Не говорю уж о левых партиях, в сущности, сторонников русской бесовщины, даже кадеты выступили против стольпинской жесткости, полагая, что он мешает созданию правового государства.

Не буду еще раз еще раз писать о екатерининских генералах, ломавших хребет пугачевскому бунту, напомним о виджилянцах, поборовших дикий бандитизм в Северо-Американских Соединенных штатах, напоминавший русский террор. Виджилянцы отказались от длительного судопроизводства. Казня захваченных на месте преступления бандитов по приговору виднейших граждан данного городка или местечка, они в течение нескольких лет подавили разгул бандитизма на американском Западе. Скажем, такой умный человек, как В.А. Маклаков, писал: «Можно было думать, что начинался революционный штурм; что, как бывает в решительный момент войны, в него бросался последний резерв. Но уже через несколько месяцев от него осталось только «последняя туча рассеянной бури». Сами левые партии не могли отрицать: на данный момент «революция кончилась». Нужна была Великая Война, чтобы снова ее

¹³ Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за отечество. Жизнеописание (1862–1911). М.: Поколение, 2007. С. 135.

подготовить»¹⁴. Сам-то Столыпин прекрасно понимал свою задачу, более того, его деятельность была как бы уроком и завесом интеллектуалам, которые могли попасть во власть.

Но он после этого предложил невероятно важное действие, которое он потребовал от России, от русского правительства. Для этого я должен пояснить, что русский народ — именно народ я имею в виду, не верхние слои, — никогда не обладал правом собственности. Собственности у русского народа не было. Надо сказать, в какой-то момент его не было и у верхушки: вот после монгольского завоевания установилось так называемое «монгольское право на землю». Земля принадлежала хану. Потом она принадлежала царю. Только с Екатерины начинается наделение правами небольшой части народа. Они получают право на собственность. Народ собственности не имел. Что говорил Столыпин? «Не имея собственности, народу нечего защищать. Где те ценности, на которые он будет опираться?». Этих ценностей не было. И вот его идея разрушить так называемую, известную всем «общину» и сделать крестьян хуторскими хозяевами, и чтобы все имели собственность — вот это та реальная опора, которая могла что-то сделать.

Почему это было так важно? В России существовал миф, что в народе — вся правда, что русский народ — богоносец. У Достоевского была в последний год его жизни замечательная фраза: «Позовите серые зипуны, и они вам скажут всю правду». Серые зипуны пришли. Это оказался Распутин. И тут произошла поразительная вещь: хлыстовство победило христианство. Мы говорим, что православие, наверное, было не очень сильной верой. Оно действительно пришло не снизу, а было насаждаемо князьями. Но оно все-таки как-то более или менее, шаг за шагом, медленно структурировалось. Николай Второй, во главе Церкви, строго говоря, или против Церкви ставит Распутина, хлыста, то есть человека абсолютно языческого сознания. Кста-

¹⁴ Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. London: Overseas Publications interchange, 1991. С. 18.

ти сказать, любопытно, что Столыпин выгнал Распутина из Петербурга. И это привело в результате к разрыву с императором, потому что царица сказала, что нельзя же без Распутина нам жить. Распутина вернули, а у Столыпина император снял охрону, и его убили. Вот такая совершенно трагическая история.

Тем не менее, русский либерализм набирал силу. Либералы действительно пришли во власть. После Февральской революции у власти встали, строго говоря, кадеты и близкие им партии, ведь даже Керенского с некоторыми допущениями можно назвать либералом. Почему они проиграли? Вот это — любопытный момент.

Здесь ужасную роль сыграла Первая мировая война. «Великая Война», по выражению Маклакова (Столыпин требовал двадцать лет мирного развития), в которую Россию втянула Европа (Англия и Франция пообещали отдать России Стамбул, при этом в тайной переписке договорившись, что Россия Стамбула не получит). А когда после Февральской революции царская семья попросила у английских родственников политического убежища, ей отказали на том основании, что негоже вмешиваться во внутреннюю жизнь другой страны. Хотя постоянные прецеденты спасения правящих династий были. Напомню древнюю историю, которая странном образом сопоставляется с гибелью семейства последнего русского царя, а именно: после поражения английского короля Гарольда в битве при Гастингсе (1066 год) его семья укрылась у дальних родственников — русских князей. Можно без сомнения представить, что русская история пошла бы иным путем, если бы русская династия нашла убежище в Великобритании. Но, видимо, англичане думали ослабить Россию, а в результате помогли вырастить красного дракона.

У замечательного русского философа и писателя — я его люблю очень — Федора Степуна есть две мысли. Начну с общей. Он говорил: «Что такое либеральная демократия? Это — проекция христианства, опущенная в политическую жизнь, где есть и право личности — «в доме отца моего келий много», и вместе

с тем, есть равные отношения между детьми одного Бога. Христианство — это проекция, вернее, либеральная демократия — это проекция христианства, опущенная в земную жизнь. Потом эту идею подхватили многие, и русские изгнанники, как правило, ее повторяли.

Но почему же они проиграли? Вот тут была странная аберрация. Степун говорил: они проиграли, то есть мы проиграли, потому, что либералы отказались от христианства. Он оказался тоже подвержен этому мифологическому сознанию, что русский народ — христианин. Но весь ужас 1917 года был в том, что русский народ — я могу привести десятки цитат людей, переживших Октябрьскую революцию, — христианином не был. Дело в том, что это двойное сознание, двойное мышление, или двоеверие, говоря научным языком, когда, с одной стороны, крестьянин вроде бы ходил в церковь, но, с другой стороны, ходил к колдуну. У П. Флоренского есть прекрасная фраза: просто было два разных департамента, и он служил по обоим департаментам. Когда революция случилась, один департамент победил другой. И верившие в Бога и в Европу русские либералы были преданы своим народом и своей Европой.

У меня был такой в жизни эпизод. Я с другом ездил по Средней полосе России, мы обмеряли разрушенные русские церкви. Православные церкви, разумеется. Я спрашивал, кто приказал их разрушить. У меня, естественно, был вопрос не архитектора, а человека гуманитарного. И я выяснил, что ни разу — а проехали мы десятка три или четыре разрушенных церквей — приказа сверху не было. Разрушал сам народ. Почему? Да потому, что христианство не было внутренней составляющей его жизни. И в этом смысле можно, конечно, бранить православие — оно действительно не столь сильно, как католичество или протестантизм. Протестантизм, на мой вкус, сильнее даже, чем католицизм, поскольку народ выварился в протестантизме после всех лютеранских, кальвинистских движений. Когда священник, что называется, в душе каждого. В России этого не было.

Недавно я побывал в Германии на большой религиозно-политической конференции, где выступал священник. Я его немножко знал. Он рассказал примеры с цифрами, сколько десятков тысяч русских священников было расстреляно, зверски замучено. Все-таки, значит, это была опасность для большевизма. Я дружил с отцом Александром Менем. Может быть, имя это кому-то что-то скажет. Человек, который действительно попытался реанимировать и артикулировать православие. Я его спрашивал: «А как отношение к католицизму?». Он говорил: «Владимир, ну ты пойми: наши перегородки до Бога не доходят, католики, православные... Мы — христиане». И вот этого человека, который действительно обладал силой, страстью проповедника, за ним шли люди, его, естественно, начальство испугалось. И его убили.

И последняя тема (*last but not least*), которая меня волнует — и не может не волновать — это отношение Европы к России. Я думаю, что необходим отказ от идеализации как Запада, так и Востока Европы (включая сюда и Россию), понимание сложностей и жестокостей европейского исторического пути — необходимая предпосылка для формирования чувства личного достоинства, столь значимого для самоощущения русского европейца. Каждый европейский кризис последних двух столетий (особенно связанный с войной — наполеоновской, Крымской и т.п.) вызывает в русском обществе желание дистанцироваться от Европы. Безусловно, сама Европа не до конца европеизирована, то есть способна отказаться от тех ценностей, что когда-то конституировали ее. Украинский кризис (а по сути европейский) не первый, и, боюсь, не последний в этом ряду, когда одна часть Европы ополчается на другую ее часть. Достаточно напомнить Крестовый поход 1204 г., когда, отправившись на войну с мусульманским миром, западноевропейские крестоносцы вдруг (12–13 апреля 1204 г.) напали, разгромили христианскую Византию и разграбили ее, а спустя два столетия они же пытались безуспешно защитить ее от турок-сельджуков.

Нельзя безнаказанно отказываться от своих начал и принципов. Отказ привел к появлению фашистской чумы, против которой боролись лучшие европейцы, и победили — с помощью России. Кстати, о борьбе России с фашизмом сегодня на Западе стараются не помнить. Но любопытно, что на Западе в такие критические моменты появляются люди, которые старательно начинают отлучать Россию от Европы, называя русских варварами, гуннами, туранцами, не способными к европейскому саморазвитию и самотворчеству.

Именно этих людей великий русский поэт А.С. Пушкин, славянский Моцарт, славянский латинец (по определению Томаса Манна), называл «клеветниками России». Для него, длинного европейца по культуре, по воспитанию, учившегося у Байрона, Данте, Шекспира, Гёте, но ощущавшего с ними духовное родство и равенство сил, помнившего и понимавшего, из какого мрака варварства выходила сама Западная Европа, неприемлема была идеализация европейского мира, но столь же неприемлемо было и отлучение России от Европы, ибо, как и Петр Великий, утвердивший путь России в Европу, поэт не «презирал страны своей родной» и «знал ее предназначенье». Дело в том, что Европа подвержена кризисам, уничтожавшим порой самые основы европейских смыслов. Азиатская закваска есть во всех европейских странах. И в этих ситуациях именно Россия часто оказывалась той силой, что принимала на себя удары антиевропейских сил. Это и наполеоновские войны, и эпоха фашизма, охватившего практически всю Европу в XX веке. Россия сама была смята большевизмом, возникшим при помощи немецких денег, но так сложился расклад европейских сил, что Великобритания вынуждена была искать союза с Советами, или, по выражению Черчилля, — «с красным дьяволом для уничтожения дьявола коричневого». Не будем вдаваться в геополитические расчеты Сталина, но известно, что солдаты из огромной России пытались преодолеть и победить коричневую чуму.

После прихода Гитлера к власти, когда катастрофа настигла и Германию, русский мыслитель-эмигрант Георгий Федотов резюмировал: «Еще обвал — и большая, живая страна, выносившая на своих плечах около половины культуры Запада, провалилась, если не в небытие, то за пределы нашего исторического времени. В другой век. В другую историю — древнюю, среднюю или ультра-современную? Во всяком случае, в тот век, где меряют достоинство человека чистотой крови, где метят евреев желтым крестом... где жгут ведьм и еретиков. <...> Вот уже третье предостережение. Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы. Половина ли только? Большая часть Европы уже под водами, а мы, уцелевшие, на крайнем Западе, смотрим на волнующуюся бездну, подступающую к нам, готовую слизнуть остатки материка»¹⁵. А стало быть, специфику российских бед и проблем надо искать в контексте общеевропейской судьбы. Но поразительно, что в этот период именно русские европейцы, изгнанные большевиками из России, отстаивали честь и достоинство европейского духа. По статистике среди погибших героев Сопротивления (скажем, во Франции) не менее половины занимают русские люди.

Я действительно по пафосу всей своей жизни — то, что называется «русский европеец». Я люблю Европу. Мне кажется, и я здесь согласен с Ходорковским, который говорит: «Если бы санкции — я не говорю, как они были направлены — говорилось, что они направляются против русской олигархии и русского воровства и коррупции — это одна ситуация, одна формулировка. Когда говорится, что они направлены против России — ситуация совсем другая. Вообразите ментальность любого человека, живущего в России: «То есть против меня? Против моей семьи, моих детей? Значит, против нас всех?». Вот тут какая-то глухота Запада к тому, что он произносит. Нельзя называть эти санкции санкциями против России. Вы, господа европейцы, поневоле сплачиваете русский народ вокруг Пу-

¹⁵ Федотов Г. Демократия спит // Новый Град. 1933. № 7. С. 25.

тина. Ну, никуда не деться: когда мы все оказываемся в одной тонущей лодке, что делаем? Идем к капитану: «Капитан, выруливай!». Тут формулировка чрезвычайно важна. Ходорковский — человек сложный, разумеется, но здесь он абсолютно прав. Я повторяю: нельзя санкции называть санкциями против России. Русские либералы, ориентированные на Западную Европу, оказываются тогда в положении бессмысленном и неприятном.

Хочу закончить следующим соображением. Идеология русского европеизма позволяет критически смотреть и на Россию, и на Запад, ибо обе эти части Европы — родные для русского европейца, а потому он имеет право желать их улучшения. Но это критика не похожа на ту, с какой «русские патриоты» подходят к Западу, а западные шовинисты к России, — чтобы уничтожить противника. Это — внутренняя самокритика европейской культуры, способствующая тому, чтобы во всем европейском мире можно было существовать нормально. Тогда и сбудется желание одного русского поэта — жить в Европе, не выезжая из России.

Ольга Малинова

Кризис российского либерализма: наследие 1990-х и идеологический контекст 2000-х

Хотя политические реформы 2000-х годов и современный авторитарный поворот, несомненно, сыграли роковую роль в судьбе российского либерализма, нужно признать, что переживаемый им кризис отчасти является следствием той формы, в которой он был «изобретен» в 1990-х годах Сергей Митрохин вспоминал сегодня о «мощном либеральном тренде», который имел место в конце 1980-х — начале 1990-х. Действительно, тогда казалось, что либерализм — это наиболее очевидная альтернатива коммунизму; логику «конца истории» разделяли многие. Однако на смену вере в возвращение на «столбовую дорожку цивилизации» быстро пришло разочарование в «либеральных» реформах, спланированных по «западным рецептам». То, на что надеялись, и то, в чем разочаровались, называли словом «либерализм»; однако за этим термином не было ясного понятия — он обозначал всего лишь смутный образ желаемого будущего, который никоим образом не был укоренен в реальном политическом опыте постсоветского общества. Главным референтом «либерализма» служил «опыт Запада».

В этих условиях формирование образа либерализма в российском обществе в значительной мере зависело от слов и действий людей, называвших себя либералами. Конечно, у этих людей были разные взгляды, и им тоже не хватало знаний и опыта. Тем не менее, представления российских избирателей о либерализме как системе ценностей и политической программе в решающей мере зависели от того, каким образом политики, называвшие себя либералами, осуществляли отбор из богатого репертуара идей, с которыми «либерализм» ассоциировался в разных исторических контекстах. Безусловно, на этот отбор влияли личный и профессиональный опыт (например, одну из причин экономоцентричности постсоветского либерализма можно

усмотреть в том, что многие его лидеры по профессии были экономистами), а также интеллектуальная мода (как отмечали многие наблюдатели, «либеральный арсенал» поначалу конструировался преимущественно на основе идей, которые были популярны на западном рынке идей в конце 1980-х годов). При этом, к сожалению, в отличие от дореволюционной интеллигенции советская интеллектуальная элита была оторвана от интеллектуальной жизни Европы/Запада — в начале 1990-х годов «либералы» плохо представляли себе реальный спектр тех идей, которые они пытались адаптировать. Не лучше обстояло дело и с пониманием отечественной либеральной традиции — ее предстояло заново открывать. Все это не самым лучшим образом сказалось на качестве отбора, лежавшего в основе конструирования либерализма в постсоветской России.

К этому надо добавить еще одно, очень немаловажное обстоятельство. Любая идеология, которая рассказывает о том, как обществу жить дальше, должна опираться на некое представление о прошлом этого общества. Она должна выстраивать свою утопию будущего, связывая настоящее с прошлым. На мой взгляд, проблема либеральной утопии в российском контексте существенно осложнилась отсутствием «подходящей» смысловой схемы (нарратива) отечественного прошлого: историю России не принято рассказывать как историю борьбы за свободу личности, что делало бы ее «своей» для либералов. Напротив, доминирующими являются государствоцентричные версии исторического нарратива, которые либералами начала 1990-х воспринимались исключительно критически. На мой взгляд, это — трагическое для либерализма обстоятельство: либеральный проект развивался как проект западнический, принимающий в качестве основы собственной утопии (воображаемый) опыт «Запада» и весьма критически относящийся к отечественной традиции, которая воспринималась преимущественно как нелиберальная. Вот и на сегодняшней конференции многие выступавшие говорили именно в таком духе; а либералы должны

бы были говорить о своей истории иначе — искать способы связать собственные идеи с прошлым опытом.

Выделю некоторые из особенностей той формы, в какой либерализм был сконструирован в России в начале 1990-х годов. Во-первых, он был своего рода цивилизационным выбором — выбором в пользу «западнического» понимания российской идентичности. Во-вторых, ему был присущ экономоцентризм. Конечно, в той трансформации, которую предстояло пройти России, экономические реформы были центральным компонентом. Но рассуждения либералов нередко звучали как «марксизм наоборот»: казалось, что самое главное — изменить экономику, что это чуть ли не автоматически является гарантией демократизации политической жизни, социального благополучия, упрочения международного статуса России и много другого. В-третьих, либерализм представлялся в качестве идеологии «цивилизованного капитализма»: рынок и частная собственность объявлялись ключевыми либеральными ценностями. Следует оговориться, что программы «Демократического выбора России» и ЯБЛОКА по данному пункту расходились. Примечательно, однако, что, называя себя социальной и либеральной партией, ЯБЛОКО собственно либеральную часть своей программы также связывало с защитой частной собственности, свободного предпринимательства и рационального управления. Таким образом, либерализм выступал как политическая программа, адресованная успешному меньшинству, — и со временем это сослужило плохую службу.

Продолжая разговор о специфической форме, в которой либерализм был заново изобретен в 1990-х годах, нельзя не упомянуть об его особом отношении к государству. Российские либералы весьма рьяно взяли на вооружение идеал «минимального, но эффективного государства», который очевидным образом противоречит доминирующим представлениям о всемогущем и вездесущем государстве. В этом пункте либералы начала 1990-х выступали как истинные революционеры. Проблема, однако,

заклучалась в том, что для проведения реформ требовалось сильное государство, способное заниматься социальной инженерией. Либералы много говорили о том, что должно и чего не должно делать государство, однако они не особенно задавались вопросом о том, как выстроить дееспособное государство, как возродить его из хаоса, который возник в результате распада Советской власти. Между тем, обществом проблема слабости государства переживалась очень остро — было ощущение, что реформы начала 90-х повергли страну и общество в царство вседозволенности (характерное отражение этого ощущения — появившееся тогда слово «беспредел», ставшее альтернативой «свободе»). Как писал в 1997 г. в статье «Чему нас учит Россия сегодня» американский политический философ Стивен Холмс, опыт наших реформ показал, что в действительности «самая большая и надежная организация, защищающая права человека, — это либеральное государство».

Либералы 1990-х весьма последовательно отстаивали антиимперский проект гражданской нации; они принципиально выступали за отказ от имперских традиций, за гражданскую модель нации, против восстановления военной сверхдержавы, за отказ от вмешательства в дела новых независимых государств. Эта программа в полной мере соответствовала либеральной повестке по «национальному вопросу». И она была действительно важна для постсоветского общества. Но, к сожалению, она не получила подкрепления в позиции Запада, интерпретировавшего отказ от имперских амбиций как признак слабости России. Кроме того, в глазах многих наших современников апология распада СССР и призывы сделать Россию «нормальным государством» выглядели как «антинациональная» позиция.

Наконец, либералы неизменно выступали за верховенство права, за демократию, за права человека — и это действительно важные и принципиальные пункты их программы. Однако слабость их политических позиций не позволяла отстаивать эти ценности эффективно. Конечно, политическая слабость была

следствием шаткости электоральной базы. И это ставило либералов перед дилеммой: «идти во власть», то есть участвовать в работе нелиберального правительства, не имея возможности в полной мере осуществлять собственные принципы, или оставаться в позиции «вечных резонеров» и воспроизводить недостатки описанной Борисом Чичериным модели «оппозиционного либерализма»? Как мы знаем, эту дилемму либералы решали по-разному, и оба пути имели свои издержки. К сожалению, участие либералов в правительстве сегодня дает критикам основания обвинять их в том, что делалось властью в 1990-х и позже, в 2000-х.

С изменением в начале 2000-х годов вектора российской политики либеральная повестка 1990-х оказалась главным объектом критики со стороны мейнстрима. Ослабление позиций либералов, несомненно, было следствием обозначившегося тогда авторитарного поворота; кроме того, на восприятие позиций либералов обществом не могло не повлиять фактическое отсутствие у них возможности объяснять свои позиции массовой аудитории. Тем не менее, следует признать, что формирование негативного образа либерализма отчасти опиралось на идеи, с которыми он был связан в 1990-х годах.

Критическое отношение либералов к идее «сильного государства», очевидно, противоречило возобладавшему в конце 1990-х — начале 2000-х годах стремлению к «возрождению великой России». Либералы воспринимались как западническая элита, которая пытается проводить реформы сверху, не принимая во внимание мнение консервативного большинства и национальные традиции. Кстати, критика на этот счет звучала и внутри либерального лагеря — в 2004 г. М. Ходорковский писал, что «русский либерализм потерпел поражение потому, что пытался игнорировать... жизненно важные интересы подавляющего большинства русского народа». Приверженность либералов идее «цивилизованного капитализма», вкупе с их экономоцентризмом и антипатернализмом, способствовали тому, что

их программа стала ассоциироваться с разгосударствлением экономики и избавлением государства от социальных обязательств. Вместе с тем в 2000-х годах сложился широкий консенсус, принцип которого Е. Примаков в лекции с характерным названием «Пределы либерализма для России» (2012 г.) определил так: «Без государственного вмешательства в экономику невозможно усовершенствовать в России рыночный механизм...».

В начале 2000-х годов изменился принцип построения национального нарратива (смысловой схемы коллективного прошлого): на смену идее «новой России», предполагавшей критическое отношение к советскому опыту, пришла концепция «тысячелетнего государства», основанная на эклектической апологии событий и фигур, связанных с формированием Российского государства и его становлением в качестве великой державы. В этом контексте критически оценивающие имперское прошлое либералы оказываются в роли «отщепенцев от государства» (по П.Б. Струве) — силы «антинациональной» и «антипатриотической». В качестве примера такой критики можно привести рассуждения А.С. Ципко, по словам которого «сегодня мы имеем дело с антинациональным, антирусским либерализмом, который рассматривает и традиционную русскую государственность, и претензии на державность, и... русское национальное сознание как своих главных врагов». К сожалению, эта горькая и, безусловно, несправедливая оценка позиции либералов сегодня имеет весьма широкое хождение.

Наконец, едва ли не главной ахиллесовой пятой современного российского либерализма является его западничество. И дело не только в нынешнем квазипатриотическом тренде, связанном с эксплуатацией антизападничества. Дело в том, что поведение реального Запада, которое не только недружественно России, но и не всегда соответствует либеральным идеалам, разрушает привлекательность западнической утопии и делает ее чрезвычайно уязвимой.

Мне представляется, что выход либерализма из его нынешнего кризиса должен быть связан со своего рода ребрендингом.

Причем это — не политтехнологическая, а идеологическая задача; она требует большой интеллектуальной и образовательной работы. И для такой работы сегодня есть необходимые ресурсы. В начале 1990-х годов «отцы-основатели» нового российского либерализма плохо знали его традицию — сегодня есть горы литературы, на которую можно опираться. Но главное — есть уже более чем двадцатилетний опыт, нуждающийся в рефлексии. В пятнадцатиминутном выступлении невозможно отразить все направления этой работы. Однако позволю себе указать на два, наиболее существенных.

Во-первых, либералам не стоит уповать на принцип маятника и надеяться, что на смену нынешнему антизападничеству придет новое увлечение западничеством. Напротив, нужно целенаправленно прилагать усилия к снятию этой оппозиции, переосмысливая стоящую за нею интеллектуальную традицию. Либералы должны позиционировать себя как сторонники европейского пути развития России, но при этом они должны перестать быть западниками. Нужно стремиться к диверсификации образа «Запада», уходя от того, что С.Н. Булгаков назвал «религиозным», то есть некритическим отношением к Западу. Нужно вырабатывать либеральные критерии оценки происходящего в России и в мире, не допуская манипуляций по принципу «двойных стандартов». Мне кажется, что именно такой дискурс, оценивающий поведение политических акторов на основе открыто артикулируемых принципов, мог бы стать своеобразной лабораторией либерального мышления, демонстрирующей его возможности для решения насущных для общества проблем.

Во-вторых, либералы должны активно участвовать в формировании памяти о коллективном прошлом (как далеком, так и близком — нельзя не оппонировать доминирующей сегодня тотально-негативной оценке 1990-х годов). Нужно формировать либеральный нарратив отечественной истории — генеалогию российского пути к свободе.

Виктор Шейнис

Консервативна ли нынешняя «консервативная волна» в России? Россия и Европа — общий ли тренд?

Прежде всего, мне хотелось бы оспорить распространенное ныне мнение, что и в России, и в Европе наблюдается некий общий для них тренд — возрождение консерватизма. Наступление, которое разворачивается у нас на либеральные ценности, имеет очень отдаленное отношение к консерватизму как таковому. К тому же идеологические процессы и идейная борьба в России и Европе имеют разную природу и вращаются вокруг разных проблем.

Основных линий размежевания в Европе при всем многообразии европейских обществ, на мой взгляд, две. Во-первых, обсуждается вопрос о границах и формах функционирования социального государства. Иными словами, не слишком ли далеко европейские государства под давлением своих избирателей зашли в ограничении рыночных способов распределения благ, не возобладал ли клиентарно-иждивенческий подход. И во-вторых, как должно происходить движение к объединенной Европе? В какой мере допустима и желательна передача функций государственного суверенитета наднациональным органам?

Сейчас уже очевидна ошибочность ленинского тезиса 1916 г.: Соединенные Штаты Европы или невозможны, или реакционны. На деле с первых послевоенных лет идет трудный, противоречивый процесс объединения Европы, стирания национальных границ не только на пути движения товаров, капиталов, трудовых миграций. Но и унификации законодательства, выработки общей внешней политики, усовершенствовании организации и деятельности национальных органов. На этом пути происходят остановки и откаты, но процесс необратим. Когда утверждение Европейской Конституции было заблокировано, в короткие сроки был подготовлен и заключен Лиссабонский договор, в кото-

ром, по оценкам специалистов, воспроизведены 90% отвергнутой Конституции. На выборах в Европарламент 2014 г. во Франции, Италии, Венгрии и ряде других стран заметных успехов добились евроскептики, левые и правые популисты. Но почти конституционное большинство — 62,5% мандатов — досталось «народникам», социал-демократам и либералам (АЛДЕ) — партиям, которые и прежде составляли ядро парламента и которые при всех различиях меж ними умеют находить общую платформу и стоят на позиции защиты демократических либеральных ценностей. Приверженность либеральным ценностям подтверждает министр иностранных дел ФРГ Штайнмайер: «Нормальные люди — те, кто хотят жить в нормальной Европе, не должны позволять определять свое будущее националистам и популистам».

Я ни в коей мере не хотел бы снижать остроту проблем, стоящих перед Европой. Но исторический выбор подавляющим большинством стран континента сделан. Он включает приоритет прав и свобод человека по отношению к государству. И ареал стран, где этот принцип утверждался, на протяжении последних десятилетий расширялся, приближаясь к географическим границам континента.

В России развитие имело принципиально иной характер. Исторический выбор: европейский путь развития, права и свободы человека как высшая ценность, обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы, — казалось, окончательно сделанный в годы перестройки и постперестройки и сначала подтвержденный властями, пришедшими на смену режиму Б. Ельцина, на деле пересмотрен. Под этикеткой «прогрессивного консерватизма» выступает антилиберализм, который официальными лицами, в том числе председателем Конституционного Суда В. Зорькиным, противопоставляется «либерально-индивидуалистическому подходу», который-де «препятствует социальной интеграции человечества». К новейшим теоретическим построениям высокопоставленного теоретика права подвёрстывается Кант, а права человека встраива-

ются в «равенство государств». Нас призывают очищать право от либеральных на него воззрений. Против либерализма, таким образом, выдвигается набор реакционных воззрений, в ряду которых важное место занимает переоценка не только современности, но и нашей истории, в которой крепостное право предстаёт как спланирующийся фактор, а Священный Союз 1815 г. – как гарант мира в Европе и т.п.

1. Социально-исторический смысл поворота в российской политике

В 2012-2014 гг. политический режим в России претерпел качественное изменение. Поскольку переход от режима позднего Ельцина, который, как справедливо утверждала Л.Шевцова, представлял своего рода коктейль из демократии, авторитаризма и анархии, к современному состоянию происходил постепенно, общественное мнение, в особенности на Западе, как мне кажется, недооценивает перелом, произошедший буквально на глазах. Да и у нас подчас слишком прямая линия часто проводится от 1990-х к 2000-м годам. Это стоит отметить отдельно. Вот и здесь Сергей Митрохин говорил, что возобладание тренда, который он назвал консервативным, коренится в том, как были проведены реформы 1990-х годов. У нас существует согласие в том, что способ проведения реформ вызвал отторжение значительной части народа от реформаторов. Вынесем за скобки то, в чем спора нет. Но в этой связи важно отметить два момента. Во-первых, те обстоятельства, в которых действовали реформаторы 90-х, не ими были созданы: они были им в значительной мере даны. Дарендорф, к мысли которого неоднократно обращался Адам Михник, прав в том, что переход от централизованного социалистического порядка к порядку современному, либеральному, демократическому связан с серьезными потерями: «Приходится брести через долину слёз». Конечно, задача реформаторов заключается в том, чтобы сделать этот переход менее болезненным и более коротким. В Польше в значительной мере это удалось, в частности, потому, что там

для того были благоприятные предпосылки. В России условия были значительно более тяжелыми. И не следует все сводить к злой воле реформаторов. Это были разные люди. Были и мошенники, и люди, заботившиеся, прежде всего, о собственном преуспевании. Но были и люди иного склада, озабоченные общественными интересами, но поставленные в очень жесткие условия, в которых им приходилось действовать. Это первое.

И второе, более существенное для сегодняшнего разговора. 1990-е годы, несмотря на то, что многое из того, с чем мы сталкиваемся сегодня, было заложено тогда, открывали и иные возможности развития. И на этом пути важно выделить две переломные точки. Первая — начало XXI века, приход к рычагам власти определенного свойства команды. Карьера большинства из этих людей начиналась в спецслужбах. За то, что им были созданы благоприятные условия перехвата власти, ответственность несут Ельцин и ряд лиц из его окружения. Начали новые правители — не забудем этого — в 2001 г. с подавления конституционных свобод, с разгрома НТВ, в котором некоторые недалёковидные или лукавые люди усмотрели всего-то спор хозяйствующих субъектов. Вторая переломная точка, которую наш политический режим проходит сейчас, — это 2013–2014 гг., в особенности 2014-й год. Это поворот очень основательный и глубокий, по сути антиконституционный.

Конституция утратила роль Основного закона общественной и государственной жизни. Российский конституционализм вновь обрел номинальный характер. Мало того, что издаются законы, противоречащие духу и букве Конституции, что деятельность так называемых «правоохранительных органов» и судов, когда дело касается политики, отступает и от этих законов. В российском официозе, в печати, в палатах Федерального Собрания впрямую поставлен вопрос об изъятии из самой Конституции ряда ее принципиальных положений. В частности, из ст. 15 — о приоритете общепризнанных принципов и норм международного права и договоров, ратифицированных

РФ, из ст. 13 — отказ от государственной идеологии, из ст. 14 — о светском характере государства, из ст. 29 — о запрете цензуры...

Выборы утратили состязательный, конкурентный характер, перестали служить механизмом смены власти. Они используются как вспомогательный инструмент для легитимации несменяемой власти, превращены в разновидность плебисцитов для одобрения решений, принятых в закрытых государственных структурах, и для утверждения людей, назначенных эти решения исполнять.

В последние два-три года совершился переход от «мягкого» к жесткому авторитаризму, особенно заметный по сравнению с правлением местоблюстителя Дмитрия Медведева, когда в ходу была либеральная риторика и выдвигались либеральные инициативы, впоследствии искаженные или перечёркнутые. Изобретаются все новые средства для подавления не только политической оппозиции, но и не зависимых от властей общественных организаций. Широким фронтом ведется наступление на все независимые средства массовой информации. Издаются чудовищные запретительные законы, ущемляющие гарантированные Конституцией права граждан. Изоцряется в нагнетании ненависти к «национал-предателям» государственное телевидение...

Когда совершался переход от режима Б. Ельцина к режиму В. Путина, в программе нового лидера были заявлены такие цели, как модернизация и европейский выбор. Ныне вся эта риторика отброшена, цели обнажены. Во внутренней политике — изоляция реальной оппозиции, по сути — ликвидация ее как актора политического процесса, продление власти персонификаторов существующего режима на неопределённо длительный срок. Во внешней политике реализуется агрессивно заявленная претензия на право вето в переформатировании мирового порядка (тое сть нечто подобное тому, на что претендовал и в известной мере реализовал СССР) и на признание привилегированных интересов российского государства на постсоветском пространстве (как

того в Ялте 1945 г. и в Хельсинки 30 лет спустя де-факто добился СССР применительно к географически более протяженной зоне). Здесь – основная причина превращения украинского кризиса из внутреннего в международный. От стран Запада требуют согласия на российскую интерпретацию правил игры на международной арене, на своего рода фаустовскую сделку по Украине. Если все это — «консервативная волна», то, значит, мы переместились в мир понятий, запечатлённых в великом романе Д. Оруэлла: война – это мир, невежество — сила и т.п.

К собственно консервативным концепциям можно относиться по-разному, но в историческом наследии человечества они занимают свое место. Споры консерваторов и либералов в России — явления прошедшего времени. В современную эпоху, и в этом я согласен с Григорием Явлинским, консерватизм вовсе не противостоит либеральным ценностям. Политический курс российского государства — из другой оперы. В его идеологическом багаже — апология сильной государственной власти, при которой плюралистический механизм сдержек и противовесов замещен «вертикалью» исполнительной власти, пронизавшей также законодательные и судебные учреждения. Критерием патриотизма всерьез объявлены доверие, поддержка, растворение личности в государстве. Категория национальных интересов сведена к государственным интересам, то есть интересам страны, как их видит группировка у власти.

Передовые общества, отвечая на вызовы современности, опираются на объединяющие ценности, эффективность которых доказана всем опытом XX в., — культуру и право. А основные скрепы авторитарных режимов — агрессивная идеологическая монополия и насилие. В XXI в. это — деформация общества, путь в тупик, к национальной катастрофе.

2. Власть и общество

Официальные средства (дез)информации уверяют, что российское общество разделено на консервативно, патриотически мыслящих людей и прозападную горстку либералов. В действи-

тельности линия разграничения проходит между деперсонализированными, дезориентированными, управляемыми массами и критически мыслящими людьми.

Одно из самых поразительных явлений 2014 года — взлет доверия к власти. Показатели доверия к президенту в последние месяцы — 84–86% — фиксируют все, в том числе независимые социологические центры. Полученные результаты сопоставимы с советскими или даже превосходят достижения советского режима. И это при том, что отлаженные в то время инструменты единодушия и единогласия (террор, мощный аппарат идеологической индоктринации при изоляции общества от альтернативных воззрений, всепроникающая сеть структур партии-государства) отсутствуют или далеко не столь тотальны.

Массы людей, переживших перестроечное очищение сознания, в том числе вышедших на демонстрации под лозунгами: «Свободу Литве!», «Долой узурпаторов ГКЧП!» и др., глотают килотонны жвачки, которую на них обрушивают каналы государственного телевидения, рукоплещут аннексии Крыма, негодуют на бесчинства «фашистской хунты» в Киеве, на «вашингтонский обком», повсеместно поддерживающий фашистов. Со дна общественного сознания подняты пласты имперских мифов, ожил призрак крепости, осажденной врагами. Риторика национального единства разогрета враждой к инакомыслящим, которые клеймятся как «пятая колонна» и «национал-предатели». Это не консервативное, а иллюзорное сознание.

Иллюзорное, однако, не означает поверхностное, легко преодолимое. Наблюдая грубую эффективность государственной пропаганды, следует признать, что в сознание народа нельзя вложить то, чего в нем нет. Иллюзия становится фактором, определяющим отношение людей к власти и к повседневной реальности. Бациллы государственного патриотизма и фантомных болей от утраты империи (рисующейся как «величайшая геополитическая катастрофа XX века») оказались острозаразными, а массовое сознание — лишенным иммунитета. Полто-

ра века тому назад Александр Герцен писал, что злосчастья его времени отвечают определенным особенностям национально-го характера. Эти особенности могут быть поглощены другими. Но могут — внимание! — победить и они. «Если Россия способна примириться с существующим порядком вещей, то нет у нее впереди будущего, на которое мы возлагаем надежды».

Проблема эта не снята и поныне. Юрий Левада отмечал, что, когда события переломного характера приводят общество в возбужденное состояние, в массовом сознании открываются глубинные пласты, которые в обычное время стертые или не видны. Событием переломного характера стали украинский кризис и охранительная реакция на него российской власти. С развитием событий на Украине российское руководство не могло смириться по двум причинам. Замаячивший отказ Украины от внеблокового статуса был расценен как приближение сил НАТО к границам России. В воображении властей и истолковании для публики это выглядело как военная угроза (к которой по историческим причинам народ России особо чувствителен), а в реальности представляло потенциальное сокращение пространства, которое в Москве рассматривали как «русский мир» — зону своих привилегированных интересов. Но еще важнее, что в киевском Майдане увидели опасность, которой следует противостоять всеми средствами. Майдан предстал как способ смены власти в стране, где легальные к тому возможности перекрыты. Как и в военной угрозе, не только власть, но и российское общество видит в этом опасность возврата пережитых потрясений. Все это придало сплочению народа с властью новое дыхание.

Аннексия Крыма, ажиотаж вокруг проекта Новороссии, об-раз вставшей с колен России и ее волонтеров (которые были представлены как реинкарнация интербригадовцев в испанской Гражданской войне) всколыхнули действительно глубинные, прежде отключенные или слабо активированные пласты дремучих, архаических, ксенофобских чувств и представлений

о России, Украине и мире и осыятили облик собственного государства. Никогда не было такой консолидации вокруг президента, писал недавно ушедший от нас видный ученый Борис Дубин, «такого уровня поддержки военных действий и одновременно совершенно иррационального озлобления против всего мира».

Даже очевидное и ощутимое ухудшение материальных и социальных условий жизни и помрачение перспективы того и другого в будущем оказались перекрыты ослаблением тревожности и страха перед бедностью, безработицей, наркоманией, а резкое ограничение гражданских прав и свобод беспокоит, как и прежде, лишь 3–4% респондентов (показатели в пределах статистической ошибки.) И даже несколько выросло число тех, кто отметил улучшение в системах образования, медицины, международных отношениях и в других проблемных областях, где на деле происходило заметное ухудшение. Люди готовы смириться не только с ухудшением материальных условий, но и простить своему государству — дабы не слиться с его врагами в это критическое время — очевидные жестокости и пренебрежение к человеческой жизни.

В стране изменилась социально-политическая ситуация. Надолго ли? Кто может дать ответ на этот вопрос?

3. В заключение — о перспективе и роли Запада

Едва ли в ближайшем будущем удастся остановить ужесточение политического режима и административного контроля над обществом. Это развитие можно уподобить движению асфальтового катка. Силы, которые способны его остановить, пока не просматриваются ни в обществе, ни в элитах.

Вероятно, сохранится (или даже будет углубляться) конфронтация с Западом. То, что вмешательство западных демократий способно привести к власти либеральные политические силы в России (как будто бы это они сделали на Украине) — страшилка, широко тиражируемая управителями государства и их медиаприслужниками, и надежда не слишком умных лю-

дей, страдающих от собственного бессилия. В действительности российское руководство исходит из того, что с санкциями удастся справиться, а общий фронт западных государств — расколоть. Противопоставить политиков типа Берлускони и семейства Ле Пен — основной части европейского истеблишмента, Венгрию и Чехию — Польше, Францию — Германии, Европу — Америке. И нельзя сказать, что эти расчеты беспочвенны.

Жесткая критика действий России в Крыму и на Украине нередко оперирует противопоставлением интересов ценностям. Мне представляется, что такая антитеза не совсем точна и совсем не практична. Европа Эйнштейна, Швейцера и Гавела всегда была и будет в меньшинстве в клокочущем мире политических страстей в странах континента. Она может и должна оказывать влияние на формирование политического курса своих государств, но самостоятельно едва ли когда-либо станет определять их курс. Все дело — в различии интересов разного порядка. Есть интересы текущие, сиюминутные — коммерческой выгоды от ведения дел с государством, нарушающим международное право, успешного проведения текущей избирательной кампании в собственных странах, избиратели которых не склонны поддерживать резкие движения, и т.п. И интересы более высокого порядка, исходящие из понимания долгосрочных тенденций мирового развития, вызовов ему, рисков и угроз. Эти интересы, как правило, неразрывны с ценностями европейских обществ, с будущим не только России, но и Европы, и мира.

Когда Рузвельт, преодолевая упорное сопротивление большей части политического класса и индифферентность населения, искусными маневрами подводил США к участию во Второй мировой войне, он следовал верно понятым коренным интересам американского (и не только американского) общества, отвечавшим ценностям, которые провозгласили отцы-основатели американского государства. А когда недалековидные правители Англии и Франции, сдав Гитлеру Чехословакию,

встретили восторженный прием населения своих стран, боявшегося войны, они поступали вопреки не только ценностям, но и глубинным интересам и Чехословакии, и собственных стран, и Европы в целом. К сожалению, историческая проверка подобных шагов редко наступает так скоро.

Изменить политику России могут только силы, сформировавшиеся и окрепшие в самой стране. Но найти и реализовать непростые решения, отвечающие ценностям и долговременным интересам Европы и России как органической части нашего континента, — непростая задача, над которой придется биться политикам, бизнесменам и общественному мнению демократических стран.

2. Либеральные ценности и институциональное строительство

Андрей Медушевский

Консервативный тренд и институциональное развитие политического режима России

Прежде всего я хотел бы определить, что такое «консервативный тренд» и в чем его сущность. Я думаю, что это определенный психологический феномен. Консервативное сознание психологически основано на опасении людей потерять стабильность — те достижения, которые средний класс имеет, но боится их утратить в условиях быстрых и непредсказуемых изменений. Консервативное сознание опирается на разрыв между идеалом и действительностью, на пессимистическое восприятие действительности и общую неустроенность жизни. Я думаю, что агрессивные формы консерватизма связаны с сублимацией настоящих социальных невротозов. И в этом смысле консерватизм — такое же естественное состояние сознания как, например, радикализм или либерализм. Таким образом, эти состояния общественного сознания (и выражающие их идеологии) коренятся в природе человеческого восприятия действительности и сменяют друг друга вполне естественно в меняющейся исторической ситуации.

Если говорить о классическом консерватизме, который является основой и отправной точкой современного консервативного тренда, то его базовые постулаты сохраняют значение до настоящего времени. Это ретроспективная ориентация сознания, историзм, это иерархичность, это религиозность и что самое главное — скептицизм в отношении модернизации. В трудах таких классических идеологов консерватизма, как Де Местер, Бональд, Шатобриан, Карамзин, был дан ответ на многие вопросы, возникшие перед обществом в Новое и Новей-

шее время. В частности, как пишет И. Берлин, его идеологами представлены реалистическая картина человека и общества, отказ от метафизики просветителей и от идей Французской революции, обернувшихся гильотиной, выстроена концепция выхода из революции и обретения стабильности. Если понимать консерватизм таким образом, то эта идеология определяла ситуацию всякой постреволюционной стабилизации. Именно поэтому консервативный тренд никогда не исчезал и неоднократно воспроизводил себя в истории.

Для понимания современного консервативного тренда и его особенностей важно понять его общие социальные функции и предшествующие исторические модификации. Мы выяснили, что в истории консерватизм позиционирует себя после крупных социальных потрясений. В истории Европы Нового и Новейшего времени можно выделить три основных этапа, когда консервативные ценности становились доминирующими. Первый этап представлен после Французской революции и наполеоновских войн. Я имею в виду эпоху Венского конгресса и Священного союза, который выдвинул доктрину экспорта контрреволюции для защиты легитимных монархических режимов. Второй этап — это ситуация, сложившаяся после Первой мировой войны, распада крупнейших империй в Центральной и Восточной Европе. Основы новой системы международных отношений, зафиксированные Версальским договором, получили развитие в создании и противоречивой деятельности Лиги Наций, не остановившей раскол Европы по линии консервативных и радикальных тенденций. Консервативный тренд выразился в формировании как умеренных, так и достаточно авторитарных консервативных режимов в Европе межвоенного периода. Консервативные ценности последовательно противопоставлялись радикальным (коммунистическим и анархическим) доктринам и политическим режимам. После Второй мировой войны и раскола мира на две социальных и военно-политических системы (несмотря на создание ООН) консервативный тренд

представлен уже, скорее, как либерально-консервативный синтез (особенно четко выраженный в христианской демократии), и в этом смысле он стал доминирующей идеологией Запада в период «Холодной войны» и противостояния с коммунизмом. Данный идеологический синтез лежит по существу в основе основных международных документов по гуманитарному праву и правам человека, представлен в ряде послевоенных конституций стран Западной Европы. Третий этап распространения консерватизма в Европе и России — это современный период, хронологически представленный последним десятилетием.

С чем связано распространение консерватизма в Европе и России на современном этапе? Я думаю, что основная причина — это кризис глобализации, реакция общественного сознания развитых стран мира на утрату традиционной стабильности и привычной картины мира, сопровождающихся ощутимой эрозией казавшихся незыблемыми и универсальными ценностей западной культуры. Мессианская идея прав человека, восходящая к идеологии Просвещения, Американской и Французской революций, уверенно исходила из того, что будущее принадлежит европейским либеральным ценностям, которые с крушением коммунизма восторжествуют во всех регионах мира, знаменуя «конец истории». Европейский проект — это не географическое, но идеологическое понятие: Европа существует там, где действует Европейская хартия по правам человека и, следовательно, представлена в странах всех континентов мира по мере того, как в этих странах завершится переходный период («демократический транзит») и будет завершена демократическая консолидация. Либеральная эйфория, охватившая Европу в 90-е годы XX в., была связана главным образом с крушением коммунизма, биполярного мира, распадом СССР и осуществлением демократических преобразований в Восточной Европе. Последующий отказ от завышенных ожиданий, осознание трудностей и рост разочарования в Европе стали социальной основой появления и расширения новейшего консервативного

тренда. Во-первых, выяснилось, что универсальность Европейского проекта ставится под сомнение в наиболее традиционных регионах мира, а попытки его продвижения сталкиваются с ростом консервативной реакции (прежде всего, мощный вызов исламского фундаментализма). Во-вторых, стали понятны трудности евроинтеграции: Конституция Европы была отвергнута на референдумах в 2004 г., а принятый вместо нее Лиссабонский договор 2008 г. оказался достаточно компромиссным, неопределенным и противоречивым документом, затруднявшим экономическую и политическую консолидацию Европы; была официально дезавуирована идеология мультикультурализма как основы интеграционных проектов; в парламентах практически всех стран ЕС последовательно расширяется представительство консервативных партий и евроскептиков различных разновидностей; экономические и политические кризисы новейшего времени выявили отсутствие единства по центральным вопросам внутренней и внешней политики. В-третьих, демократический транзит оказался не линейным, но противоречивым процессом, включающим реставрационные тенденции: на постсоветском пространстве он завершился в основном реставрацией авторитаризма. Однако подобный вариант не исключен и в странах Центральной и Восточной Европы, как показывает, в частности, новейший опыт ранее эталонной демократии — Венгрии. Очевидно, что мы имеем дело с ситуацией европейского консервативного тренда, которую трудно было предсказать исходя из идей 1990-х годов.

В этом контексте современный российский консервативный тренд, на мой взгляд, это не какая-то случайность, а вполне закономерная часть общего европейского консервативного поворота. В России, однако, данный поворот выражается более резко с учетом исторической, социальной, политической специфики страны, а его носителем являются не столько общественные и политические партии, сколько сама государственная власть. Европейской цивилизации противопоставляется российская, а

Европейскому Союзу — Евразийский Союз, который находится на стадии формирования. Возникает усиление консервативной риторики. Правящая партия в России объявляет себя консервативной, а политическая власть сознательно ориентируется на идеи как классического, так и нового консерватизма. В международных отношениях поворотной точкой на этом пути является мюнхенская речь президента Владимира Путина. Процесс изменения идеологии правящего режима отражает общий вектор развития, связанный с ростом противостояния России и Запада, вплоть до современного жесткого противостояния по Украине. Кроме того, в этом отношении чрезвычайно важен конфликт между Западом и радикальным исламом, поскольку интегралистский исламизм является концентрированным выражением традиционализма. Можно сказать, что данное противостояние наиболее четко выражает конфликт между либерализмом и консерватизмом в глобальном масштабе.

Что собой представляет российский консервативный тренд, если смотреть на него как на своеобразный аналог западного? Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что все основные идеи российских консерваторов взяты из европейской консервативной традиции. Я имею в виду и философские основы, и предложения по изменению формата политической системы. Можно сказать, что это идеи, взятые как из сочинений современных неоконсерваторов, так и из классических учений консерваторов XIX и даже XVIII века. Например, в области культуры прослеживается интерес к консерватизму вообще, выдвигается концепция особого пути. Подчеркивается значение геополитики и даже социального дарвинизма как основы межгосударственных отношений в условиях коллапса международного права. Национализм вновь мощно встает на повестку дня. Причем это не исключительно консервативная точка зрения. Здесь говорили о том, что либерализм будто бы всегда противостоит национализму, империализму и политике аннексий. Я думаю, что это не так: классический либерализм повсюду стоял на позициях национализма

и имперской идеологии. Возьмите сочинения английских, французских или русских либералов периода колониального раздела мира, и вы найдете в них вполне имперскую парадигму развития государственности. Достаточно вспомнить, что писал М. Вебер о поляках или П.Н. Миллюков о задачах русской внешней политики. Здесь нет никакой принципиальной разницы между консерватизмом и либерализмом, хотя консерватизм сейчас более активно отстаивает эти ценности. Для современного консерватизма (как европейского, так и русского) характерна идея морального возрождения нации, которое идет через конструирование патриотизма, понимаемого скорее как отторжение либеральных ценностей — отрицание западных ценностей, секуляризации, индивидуализма, капитализма, сексуальной морали, голливудской продукции. Это, далее, культивирование роли религии и Церкви и пересмотр истории страны в духе традиционализма. Переосмысление русской истории в рамках консервативной идеологии очень показательно. Мы обсуждали на прошлой конференции¹⁶ феномен переписывания истории и, в частности, новейший российский официальный «историко-культурный стандарт», ставший квинтэссенцией реакционных устремлений в исторической науке и педагогической практике. Наконец, консервативная программа включает показательную реформу русского языка — попытку механически очистить его от иностранных слов. В целом речь идет об отрицании модернизации в форме европеизации. Таковы базовые компоненты культурной программы современного российского консерватизма.

В сфере правового регулирования консерваторами предложена достаточно цельная программа, которая включает идеи отмены ценностно-беспристрастного характера позитивного права. Я имею в виду попытку включения в Конституцию государственной идеологии с параллельным отказом от принципа плюрализма. Это, далее, идеи ограничения прав человека и либеральных

¹⁶ Конференция «Историческое знание как фактор развития», организованная партией ЯБЛОКО, обществом «Мемориал» и Сахаровским центром, прошла в Москве 16 декабря 2013 года. В 2014 году доклады напечатаны в одноименном сборнике.

свобод, предложения по реформированию международного, конституционного, гражданского, семейного, уголовного, да и всех других отраслей права, вплоть до регулирования СМИ и Интернета. Это — новая концепция государственного суверенитета, государственной безопасности и информационной безопасности. В политике данный тренд выражается в идее возврата к единой национальной идеологии, в идее пересмотра отношений российского и международного права, выхода из ПАСЕ, отказа от признания юридической силы решений Европейского Суда по правам человека, возвращения смертной казни, если говорить о самых радикальных предложениях, направленных на изменение общих принципов конституционного устройства. Это — ограничения НКО, политических партий, общественных организаций, неоднократно озвученные предложения о введении цензуры в СМИ, которые противоречат Конституции, но, по данным опросов, поддерживаются очень значительной частью населения. Консервативный тренд находит наиболее четкое выражение в апологии сильной власти и даже «провиденциальной личности» в стиле консервативных романтиков XIX века. Все это показывает сходство идей современных российских консерваторов с европейскими, с их идеями национального патриотизма, солидаризма, закрытости общества в отношении мигрантов и усиления полицейского контроля. Я не вижу здесь никакой принципиальной разницы, достаточной, во всяком случае, для того, чтобы их противопоставлять. Вы можете найти все эти идеи в политических течениях консервативной направленности современной Западной Европы — программных документах правых партий во Франции, Германии, скандинавских странах. Это позволяет заключить, что российский консерватизм есть такой же результат европеизации, как и либерализм.

Очень важна поэтому проблема типологии консервативного тренда в Европе и в России. Дело в том, что консерватизм — не монолитный тренд. Прежде всего, нужно различать классический консерватизм и неоконсерватизм, о чем я уже упомянул.

Но очень важно иметь в виду, что консерватизм (как и другие классические идеологии) в наше время не является единым течением, он существует в виде синтеза с различными другими идеологиями. Так возникают три схематических конструкции: во-первых, синтез консерватизма с политическим национализмом или даже с этническим национализмом. Это, безусловно, наиболее мощная и опасная разновидность консерватизма, в своих крайних формах граничащая с национал-социализмом. Это, во-вторых, синтез консерватизма с социализмом (что облегчается крайней неопределенностью трактовки последнего). Наши коммунисты как раз представляют данный тренд: апология советского прошлого причудливо сочетается в их воззрениях с восстановлением религиозных и патриархально-самодержавных традиций. И, наконец, в-третьих, это синтез консерватизма с либерализмом — течение общественной мысли и политической практики, принимающее программу либерализма при условии отказа от крайних форм ее проявления в экономике, социальных отношениях и политике. Это та площадка, где возможен диалог консерваторов и либералов по актуальным вопросам экономической и политической модернизации. Соответственно в российском контексте представлены разные программы консервативного движения — такие, как проект «Россия», «Русская доктрина», «Манифест просвещенного консерватизма» и даже концепция «либеральной империи». Все это говорит о том, что ситуация в общественном сознании не так очевидна, как это иногда представляется в публицистике. Возникает вопрос, какую версию консерватизма выберет современный режим в качестве своей легитимирующей основы. В ответе на этот вопрос — суть того, как определить вектор развития современного российского политического режима.

В связи с этим важно понять общую логику российского политического режима в постсоветский период. Я работаю с теорией конституционных циклов, суть которой состоит в том, чтобы понять, как конституционные нормы соотносятся с со-

циальными ожиданиями. На радикальной фазе перемен это соотношение предстает как отказ от старой Конституции во имя новых ценностей. Далее следует фаза институционализации, укрепления новых ценностей, выражением которой становится принятие новой Конституции. Этот процесс сменяется третьей фазой — реконституционализацией или реставрацией старых порядков, попыткой согласовать новые конституционные нормы с существующей социальной практикой. Это может привести к эрозии конституционных ценностей и норм, отказу от них. Традиционалистская трактовка справедливости, если она становится преобладающей в общественном сознании, может, в конечном счете, возобладать над формулами позитивного права, закрепленными в период конституционной революции, завершиться отказом от них и возвращением к начальной фазе конституционного цикла. Сейчас мы оказались в третьей фазе конституционного развития, которая подходит к заключительному этапу. Можно сказать, что путь реставрационных тенденций завершается. Но вопрос: завершается чем? Возвратом к советским порядкам? Или возвратом к более старой исторической традиции, к дореволюционным порядкам? О каком типе реставрации идет речь? И в связи с этим важно отметить противоречивость подходов к оценке реставрационных тенденций. По существу имеют место оба процесса, хотя многие специалисты отмечают возврат в последнее время именно к советским ценностям.

Приведу мнение ряда исследователей, представивших диагноз в отношении различных областей политической системы. Деформации российской демократии проявляются, во-первых, в том, что базисные ценности российской культуры остались неизменны и российское общество по-прежнему отвергает либерализм, правовое государство, гражданское общество. Во-вторых, признается, что в трактовке принципов свободы, справедливости и равенства в массовом сознании по-прежнему доминируют советские стереотипы. В-третьих, показано, что в

экономическом регулировании провозглашение и конституционное закрепление рыночной экономики на деле не соответствует реальности. Есть разрыв между нормами и реальностью. В-четвертых, искусственная советская модель федерализма, основанная на фиксации национально-территориального деления субъектов федерации, не преодолена в современной России. В-пятых, подчеркивается незавершенность преобразований советской судебной системы, которая по-прежнему ориентирована на принцип жесткого централизма, в конечном счете обеспечивающий управление системой. В-шестых, констатируется низкое доверие к политическим институтам, общая культурная и кадровая преемственность современной российской элиты по отношению к советской. В-седьмых, отмечаются опасные тенденции трансформации российской системы разделения властей, которые уже сейчас привели к формированию персоналистского режима. Таким образом, можно констатировать, что демократический переход, начавшийся в 1990-е годы, имел совершенно разные результаты в странах Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, и в России — с другой. В первом случае он привел (хотя и не везде) к принятию Конституции и установлению гражданского общества и правового государства как работающей системы. В России мы видим обратный тренд.

Очень важен ответ на вопрос: идет ли речь о перерождении конституционных норм, своего рода «преданной революции» 1990-х годов, или речь идет о возврате старой культурной матрицы, которая как была, так и осталась фундаментом политической системы и которую просто не удалось изменить. Сама постановка этой проблемы очень важна и стимулирует исследования в области изучения и реализации конституционных принципов. Такие исследования были проведены к юбилею Конституции, и они позволили констатировать, что современный режим балансирует на грани конституционных и антиконституционных практик. Чрезвычайно велик разрыв нормы и

реальности: изменения Конституции идут в основном не путем конституционных поправок, но путем трансформации законодательства, фактического изменения административной и судебной практики, широкого использования неформальных методов социального регулирования. Это — ползучая конституционная контрреформа, которая в настоящее время достигает своей завершающей стадии. Получается парадоксальная ситуация. При достаточно демократической Конституции мы имеем режим, который в политологических терминах может быть определен как «конституционный параллелизм», как «отложенная демократия», как ограниченный плюрализм, авторитаризм или мнимый конституционализм. Констатация всех этих особенностей российской политической системы, по моему, еще не позволяет однозначно определить ее как номинальный конституционализм (советского образца), но одновременно показывает, что эрозия конституционных принципов зашла достаточно далеко и можно говорить о режиме ограниченного плюрализма (авторитаризма) или направляемой демократии. Этот вывод подтверждается новейшими теоретическими и эмпирическими исследованиями¹⁷.

В заключение я хотел бы отметить ряд выводов, которые вытекают из этого анализа для современного либерального движения, или, скорее, сформулировать ряд вопросов, на которые мы постараемся получить ответ в ходе дискуссии. Первый важный вывод или наблюдение, на мой взгляд, состоит в том, что современный консервативный тренд — это вовсе не субъективная злая воля, но объективная тенденция современного развития. Данный тренд — определенная фаза развития общества, как в Европе, так и в России, связанная с противоречиями глобализации и трудностями обеспечения поступательного развития в правовых формах, особенно в обществах

¹⁷ См.: Основы конституционного строя России: двадцать лет развития. М., 2013; Конституционный мониторинг: концепция, методика и итоги экспертного опроса в России в марте 2013 года. М., 2014; Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст. Аналитический доклад. М., 2014.

переходного типа. Второй вывод состоит в том, что российская модель или российский тип консервативного тренда опирается на соответствующие европейские идеи, но при этом дает более жесткую и более радикальную их интерпретацию. Это связано как с историческими особенностями постсоветского периода, так и заинтересованностью политической власти использовать постулаты консерватизма для собственной легитимации и политического лавирования. Третий важный вывод состоит в том, что консервативный тренд нигде не является однородным, включает в себя различные варианты развития, которые присутствуют в разных типах политических режимов и в разных стратегиях конституционного развития. Это, кстати говоря, было показано в дискуссиях по Конституции к ее двадцатилетнему юбилею, когда были выдвинуты диаметрально противоположные концепции конституционного развития.

Заключительный вывод состоит в том, что для современного либерального движения очень важно попытаться противопоставить один тип консервативной идеологии другому. Нужно отсеять в общественном сознании радикальные консервативные тенденции, связанные с агрессивным изоляционизмом, национализмом и авторитаризмом, от консервативных тенденций, которые могут быть определены как консервативно-либеральный синтез. Консервативно-либеральный синтез — это та, в общем приемлемая, модель, на основе которой можно строить диалог с политической властью.

Считаю необходимым подчеркнуть, что историческая и правовая традиция России не является фатальным фактором, предопределяющим будущее развитие, она может выступать как опорой, так и препятствием движения к правовому государству. Модернизация означает ситуацию неустойчивого равновесия — своеобразного баланса сил ее сторонников и противников, который может разрешиться в пользу одной или другой стороны. Она порождает дилемму реформаторов, от решения которых зависит оптимальное развитие социальных процессов

или их срыв. В этой ситуации задачей демократической партии становится поиск альянса с той частью политической элиты, которая способна воспринять и провести в жизнь стратегию либеральных реформ¹⁸.

В рамках проведенного анализа хотел бы отреагировать на обсуждавшийся здесь вопрос о санкциях Запада в отношении России. Я считаю санкции ошибочной стратегией — они ведут не к снятию противоречий, но к мобилизации российского общества вокруг жесткой консервативной линии правительства, не способствуя при этом либерализации режима. Санкции — попытка воздвигнуть искусственные барьеры, воссоздать некую новую Берлинскую стену с другой стороны. История показывает, что все попытки воздвигнуть подобные ограничения (в виде реальной или виртуальной стены), с чьей бы стороны они не осуществлялись, — делаются обычно с позиций не силы, но слабости. Главное негативное следствие — отказ от полноценного информационного обмена, рост взаимного недоверия и представлений об исключительности, стремление механически навязать оппонентам собственную систему ценностей без включения механизмов диалога и поиска консенсуса. В результате расширяются возможности манипулирования информацией, оказываются блокированными даже те направления сотрудничества, по которым возможен позитивный диалог. Это относится не только к институтам экономического взаимодействия, но и сотрудничеству по линии общественных организаций и научного обмена. Подобные ограничения, действуя в режиме «вызов-ответ», способны поглотить все позитивные достижения постсоветского переходного периода. Адекватная стратегия, напротив, должна была бы состоять в отказе от бюрократических и информационных барьеров, расширении интеграционных процессов, устранении всевозможных огра-

¹⁸ Эти идеи получили развитие в наших трудах: Медушевский А.Н. Российская правовая традиция — опора или преграда? М., 2014; Его же: Ключевые проблемы российской модернизации. М., 2014.

ничений в отношениях Европы и России — отмене торговых и информационных ограничений, виз и т.п. Это позволило бы либеральным силам в России убедительно апеллировать к европейским ценностям, сослаться на европейские стандарты прав человека и добиваться их практической реализации. Кроме того, санкции (при их юридической и экономической спорности для самих инициаторов) позволяют российскому политическому режиму добиться негативной консолидации общества вокруг псевдопатриотических лозунгов, списать многие ошибки правительства на внешние трудности и представить либеральные силы как «пятую колонну». Следует учитывать исторические особенности российского общества: оно, возможно, не было достаточно успешно в продвижении принципов гражданственности и правового государства, но чрезвычайно успешно в осуществлении мобилизационных стратегий. Мобилизация в условиях внешнего кризиса — это то, что всегда удавалось сделать очень последовательно.

Ответы на вопросы:

Вопрос: Не следует ли видеть в санкциях Запада против России стимул к внутренней демократизации режима? Ведь консервативный вектор режима обозначился до введения санкций?

Ответ: Действительно, консервативный тренд обозначился ранее введения международных ограничений: санкций не было, но не было и позитивной динамики развития двусторонних отношений. Фактически отношения стагнировали уже давно, в течение последнего десятилетия. Но я не стал бы сводить причину этого только к вопросам внутренней политики России. Они, безусловно, важны, и о них я говорил специально. Следует учитывать такой внешний фактор, как расширение НАТО на Восток, размещение инфраструктуры блока в Восточной Европе, изменение его военно-политической доктрины (Лиссабонская декларация НАТО 2010 г.,

провозгласившая возможность использования сил Альянса для разрешения конфликтов за пределами входящих в него стран), а также юридически спорные действия представляющих его стран в разных регионах мира (вне согласия Совета Безопасности ООН). Все это — мощный фактор мобилизации силового блока в России. Поэтому дискутабелен вывод о том, что ужесточение российского курса связано исключительно с принятием санкций. Это линейная тенденция, которая развивалась между Европой и Россией «по обоюдному согласию» в течение длительного времени. Имеет смысл поэтому различать в нашей дискуссии идеологию и реальную политику, которая опирается не столько на декларации ценностей, сколько на защиту сфер влияния и национальных интересов.

Вопрос: Есть ли консервативные партии в России, с которыми можно начинать диалог?

Ответ: Я думаю, что в России нет чисто консервативных партий, как нет и чисто либеральных партий, которые провозглашают себя приверженцами одной идеологии. Можно сказать, что идея консерватизма в значительной мере монополизирована сейчас правящей партией — «Единой Россией». Но интерпретация консервативной идеологии в самой «Единой России» неодинакова, поскольку она включает и даже институционально закрепляет (в виде системы четырех клубов) ряд различных трактовок консерватизма — от более жестких до таких, которые пытаются совместить консерватизм с либерализмом или, возможно, с какими-то социал-либеральными идеями. Общая динамика политического процесса не исключает в будущем размежевания этих сил внутри партии или ее разделения на ряд партий в соответствии с данными платформами. Внешнее воздействие санкций приводит к тому, что партия оказывается более мобилизованной и более жестко организованной. Поэтому умеренные или либерально-консервативные элементы по существу теряют легитимность, политическое влияние и трибуну в данной ситуации.

Вопрос: Существует ли, по вашему мнению, преемственность политического режима от 1990-х годов к современности? Как Вы видите соотношение фигур президентов Б. Ельцина и В. Путина?

Ответ: Считаю, что такая преемственность существует. Она выражается, во-первых, в том, что Конституция 1993 г. была и остается правовой основой политического режима до настоящего времени; во-вторых, в том, что структура политического режима и механизм принятия решений в целом остались практически неизменными; в-третьих, в том, что действующий глава государства стал преемником предшествовавшего и был выдвинут им, что составляет важный метаконституционный компонент легитимации передачи власти. В то же время, историческое место двух президентов — Б. Ельцина и В. Путина (а также Д. Медведева) определяется различием задач, которые стояли перед ними. Это место выглядит как соотношение правлений Цезаря и Августа: первый основал государство, второй стремился подавить деструктивные тенденции и стабилизировать политический режим, для чего они вынуждены были использовать разные методы — сначала силу, затем — хитрость. Это означает, что эволюция политического режима имеет свою внутреннюю логику, а не связана исключительно с политиками, персонифицирующими власть. Думать так было бы верхом наивности. В этом смысле современный консервативный тренд столь же логичен, как и предшествующий либеральный — они представляют различные фазы консолидации политического режима. Но из этого, конечно, не следует, что мы должны принимать все следствия усиления консервативного тренда, ведущего к эрозии конституционных принципов, стагнации и бюрократизации политической системы. Напротив, задачей конструктивной оппозиции является разъяснить власти те границы реставрационных процессов, пересечение которых ведет к утрате социального контроля и создает потенциальную опасность новых революционных переворотов.

Матиас Ёрши

Венгрия: еще один невыученный урок

Когда просят выступить на такой конференции, всегда думаешь, о чем будет речь идти на конференции и чего от тебя ожидают. Моя тема — демократия, главенство закона и т. д., и я подумал, что могу сказать, что вы, либералы в России, не одиночки. У нас в Венгрии очень похожие проблемы. Но 25 лет назад, и я думаю, что Кишвер Фолкнер может подтвердить это, мы считали, что замечательно жить в Венгрии. Мы как бы были моделью для других социалистических стран. Другие страны в Восточной и Центральной Европе следовали за нами. В 1990-м году ко мне обращались, просили рассказать об опыте Венгрии — в Латвии, в Грузии, в других странах. Я говорил: да, у нас прекрасный пример, у нас очень хорошо. Было такое ощущение, что в Венгрии все хорошо, не может там быть никаких проблем. Это — как бы образец перехода к демократии. Сейчас, 25 лет спустя, стыдно быть венгром.

Когда меня спрашивают: «Откуда Вы?», я говорю: «Из Европы». Я не говорю, что я из Венгрии, поскольку люди будут воспринимать меня совсем по-другому. В Германии, например, проблемы у либеральной партии, а в Венгрии этой партии больше нет, даже сравнить нельзя. Либеральная партия была в правительстве, а сейчас представительства в правительстве нет. Либеральная партия раньше была в правительственных коалициях, а сейчас мы даже не принимаем участия в выборах. Это ситуация, достойная Книги рекордов Гиннеса. Хочу предложить вашему вниманию свой анализ того, что произошло.

Большинство венгров всегда находят оправдание: то монгольское иго, то турецкая империя, Габсбурги, Советский Союз, которые никогда не давали возможности Венгрии свободно развиваться. Сейчас мы — свободная страна. Но почему мы приходим к такому плохому результату, действуя самостоятельно? Поэтому нам надо остановиться, перестать переклады-

вать вину на других и подумать, что не так у нас внутри. Люди спрашивают отом, что происходит в нашей стране, и говорят: «Мы брали вас за образец даже в советское время, а сейчас... нам вас жалко». После смерти Либеральной партии в Венгрии я не могу остановиться, все время думаю, что произошло, какие ошибки были у нас, что объективно, что субъективно. Популярность либерализма увеличивается, иногда падает, сейчас можно сказать, что в Венгрии — падает. В Венгрии при коммунизме был более высокий уровень жизни, уровень потребления, относительно больше свобод, ненамного больше, но больше, чем было в остальном советском блоке, были возможности путешествовать, был доступ к иностранной литературе, то есть в целом в Венгрии было лучше. Существовало только три табу: события 1956-го года, роль Коммунистической партии и роль Советского Союза. Были зачатки рыночной экономики, относительно успешная приватизация уже в 1987–1988 гг., начале 1990-х процесс приватизации закончился, и, как я сказал, в 1990-м году Венгрия была моделью, образцом для подражания. Сейчас это трудно представить.

А сейчас людей судят за то, что они выражают там свое мнение. Думаю, для вас ситуация понятна: государственные средства массовой информации транслируют только государственную пропаганду, все принадлежит правительству. В свое время было большое количество частных каналов, частных газет, но все оппозиционные СМИ были практически уничтожены, с использованием административного ресурса. Политика такая: государственные агентства поддерживаются, но если частная компания пытается разместить какую-то рекламу, то очень скоро из налоговых органов к ним приходят и начинают искать проблемы внутри таких СМИ. Поэтому рекламу трудно размещать в частных СМИ. Таким образом, они оттираются, уходят со сцены. Дополнительные налоги накладываются на те компании, которые полностью не выполняют их требования. Сейчас новый налог на все СМИ, но в основном бьет он по одной — по

телевизионной компания РТЛ. Государство хочет его выкупить, канал пытается сопротивляться. Вот сейчас появился новый налог, направленный конкретно против этого канала.

Некоторые называют все это посткоммунистической мафией. Почему? Потому что все пытаются обогатиться, заработать как можно больше. Я не любил коммунистов. Но когда коммунисты конфисковывали компании, все деньги шли не им в карман. Янош Кадар, друг Брежнева, был скромным человеком, мы не будем комментировать его роль в политическом отношении. Он не пытался обогатиться, а сейчас люди у власти делают все возможное, чтобы положить все себе в карман.

С одной стороны, люди приобретают популярность, с другой — обогащаются. Как им это удается? Если правительство, скажем, хочет внедрить меры экономии, то повышает налоги, признавая: нам нужно это для блага страны. Но в Венгрии делается не так. Дополнительные налоги накладываются только на крупные международные компании, включая банки, на иностранный капитал. Пропаганда говорит о том, что компании не хотят делиться, не хотят платить налоги. В результате население начинает выступать против этих компаний и поддерживать правительство. Далее, компании из-за высоких налогов теряют прибыль, снижается их капитализация. Через год-полтора государство выкупает такие компании по очень низкой цене. Это очень сложная ситуация.

Один из выводов, который могу предложить вашему вниманию, — все ценности, за которые выступают либералы и выступали в 1990-е годы (рыночная экономика, уважение прав меньшинств), тогда были очень популярные ценности, а сейчас это в Венгрии воспринимается как ругань. Но есть и объективные причины. Надо видеть, что этот переход, который начался так успешно в Венгрии и в соседних странах, был очень болезненным для большей части населения. Поэтому мнением этих людей легко манипулировать. Мы говорим, что нам нужно сильное гражданское общество, но при этом надо понимать,

что было сильное государство. Легко ослабить государство, а восстановить силу государства, которое бы поддерживало население, защищало население, — гораздо сложнее.

Да, у нас были, конечно, проблемы. И мы делали ошибки. Одна из ошибок: либералы должны заниматься не только экономикой, а гораздо более широкими вопросами. Мы, либералы, любим общаться один на один, делиться своими мыслями, идеями. Мы очень рациональны. Помню, в Страсбурге была конференция по экономическому кризису, и мой хороший друг и лидер Джон Дайс, (он там выступал) сказал, что удивительно, что люди реагируют рациональным образом на то, что печатается в прессе. Он говорит: почему? Люди обычно все эмоционально воспринимают. Люди — эмоциональные существа. А либералы стремятся действовать через умы людей. Это — вопрос о работе с населением, как вести его за собой. Зачастую мы гордимся тем, что мы никогда не вступаем в компромиссы по поводу наших ценностей. Мы говорим о ценностях, а в это время другие люди грабят страну. Поэтому мы должны поступать по-другому. Надо находить компромиссы между поддержанием своих ценностей и реальным управлением страной. Это сложный вопрос, но надо больше задумываться о том, как надлежащим образом управлять своей страной.

Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан — очень умный человек. Он — очень циничный человек. Может быть, умнее других, не будем говорить о его опыте, но отец его бил в детстве, и с тех времен, мне кажется, он наполнен реваншистскими настроениями. Когда он был премьер-министром, были санкции против Австрии, не знаю, хорошо это или плохо, но Орбан приостановил действие этих санкций. Я тогда спрашивал себя, зачем он это сделал. Тогда Венгрия хотела стать членом Евросоюза. Много лет спустя я спросил его советников, почему он решил это сделать, выступил с таким предложением. Ответ был такой: «Знаете ли, премьер-министр Венгрии чувствует, что канцлер Австрии как бы проникает, как

жидкость, под его ковер». У него было всегда ощущение, что Австрия проникает в Венгрию каким-то образом. Это — психологическая проблема. Орбан не ненавидит соседей. Может быть, он их не уважает, патриотизм — это конек, который он использует. Однажды он сказал: «Нация не может вступать в оппозицию», и тут он идентифицировал свою партию с нацией. Орбан понимает, что Европейский Союз строится на основе договоров. И когда Венгрию критикуют за то, что Венгрия действует по-другому, он говорит: «А Великобритания? Великобритания выступает против каких-то вещей в Евросоюзе, и блокирует какие-то решения».

Каковы выводы? Я был членом переговорной команды, когда мы вступали в ЕС. И мы обсуждали все вопросы, связанные с вступлением в ЕС. Нам тогда говорили, что мы получим большое количество преимуществ, в этом процессе участвовали различные партии. Но, к сожалению, голос либералов не был достаточным образом услышан.

Есть ли надежда? Это последнее, что я хочу сказать. Демократия — это процесс. И это — не рай. Я считаю, что проблема Венгрии в основном связана с людьми Венгрии, с населением. Это звучит не очень хорошо, конечно, но люди должны понять, что эта политика ведет в никуда. У нас нет диктатуры, лишь авторитарное государство. Нет серьезной оппозиции. Но вспомним время Брежнева. Казалось, что Брежнев — навсегда. Но сейчас эта система ушла в прошлое. Поэтому я не думаю, что существующая система Венгрии тоже продержится долго.

Ответы на вопросы.

Татьяна Ворожейкина: Вы упоминали Словакию, Польшу, там же были похожие тенденции. Но почему же все-таки Венгрия так отличается от всех других восточноевропейских стран? Одну причину Вы упомянули: трансформации были болезненны. Означает ли это, что в Венгрии это было очень бо-

лезненно? Я помню, что в 1990-е годы по статистике в Венгрии было самое высокое количество самоубийств.

Матиас Ёрши: Да, уровень самоубийств очень высокий в Венгрии, но я не связывал бы это с текущими проблемами. В Финляндии тоже много самоубийств, а в целом в стране все хорошо. Нет, это финно-угорская культура может объяснить это.

Но теперь о том, почему это случилось в Венгрии. Честный ответ могу дать: «Не знаю». Но порассуждаю на эту тему. У Венгрии была ситуация чуть-чуть получше. До начала переходного периода, во время переходного периода. В отличие от, скажем, литовцев, которым было так плохо, что они готовы были на все, лишь бы убраться из Советского Союза. А у венгров был высокий уровень жизни, они хотели хорошее поменять на лучшее. Конечно, это требует отдельных исследований.

Маркус Эм

Некоммерческие организации как институты гражданского общества

Я приглашаю Вас на короткую прогулку по маленькой части конституционного и гражданского права в Германии. Некоммерческие организации играют у нас в Германии очень большую роль. Мы обозначаем их словом «Verein» (объединение). Есть самые разные организации: кружки по интересам — пчеловодов, кролиководов, охотников. Есть спортклубы — любителей футбола, тенниса, игры в кегли, гимнастики. Есть гражданские инициативы в области политики, очень часто речь идет о защите окружающей среды. И, конечно, есть политические партии.

Я сегодня хочу сосредоточиться на кружках по интересам и спортклубах. Какое значение имеют некоммерческие организации, а именно кружки по интересам и спортклубы, для политики и для политиков? Возможно ли полностью отделить политику от некоммерческих организаций? Бросим взгляд на Конституцию Германии, которая называется Основной закон. Основной закон гарантирует свободу объединения. Но как это было раньше? Конституция 1848 г., которая считалась либеральной, не вступила в силу. Она потерпела неудачу с самого начала. Была принята Конституция в 1871 г., когда была создана Германская империя. Эта конституция не гарантировала свободу объединений. Конституция Веймарской республики 1919 г. гарантировала свободу объединений. Но возникает еще один вопрос: что же случилось между 1871 г. и 1919 г.? 1 января 1900 г. вступил в силу Гражданский кодекс, который до сих пор в силе. Гражданский кодекс содержит статьи, которые касаются некоммерческих организаций. Есть два вида таких некоммерческих организаций: правоспособные и неспособные. Разница следует из Гражданского кодекса. И разница колоссальная: она касается вопроса — кто несет ответственность за ущерб, за который отвечает организация? Хочу привести пример. Исходим

из того, что у организации есть свой дом. Там проводится мероприятие, гости приходят, входят в этот дом, люстра падает на голову гостя. Он получает травму, и компьютер, который был у него в руке, ломается. Кто должен платить за возмещение ущерба? Организация, председатель организации, может быть, все члены этой организации? В случае, если организация правоспособная, ответственность ограничивается имуществом самой организации. Ни один член организации не отвечает личными средствами за возмещение ущерба. В случае, если организация неправопоспособная, то по Гражданскому кодексу каждый член организации отвечает полностью и личными средствами за возмещение ущерба.

Возникает вопрос, как получить правоспособность? Как получить эту привилегию? Нужно обратиться к государственной структуре и зарегистрироваться. А именно: сообщить о том, какие лица учредили организацию и для каких целей они это сделали. Вывод ясен: государство в 1900 году боялось некоммерческих организаций. Они были подозрительными, поскольку организации действовали свободно, вне государственных структур.

Сегодня ситуация в Германии иная. Некоммерческие организации очень популярны и имеют авторитет. Они играют большую роль в жизни общества, и в рамках организаций происходят встречи людей, там они обмениваются мнениями.

Вернемся к начальному вопросу. В чем заключается значение некоммерческих организаций для политики и политиков? Во-первых, там встречаются люди и формируется общественное мнение. Поэтому политики посещают собрания и мероприятия организации, чтобы там показаться. Политики пытаются наладить контакт с самыми разными организациями. Партии ищут там кандидатов, в основном, для местных выборов. Почему? Возьмем председателя организации, у которой есть много членов. Эти члены все голосовали за этого председателя, он популярен. Если партии удастся выдвинуть этого человека кан-

дидатом, то партия исходит из того, что члены этой организации пойдут на выборы, чтобы проголосовать за председателя. Вывод ясен. Активность в некоммерческой структуре может таким путем привести к участию в политических органах, и государство не может это контролировать. Очень часто в Германии именно так и происходит. До того, как я переехал в Россию, я сам пять лет был членом городского совета и могу сказать, что это действительно так. Партии очень охотно ищут кандидатов для местных выборов в некоммерческих организациях. В некоммерческих организациях рождаются или могут родиться новые кандидаты, политическая конкуренция без вмешательства государства. Некоммерческие организации являются институтами свободы потому, что государству очень трудно их контролировать.

Ответы на вопросы

Белинский Андрей: Как партия ХСС взаимодействует с гражданскими организациями?

Маркус Эм: В каких организациях партия ХСС ищет кандидатов и поддержку? Ответ очень легкий: в организациях, которые связаны с Церковью, а именно с Католической церковью, в меньшей степени — с Лютеранской. Это люди, которые ходят на службу, охотно ходят и на выборы. В моем городе дело обстоит именно таким образом. Что касается спортивных организаций, кружков по интересам, надо добавить, что партия ХСС считает себя «народной партией». Поэтому можно сказать, что партия ХСС ищет кандидатов во всех организациях. Но есть маленькое исключение. Это — профсоюзы и организации, которые поддерживают благосостояние рабочих. Это классический электорат социал-демократической партии. Поэтому лучше не тратить время, не ходить туда, лучше посетить другие мероприятия, где есть шансы, что люди за тебя проголосуют. Несмотря на это, ра-

бочие очень охотно голосуют за ХСС. Опросы и статистика это показывают.

Есть еще один вид организаций, которые работают в области защиты окружающей среды. Это, прежде всего, электорат «зеленых». Поэтому ХСС в меньшей степени ищет там кандидатов. Но поскольку партия считает себя народной, поэтому ищет поддержку в самых разных организациях и работает с разными организациями.

Борис Вишневский

Российский политический режим: к либерализму и обратно

Я постарался обозначить свою тему как «К либерализму и обратно». К моему большому сожалению, «к» продолжалось этот год три-четыре, а «обратно» — 20 с лишним лет. Правда, я надеюсь, что теперь процесс все-таки остановится. Но при этом в российском общественном мнении, и даже во многом в российской политической науке существует представление, что какие-то либералы находились в России у власти, проводилась какая-то либеральная политика, какие-то либеральные реформы, и именно эти, мягко говоря, неудачные, с точки зрения последствий для уровня жизни граждан, реформы и привели к тому, что слово «либерализм» постепенно стало одним из ругательных, правда, наряду со словом «демократия».

Пункт первый: это — миф. Никогда никаких либералов в постсоветской России у власти не было. Более того, даже в экономической области я до сих пор слышу такие термины как «представители либерального экономического блока правительства». Правда, даже в области экономики, я лично полагаю, что те люди, которые считались либералами, ими не были никогда. Политика, которую они проводили, либеральной быть названа просто не может. Но я буду больше говорить о политическом либерализме, нежели об экономическом, и хочу сказать, что период политической либерализации нашего общества, на мой взгляд, занял четыре года — с 1989 по 1993 г. Именно в этот период был ослаблен административный контроль за СМИ. Именно в этот период были введены конкурентные выборы. Именно в этот период была введена многопартийная система, произошел отказ на официальном уровне от политической монополии с отменой 36-й статьи Конституции. Именно в этот период были созданы механизмы разделения властей. А дальше последовала всем хорошо известная осень 1993 г., об оценках

которой мы с моим учителем Виктором Леонидовичем Шейнисом спорим уже 20 лет. К общему знаменателю прийти так и не можем, хотя, как мне кажется, некоторые оценки постепенно сближаются. Может быть, лет через 20, если мы оба доживем, на что я надеюсь, они вообще совпадут.

Что, собственно, тогда произошло и почему российский политический либерализм как государственная политика, на мой взгляд, был закрыт, и началось движение в обратном направлении? Ответ очень прост.

Была поставлена политическая задача: люди, которые проводят экономические реформы, по недоразумению названные либеральными, должны оставаться у власти независимо от общественных предпочтений. То есть, каковы бы не были политические предпочтения населения, экономические реформы должны продолжаться, и те, кто их проводит, должны быть несменяемы. Иначе ужас, кошмар, кровь, возвращение в коммунизм, к пустым полкам и ко всем прочим прелестям.

Именно это стремление к сохранению власти независимо от общественной поддержки привело к политической реформе 1993 г., к принятию Конституции, которую я лично с самого начала считал авторитарной и самодержавной. Правда, не все, даже в партии ЯБЛОКО, тогда разделяли мою точку зрения.

Именно с этого с формирования практически всех необходимых основ для политического авторитаризма — началось сокращение пространства политических прав и свобод в России. Что мы наблюдали вплоть до 1999 г.? Ужесточение контроля за СМИ, ограничение механизмов политической конкуренции. Именно в 1993 г. был введен пресловутый механизм сбора подписей для участия в выборах, который с самого начала использовался только для отсекаания неугодных кандидатов. И мы наблюдали очень серьезное смещение границы разделения властей в сторону власти исполнительной. Я очень хорошо помню, как в течение 1992-го и особенно 1993 г. был такой тезис, что парламент мешает правительству проводить реформы. После

1993 г. наш парламент нашему правительству ни в чем уже не мешает. Мне бы хотелось понять, какие реформы после этого были проведены и что собственно полезного они дали. К сожалению, с точки зрения уровня жизни граждан и с точки зрения защиты политических прав и свобод результаты оказываются, на мой взгляд, сугубо отрицательными.

После 1993 г. и до осени 1999 г. (это следующая переломная точка), на мой взгляд, имел место только один шаг, который как-то может быть отнесен к политическому либерализму. Это переход к выборности глав регионов. Кстати, это довольно серьезно изменило обстановку в регионах. Во многих местах действительно произошла смена власти, без которой ответственности власти перед обществом быть не может. Но куда больше было антилиберальных шагов. Довольно серьезно усовершенствовались механизмы несменяемости власти. Избирательная система начала превращаться в инструмент воспроизводства власти, а не в инструмент ответственности власти перед обществом и инструмент, который позволяет гражданам неугодную власть сменить. Стало резко усложняться избирательное законодательство. И еще тогда были заложены основы для того, чтобы максимально ограничить эти права.

У нас как-то забыли о 8-й статье Конституции. 31-ю статью выходили защищать, 18-ю почему-то никто защищать не ходил, хотя там написано, что права и свободы гражданина и человека являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, и деятельность всех органов власти Российской Федерации. Я думаю, что я почти дословно цитирую, но я не вижу, чтобы эта статья у нас как-то реализовывалась в повседневной практике. Было резко ужесточено законодательство о митингах и собраниях, опять с той же самой целью: вместо реализации прав и свобод граждан целью законодательства стало создание максимум препятствий в их реализации. Самые последние изменения в этой области уже начинают приравнивать участников протестных

акций к террористам. Введен принцип перехода административного наказания в уголовное за систематические (более двух раз) задержания на протестных акциях. Ничего подобного нет в законодательстве ни одной демократической страны. Резко ограничены возможности неправительственных организаций, ужесточен контроль за деятельностью политических партий. Кстати, то, что было сделано некоторое время назад, когда партии было разрешено формировать из 500 человек, никого обманывать не должно. Это переход не к многопартийности, а к мелкопартийности и создание условий для возникновения очень большого числа партий-спойлеров, единственная цель которых состоит в том, чтобы воспрепятствовать настоящим партиям во время выборов. В 2004 году были отменены выборы глав регионов почти на десять лет, возвратились они в карикатурной форме с муниципальным фильтром, единственной целью которого опять же было воспрепятствование реализации прав граждан на участие в формировании органов власти. Ибо в той ситуации, которая имеется практически по всей стране, никто, кроме «Единой России» в губернаторских выборах участвовать не может. А поскольку муниципальные выборы проводятся по тем же лекалам, то и дальше не сможет, если этот фильтр останется. Плюс антиэкстремистское законодательство, плюс жесткий контроль за СМИ.

Что делать в этой ситуации? Только одно: спокойно и последовательно, несмотря на массовое помешательство, охватившее немалую часть населения, стараться объяснять людям, что происходит. Тут много спорили о санкциях, но мне стало очень легко объяснять моим избирателям, почему городская власть отказывается выделять деньги на их нужды. Все ушло на Крым. Уверяю Вас, как только человек оказывается в ситуации, что он лично чего-то не может получить из-за того, что мы якобы возвратили себе Крым, который нам никогда не принадлежал, я имею в виду наше государство, которое называется Российская Федерация, он совершенно иначе начинает относиться к

этой истории. То есть он прекрасно относился до тех пор, пока он лично ничего не потерял. А вот как только он лично что-то потерял, уверяю Вас, отношение тут же меняется, как и отношение к либерализму.

И последнее. На что я точно надеюсь, так это — на гражданское общество. Оно реально существует, оно возникает в очень многих точках, везде, где власть конкретно наступает на интересы граждан, граждане объединяются для самозащиты. Уверяю Вас, перспектива появления во дворе автостоянки или бизнес-центра вместо детской площадки в пять минут превращает человека в гражданина. И он уже готов выходить на улицу, он готов организовывать митинги, он готов сам рыться в законах, он готов защищать свои права. И именно снизу, из протестных явлений, там, где власть наступает на права граждан, зарождается будущее у нас в стране, гражданское общество, из которого обязательно выйдут, в том числе, и политические лидеры. Единственное, что, на мой взгляд, нужно — отказаться от президентской формы правления. Пока она у нас будет, мы будем жить при авторитарном политическом режиме. Это моя последовательная точка зрения, которую я высказываю уже 20 лет. Лет десять назад меня за эту точку зрения обычно именовали полусумасшедшим, но сейчас стали относиться несколько мягче. Спасибо большое!

Ответы на вопросы:

Ольга Малинова: Образ либералов у власти сформирован оппонентами?

Борис Вишневский: Да нет, Ольга, он самой властью сформирован. Именно власть, которая, начиная с 1992 г., начала ставить под свой контроль основные СМИ (вспомните, был такой ФИЦ — Федеральный информационный центр), долго и последовательно нам рассказывала, что то, что она делает, и есть либеральные экономические реформы. Более того, была сфор-

мирована целая бригада из ведущих экономических и политических журналистов, которые нам тоже это последовательно объясняли. Очень многие из них до сих пор присутствуют у нас в информационном пространстве и по недоразумению, как, например, Юлия Латынина, считаются либералами, хотя, на мой взгляд, ее взгляды — не либерализм, а социальное людоедство. Это моя субъективная точка зрения. Именно таким путем было сформировано представление о том, что то, что делается властью, и есть либеральные реформы. Никогда никаких попыток опровергнуть это не происходило.

Теперь о ЯБЛОКЕ. У нас как было в 1990-е годы? Если ты не считаешь, что государство должно одномоментно отказаться от всех своих социальных обязательств, то ты уже социал-демократ, а то и социалист, а то и коммунист. Все, в общем, зависит от точки зрения. Если Чубайс и Гайдар — либералы, то, конечно, мы — социал-демократы. Но только суть проблемы заключается в том, что они — не либералы, а мы не социал-демократы. Мы всегда называли себя социально-либеральной партией. Еще в 1997 г. в документах Либерального Интернационала были записаны ценности как свободы, так и справедливости. Это и равенство возможностей, и социальные гарантии, и все прочее, что никоим образом не противоречит либерализму в современном понимании. Просто у нас за либерализм почему-то выдавалась модель XIX века, которой в чистом виде в Европе не существует. Но, к сожалению, мы всегда были отрезаны от основных СМИ, поскольку в них доминировали те, кто обслуживал правящую группировку, именовавшую себя либеральной. Именно поэтому обществу последовательно навязывалось мнение о том, что мы — это социал-демократы, что мы если не красные, то уж точно розовые и т.д., и т.п. Кстати, я бы хотел сделать одно замечание, которое, правда, вызовет споры. Тут вся дискуссия идет так, что консерватизм — некая антитеза либерализму. С моей точки зрения, это абсолютно не так. Не является идеология консерватизма противопоставлением иде-

ологии либерализма. Тот, кто против либерализма, тот — против свободы. Антитезой либерализма является идеология тоталитаризма, а вовсе не консервативная идеология. Кстати, эта идеология потихонечку у нас превращается в государственную.

И последнее. Является ли политика Путина продолжением политики Ельцина? Конечно, является. Я, собственно, в течение всего своего доклада об этом говорил. Покажите мне что-то, что нас не устраивает в нашей сегодняшней политической жизни, что не началось еще при Борисе Николаевиче в том или ином виде. Просто это тогда не было остановлено, к сожалению. И более того, тогда были люди, в том числе и с демократическими взглядами, которые все это поддерживали, исходя из благих намерений. Они считали, что нужно все это поддерживать, чтобы не вернулись коммунисты, чтобы не было реванша. Осенью 1991 г. очень широко обсуждался вопрос о люстрациях. И вот на съезде «Демократической России» было очень много разговоров, что нельзя устраивать «охоту на ведьм». Ваш почтенный слуга вышел и сказал: «Дождетесь! Ведьмы выйдут на охоту». Именно это, на мой взгляд, и произошло.

3. Современные международные конфликты и либеральные ценности

Райнер Штиннер

Внешняя политика Германии в период нестабильности: вызовы и возможности

Фрэнсис Фукуяма опубликовал книгу, «Конец истории», на которую ссылаются многие философы и политологи. Основной тезис этой книги заключается в следующем. Правовая система наконец-то сформировалась, и сейчас мы будем жить вечно в этом прекрасном мире, согласно правильным ценностям, стабильности, будем защищать права человека и демократию. Считалось, что именно это — правильная, оптимальная система, так и будет продолжаться дальше. Но история подтвердила, что этот тезис был неверным, возможно — слишком наивным. Мы все думали, что все хотят жить так хорошо.

Я очень часто общаюсь с либералами в Германии, по всей Европе, в других странах, в том числе и в Москве, и замечаю следующее: может быть, мы выдаем желаемое за действительное и слышим только то, что хотим услышать? Для того чтобы продемонстрировать свой тезис, приведу пример Египта. В Египте был Хосни Мубарак, и мы с ним спокойно уживались, потому что он был гарантом стабильности в регионе. Это был диктаторский режим. Мы знали, что он не был демократическим лидером, но, тем не менее, мы как-то мирились с этим. Затем наступила «арабская весна». Я сразу поехал в Каир, затем в Тунис. Я ездил туда несколько раз, и вот что мы услышали: «Прекрасно, что вы, западные люди, приезжаете сюда, в Египет. Но даже либералы в Египте, в Тунисе говорили нам: «Пожалуйста, помните, что, в конечном счете, мы не хотим жить так, как живете вы, там на Западе». В Египте были проведены свободные демократические выборы, и они демократическим

образом выбрали лидера братьев-мусульман, и показали, что они не хотят жить, как мы. Но прошел год, и Мурси свергли при поддержке западных сил, потому что он не хотел делать то, что мы хотим. А что сейчас в Египте? То же самое, что и было, даже хуже, чем при Мубараке. У нас есть новый президент, который является автократом, диктатором, не демократом. Те же самые люди сидят в тюрьмах, которые сидели десятилетиями при Мубараке. Так что в Египте нет никакого прогресса.

Люди нам часто говорят: «Мы не хотим жить, как вы». Они не разделяют наши ценности, а мы почему-то не слушаем. Я присутствовал на презентации в Москве книги бывшего министра иностранных дел Геншера, которая была опубликована в русском переводе, в Высшей школе экономики. Либералы говорили: «Сейчас у нас тяжелые времена. Но все равно есть надежда, что в конце мы победим. В конце концов, все будут жить по либеральным ценностям». Я сильно сомневаюсь в этом. И если нам не удалось справиться с этой ситуацией на сегодняшний день, надо признать, что не все хотят разделять наши ценности и многие хотят жить по-другому. Конечно, никто не хочет жить в бедности, в нищете, но вряд ли все разделяют наши ценности демократии, равенство полов, в том числе — свободу выбора сексуальной ориентации. И вряд ли все будут разделять наши ценности даже через 10–20 лет.

Так что же мы должны делать в эти тяжелые времена? Во-первых, мы должны признать ситуацию в том виде, в каком она сложилась на сегодняшний момент. Даже в Германии и других европейских странах, в западном мире, мы часто слышим то, что мы хотим слышать. Я находился в контакте со многими экспертами в Египте и спросил, какими могут быть результаты выборов. Они сказали: будет 25–30% за братьев-мусульман, 25–35% за демократов, консерваторов и либералов, остальные будут за некие отдельные группировки. А в результате получилась совершенно иная картина. Все это из-за того, что очень часто мы общаемся с теми людьми, которых мы знаем. И не имеем возможности

поговорить с другой половиной, с людьми, которые стоят по другую сторону баррикад.

Поэтому нужно сейчас признать положение, в котором мы оказались, а что касается Германии, то мы должны определить не только собственное место в Европе, но и в мире. Мы хорошо знаем уроки истории, мы знаем, какой груз на нас висит. Но в 2014 г. мы — средняя по размерам страна и по влиянию в мире, которая должна справляться со всеми проблемами мира. Долгие годы нас критиковали, в том числе друзья из других стран. Нам говорили, что Германия концентрируется слишком много на экономике, заводит бизнес-связи по всему миру, но никак не реагирует на политические проблемы. Сейчас в Германии ведутся дебаты о будущем страны в мире. Министр иностранных дел выступал на Мюнхенской конференции по безопасности. Там говорили, что в будущем Германия должна играть большую роль в международной политике. В Германии многие критикуют эти заявления, намекая на то, что президент и министр иностранных дел на самом деле имели в виду военное вмешательство, использование Бундесвера в военных операциях НАТО. Но на самом деле военная операция — это самое последнее, на что можно согласиться. Все-таки на мировую политику нужно влиять дипломатическими средствами.

Все мы понимаем, что извлекли выгоду из создания Европейского Союза и, конечно, Германия должна оставаться в ЕС. Наше поколение считает, что Европа для нас — это мир, свобода и экономическое процветание. С этим ассоциируется у нас Европа. Если бы мне сегодня было 28 лет, то в принципе есть неплохие перспективы, но молодежь говорит: что-то еще должно быть, какая-то еще изюминка в Европе, которая должна привлекать. Представьте 2050-й или 2040-й год. У нас будет многополярный мир, я подписываюсь под этим. Вряд ли только Китай и США будут двумя супердержавами. Нет, такого не будет. Будет несколько центров развития — пять-шесть. И мы в Германии считаем, что к 2050 году ни одна европейская стра-

на ни (Бельгия, ни Испания, ни Португалия, ни Германия, ни Франция) не смогут сидеть за столом переговоров и поддаваться влиянию каких-то других больших стран. Европа должна объединиться, и тогда уже не будет отдельной Германии или Бельгии, а будет единая Европа. Несмотря на все проблемы в ЕС, а их много, мы признаем: именно к этому мы стремимся. Именно поэтому Европейский Союз — такой важный проект.

Я три срока провел в парламенте, в том числе работал и в парламентской ассамблее НАТО. Представители стран, которые входят в НАТО, встречаются, обсуждают внешнюю политику, безопасность. Нас, немцев, критиковали США и Великобритания за наше отношение к России. Они говорят: вот вы влюбились в Россию, вы пьете, вы танцуете, как они, вы такие же эмоциональные, как русские, мы вам не доверяем. Может, вы как-то слишком сблизились с ними, не предадите ли вы нас? Они с юмором говорили, а иногда очень серьезно намекали на это. И я, и мои коллеги всегда говорили: нет, у нас нет никакой любви с Россией. Мы знаем, что там происходит. Мы приезжали в Москву несколько раз, и мы здесь присутствовали на суде против Ходорковского. Я присутствовал на суде в течение четырех часов, когда происходило самое интересное, и наша бывшая министр юстиции приезжала пять-шесть раз. Она следила за судом и обо всем рассказывала. Итак, мы заявили нашим западным друзьям: мы знаем, какова тенденция в российской политике, какой вектор. Но чего мы не хотим — того, к чему, мне кажется, всегда стремились англичане и американцы. Мы не хотим в геополитической борьбе на место Советского Союза поставить Россию. Мы считаем, что Россия — европейская страна, часть Европы. Поэтому в наших интересах вовлечь Россию в наши европейские дела, в наш общий политический проект, сблизиться с Россией. Это в наших интересах. Конечно, мы знаем о векторе развития российской политики, но все-таки считаем, что нужно сближаться с Россией. Что касается партнерства во имя модернизации России и Германии, то с

самого начала было большое недопонимание, потому что всем было понятно: российская сторона считала, что партнерство в модернизации означает, что вы, немцы, нам сейчас продадите новые технологии, а мы вам денежки выдадим, и — все. Нам нужно машиностроение, а вы любите деньги. Но мы всегда подчеркивали, что модернизация подразумевает нечто другое. Давайте обмениваться технологией, товарами, но все-таки модернизация подразумевает, что должно обновляться общество, должна быть трансформация, какая-то эволюция системы ценностей, должно совершенствоваться право, демократия. Это — европейское понимание модернизации.

Мне не понравился термин, который использовался: «Стратегическое партнерство». Мне не очень нравится термин «стратегическое». Я часто разрабатывал стратегию для различных корпораций, и я не люблю, когда политики используют слова «стратегический» или «стратегия», потому что часто они вообще не понимают, что значит «стратегия». И мне кажется, что этот термин был неправильным, потому что «стратегическое партнерство» возможно только со страной, которая разделяет ваши ценности, а не только меры и средства. И за последние восемь лет стало понятно, что есть ценности российской элиты, правителей, и ценности наших правителей — России и Германии — четко различаются. Конечно, для России было важно упоминание «стратегического партнерства». Я знаю, что наш министр иностранных дел Вестервелле приехал в Москву в 2009 г., и на переговорах его спросили: «Господин Вестервелле, как Вы считаете, у нас с Германией — стратегическое партнерство?». То есть, Россия считает, что это нечто большее, чем простое партнерство.

Каково же положение на данный момент? Наши друзья в Америке, Великобритании, которые нас всегда критиковали, говорят: немцы, смотрите, мы вам говорили, вы были наивны, вам ничего не удалось. Вы пытались как-то сблизиться с русскими, но ничего не получилось. Но это их точка зрения. Я считаю, что для будуще-

го необходимо открыть двери для взаимодействия с Россией. Даже при том, что мы критикуем, мы очень открыты к России. Именно к этому я и призываю Германию.

Мне важно знать российскую точку зрения по теме санкций. Есть сомнения, насколько эффективны санкции. В настоящее время санкции объединяют Россию и консолидируют всех вокруг Путина. И нужно признать, что санкции, введенные ЕС, были сделаны нехотя. Франция по-прежнему думает — продавать ли вам «Мистрали». Они думают: может быть, один продадим, а второй — нет. А вот немцы продают немецкую инфраструктуру «Роснефти» и другим компаниям, а итальянцы заключают крупные контракты по энергоносителям. Мне кажется, что европейцы не хотели этих санкций. И вряд ли есть серьезные намерения продолжать этот санкционный режим.

Ответы на вопросы

Олле Шмидт: Как вы в Германии могли одобрить проект «Северный поток»? Он дал больше власти тем людям, которые всеми силами создают зависимость Европы от органического топлива. Мы больше зависим от газа, и это закрывает возможности для соседних стран. Даже бывший канцлер — все еще председатель «Северного потока». Меня так же волнует и вопрос экологии, ущерб Балтийскому морю.

Райнер Штиннер: К сожалению, мы не были в правительстве, когда был утвержден проект «Северный поток». Мы были в правительстве с 2009 по 2013 г. А проект «Северный поток» был реализован до того. Он строился в тот период, но решение было принято раньше Герхардом Шредером. И Шредер стал председателем этой компании после ухода в отставку. Он ушел в отставку в 2005 г. и стал председателем «Северного потока». Решение утвердить поток — это эгоистичное решение, призванное обеспечить непрерывный поток энергоносителей в Германию, стабильность поставки. Тогда это решение обосновывалось так. Конечно, были обсуждения с Польшей. Польское

правительство выступало резко против. Поэтому Польше предложили кое-что — отвод в Польшу. Почему-то Польша отказалась, а могла получать газ. Но в Прибалтике тоже высказывалась острая озабоченность по поводу экологических аспектов строительства этого газопровода. Не знаю, была ли экологическая угроза или нет, но этот проект был принят по чисто экономическим соображениям Германии. Они не задумывались при этом об интересах других стран.

Йохан Экман

Склоняется ли мир к силовой политике. Взгляд из Финляндии

Я буду говорить о взгляде из небольшой европейской страны.

Мне кажется, ЯБЛОКО еще с 1990-х годов последовательно отстаивало демократические ценности и не отказывалось от них. Это не всегда просто, и поэтому достойно уважения. Кроме того, я рад посетить Москву. Мои родители, даже моя бабушка, прабабушка — из России. Они через Финляндию приехали в Швецию. Мои дальние-дальние родственники работали банкирами здесь, в России.

Итак, проблемы международной политики, как я их вижу. Геополитика стала, пожалуй, ключевым компонентом внешней политики и сейчас активно обсуждается на всех встречах. Безусловно, один из важных факторов — это война в Украине. Но мы видим, что мир, многие страны, стремятся к реализации либеральных ценностей. Финляндия, например, тоже должна стремиться к тому, чтобы развивать рыночную экономику. Мне кажется, что мы делаем недостаточно. Почему? Здесь несколько причин. Необходимо посмотреть на политическую историю Финляндии и, особенно, на взаимоотношения с Россией. Мы всегда следим за тем, что находится в политическом авангарде в России. Это было и в царские времена, и после революции, в советские времена, и даже после распада СССР. Мы всегда были заинтересованы в событиях в России, потому что, конечно, на нас оказывают значительное влияние те политические события, которые происходят, в том числе на внутреннюю политику и на внешнюю политику. Может быть, иногда даже с отрицательным результатом для нас.

Мы долгое время зависели от России, и если мы посмотрим в историю, то мы — небольшая страна, поэтому мы всегда старались аккуратно дистанцироваться. Мы считаем, что мы должны придерживаться прагматической точки зрения. В Германии подобную позицию называли финляндизацией. Какая-то

ть еще по-прежнему лежит на политике Финляндии, остался некий отпечаток. Этот скандинавский прагматизм — я читал мемуары президента Юхо Кусти Паасикиви¹⁹. Линия внешней политики как раз основывалась на позиции этого президента. Вот что он писал в 1940 году в письме другому финскому политику: «Небольшое государство вовлекается в большой конфликт, в международные события, на которые мы не можем повлиять, и сами небольшие государства должны пытаться избегать таких событий. Самая большая опасность — это то, что мы можем быть уничтожены в борьбе между крупными державами». Эта позиция служила вдохновением для всей внешней политики Финляндии. Он потом общался со Сталиным, проводил переговоры. Это было непросто, и данная тенденция продолжалась. Я считаю, что по-прежнему существует вот это понимание некоей травмы, еще с того времени. И очень часто эта тема эксплуатируется многими политиками. В целом необходимо учитывать уроки истории, но не нужно быть заложником истории.

Финны, как мне кажется, слишком часто заикливаются на истории. Конечно, внешняя политика проводится не в вакууме и зависит от контекста и от каких-то геополитических особенностей. У нас есть национальные интересы, но при этом все-таки необходимо распространять либеральные ценности, демократию. Национальные интересы и либеральные ценности должны сближаться.

Что говорят наши политики в отношении санкций: мы тоже должны ввести санкции. Потому что у нас есть обязательства, наша страна — член ЕС. Но, с другой стороны, нам нужны хорошие двусторонние отношения с Россией. Тогда я задаюсь вопросом: так что же это за обязательства со стороны ЕС? Это — права человека, уважение международного права, верховенства права. Я не думаю, что это — жесткие, ужасные обязательства, которые должны считаться некоей тяжелой ношей. Если мы не будем считать распространение этих ценностей само собой

¹⁹ Президент Финляндии с 1946 по 1956 г.

разумеющейся задачей для нашей внешней политики, то постоянно будем пешкой в международной политике. И тогда мы становимся жертвой. Этого мы хотим избежать.

Как изменилась ситуация? Финские граждане обеспокоены событиями в России, тем, что на Украине ведутся боевые действия. Кроме того, Россия заявляет о том, что она должна защищать свои интересы за пределами своих границ. Финские граждане обеспокоены этим. Мне кажется, есть преувеличение угрозы, тем не менее люди озабочены. То, как интерпретируется международное право по ситуации в Украине, вызывает беспокойство финских граждан. Но когда мы критикуем действия России на Украине, мы должны помнить, что многие из нас не критиковали действия США, скажем, в Ираке. Сейчас это используют в пропагандистских целях против них. Говорят так: ваши страны нарушали международное право, когда они посылали войска в Ирак. В международном праве нельзя выбирать, что использовать, что — нет. И это важный урок. Надо о нем помнить.

События в России еще раз подчеркнули другую проблему. Недавно у нас была дискуссия о расширении сети атомных электростанций в Финляндии. Правительство предложило закон, но при этом и в правительстве были разногласия по этому вопросу. Большинство выступает за развитие атомной энергетики, чтобы разрешать строительство новых атомных станций. АЭС строит «Росатом». Технология российская, но владельцы этой станции, конечно, финские. В ходе этой дискуссии также поднимались вопросы безопасности. У каждого может быть свое мнение насчет того, хорошо это или плохо, что мы строим эту электростанцию, но при этом нельзя подвергать сомнению тот факт, что это оказывает влияние на общие вопросы безопасности Финляндии. И многие говорили, что не надо поднимать эти вопросы, озвучивать опасения. Вот такие дискуссии разворачиваются в Финляндии, когда происходят подобные события.

В заключение хочу вырпазить надежду, что в мире будет изменение. Больше внимания будет уделяться правам челове-

ка, меньше — геополитике. Чем должна заниматься международная политика? Решать реально насущные вопросы. Скажем, вопрос изменения климата. Бедность сейчас на ужасающем уровне. Что можно сделать в этих областях? Это — основные вопросы, которыми должны заниматься мировые лидеры. А геополитика, политика с позиции силы отвлекают внимание от наиболее важных вопросов. Это — наша общая ответственность перед людьми. Все лидеры должны заниматься именно этим, поставить эти вопросы в повестку дня: устойчивые демократии, поддержка развития верховенства закона, прав человека. И мы должны этим заниматься вместе как либералы.

Антон Антонов-Овсеенко

Насколько современны международные конфликты?

Когда мы говорим о современных конфликтах, то находимся в убеждении, что происходящее сегодня кардинально отличается от того, что происходило ранее — хотя бы по признаку хронологической разницы. Обычно к этому присовокупляют еще и разницу в экономической ситуации, геополитической обстановки в целом и т.д. Так ли это? Действительно ли современные конфликты так уж отличаются от того, что когда-то человечество уже пережило?

Думается, что это не так. Современные конфликты совершенно не современны хотя бы уже потому, что каждый из конфликтов, больших (таких, как мировые войны) и малых, всегда(!) является прямым, непосредственным продолжением предыдущего. Здесь будет уместен пример с мировыми войнами: думается, ни у кого не вызывает сомнений, что Вторая мировая война стала прямым продолжением Первой. Причинно-следственные связи представляются очевидными.

При всех известных специфических особенностях политической обстановки в Германии накануне Второй мировой войны нельзя не отметить, что призыв нацистов «поднять Германию с колен» нашел вполне ожидаемый отклик в народе. Тяжелое экономическое положение, в котором находилась Германия после Первой мировой войны, было вызвано не только механическими и демографическими потерями от войны, но и громадными репарациями, наложенными на Германию странами-победительницами. Поэтому призыв нацистов и нашел горячий отклик в оголодавшей рабочей массе. Задумывались ли страны-победительницы о возможности наступления таких последствий политики репараций — другой вопрос, который наверняка уже рассматривался добросовестными исследователями. Нам важен тезис о том,

что Вторая мировая война, так или иначе, стала следствием Первой.

Попробуем также выявить общее и отличия между тем, как складывалась международная обстановка в канун Первой мировой войны, и тем, как складывается геополитическая ситуация в Европе сегодня.

Газета «Русское слово» в номере от 28 июня (11 июля) 1914 г., в заметке под заголовком «Как Австралия побивает нас в Англии», сообщала: «Мы указывали недавно на грандиозный триумф, который праздновала Канада по поводу вытеснения русского импорта пшеницы в Англию импортом из Канады. Такой же триумф празднует теперь другая английская колония — Австралия... Несмотря на блестящие урожаи России в 1912 и 1913 гг., австрийский импорт пшеницы в Англию был в 1913 году, если принять во внимание импорт муки и импорт из Новой Зеландии, по крайней мере в два раза больше импорта из России»²⁰.

Происходившее тогда с поставками пшеницы напоминает нынешние рассуждения о стоимости нефти и газа и поставках этих энергоносителей из России. Все дело в том, что в начале прошлого века именно пшеница была для России той «нефтью», на экспорте которой за рубеж премьер Витте выстраивал финансовое могущество империи.

Что касается демографических показателей стран, ставших врагами в Первой мировой войне, то исторические данные в ряде случаев оказываются удивительными и одновременно трагическими. Следующие данные мы приводим из статистического сборника «Россия в цифрах» Н.А. Рубакина.

²⁰ Как Австралия побивает нас в Англии Русское слово. 1914. 28.06(11.07).

Рис. 1. Обложка статистического сборника Н.А.Рубакина «Россия в цифрах» выпуска 1912 г.

Так, из 163 778 800 жителей Российской империи обоего пола, по данным сборника, на 1910-й год граждане немецкой национальности составляли внушительное количество в 1,6% от общего объема населения — то есть более 2,6 млн. чел²¹. И это, безусловно, трагическое отличие дня текущего от того, какой была демографическая ситуация в России сто лет назад.

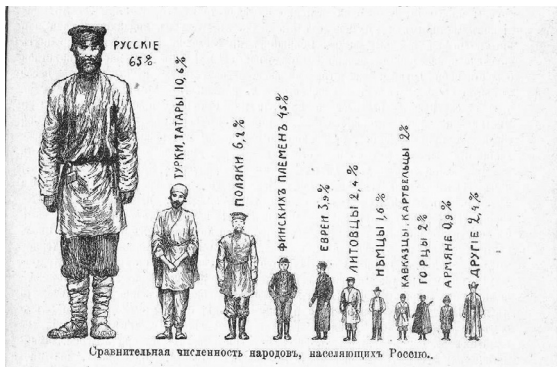

Рис. 2. Сравнительная численность народов, населявших Россию

²¹ Рубакин Н.А. Россия в цифрах. СПб.: Изд-во «Вестник знания», 1912. С. 27, 35.

А вот что наверняка покажется общим. Тогда, как во многом и сейчас, поток эмигрантов из России пополнялся не только теми, кто выезжал отсюда по политическим мотивам, но и теми, кто не мог найти работу у себя в стране и уехал искать ее в Европу, в частности, в Германию (даже невзирая на рост напряженности в отношениях между этими двумя странами). В газете «Утро России» в информации под заголовком «Наплыв русских рабочих» публиковалось перепечатанное из германской «Lokal Anzeiger» сообщение о том, что «в последние месяцы наблюдалось небывалое до сих пор предложение русских рабочих рук, не нашедших применения в сельском хозяйстве. Многие возвращаются на родину; однако большое число рабочих пытается устроиться на фабриках и заводах западной Германии»²².

Что касается финансовых долгов, то Россия накануне войны занимала первое место в мире (!) по сумме средств, которые она выплачивала собственникам ценных бумаг — 379,5 млн. руб. ежегодно²³. Для сравнения: у США, например, сумма государственного долга в 53 млн. руб. была поистине смехотворной в сравнении с долгами России. И это следует отнести к осязаемому отличию: Россия за последнее десятилетие резко сократила свои финансовые долги в мире.

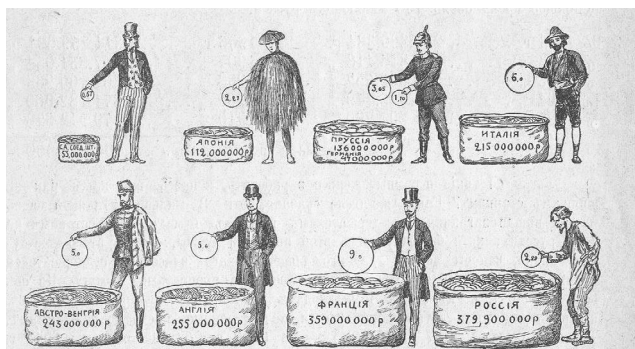

Рис. 3. Платежи по государственному долгу различных стран (общая сумма и сумма, приходящаяся на одного человека)

²² Наплыв русских рабочих Утро России. 1 мая. 1914.

²³ Рубакин Н.А. Указ. соч.

И вновь о том, что сближает день сегодняшний с тем, что было 100 лет назад. Как видно из статистики 100-летней давности, на одного россиянина приходилось 63 руб. годового дохода. В Болгарии и Сербии жители получали в 1,5 раза больший доход, в Германии — в три раза больше, о Великобритании и США говорить не приходится. То есть Россия по показателю благосостояния народа находилась на самом последнем месте, и сегодня мы можем лишь констатировать, что и за 100 лет это положение не слишком изменилось.

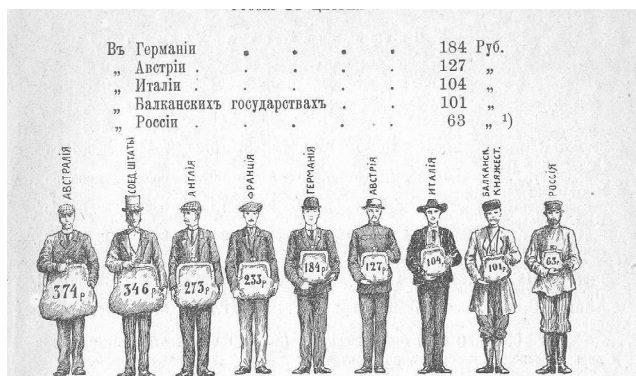

Рис. 4. Доля народного дохода, приходящаяся на одного жителя в год в различных странах, включая Россию

Перейдем к другим сравнениям. Некоторые полагают, что мир находится непосредственно накануне Третьей (и последней) мировой войны. Известная российская писательница Людмила Улицкая в ходе своего выступления на церемонии вручения международной премии в Австрии в августе 2014 г. заявила буквально (ее высказывание перепечатал журнал Der Spiegel): «Я не веду активной политической деятельности, но когда меня спрашивают, я говорю, что думаю. За это меня записали в «пятую колонну» и обвиняют в ненависти к собственной стране. Оправдываться, по-моему, и бесполезно, и глупо. Никакой ненависти я не испытываю, только стыд и беспомощность. Россия сегодня проводит самоубийственную и

опасную политику, которая представляет угрозу в первую очередь для самой России, но вполне может привести и к Третьей мировой войне. Война эта, в сущности, уже началась. Локальные войны в Чечне, в Грузии и теперь на Украине — это пролог. Эпилог, пожалуй, написать будет уже некому»²⁴.

Между прочим, в этих трагических словах писательницы связи между текущим конфликтом на Украине и тем, что предшествовало этому конфликту в прошлом, совершенно не наблюдается. Не найдем мы в ее словах и связи между мировыми войнами — предыдущей и предстоящей (в понимании писательницы): искать эти связи не входило в задачу Людмилы Улицкой. Зато это входит в нашу задачу. И мне, как историку, очень просто эту связь отыскать. Вот лишь один из убедительных признаков того, что происходящее на Украине сегодня напрямую связано с событиями почти 100-летней давности. Так, еще 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г. по новому стилю) председатель Совета народных комиссаров Ленин телеграфировал командующему войсками большевиков на Украине Антонову-Овсеенко: *«От всей души приветствую вашу энергичную деятельность и беспощадную борьбу с калединцами... Особенно одобряю и приветствую арест миллионеров-саботажников в вагоне 1 и 2 класса. Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудники»²⁵.*

Всего десять дней спустя, 21 января (3 февраля по н.ст.), Ленин отправил еще одну телеграмму в тот же адрес другого содержания: *«Ради бога, приложите все усилия, чтобы все и всяческие трения с ЦИК (харьковским) устранить. Это архиважно в государственном отношении. Ради бога, помиритесь с ними и признайте за ними всяческий суверенитет. Комиссаров, которых Вы назначили, убедительно прошу Вас сместить. Очень и очень надеюсь, что Вы эту просьбу исполните и абсолютного мира с харьковским ЦИК достигнете. Тут нужен архитакт национальный»²⁶.*

²⁴ <http://www.inopressa.ru/article/18Aug2014/spiegel/ulitskaya.html>

²⁵ Ленин В.И. Телеграмма В.А. Антонову-Овсеенко ПСС. Изд. 5-е. Т. 50. М.: Политиздат, 1970. С. 21–22.

²⁶ Там же. С. 34–35.

Далее в телеграмме вновь следуют горячие поздравления по поводу побед Антонова-Овсеенко над войсками Киевской Рады под предводительством Каледина. Из чего следует, что даже Ленин, который фактически руководил захватом территории сопредельного государства, защищавшего тогда, — в точности, как и сейчас, — свой суверенитет, проявлял куда больше осторожности в национальном вопросе, чем нынешняя власть в Кремле.

И главное, что хотелось бы отметить по этому поводу: все, что происходило во взаимоотношениях Киева и Москвы в описываемом 1918 г., а затем в течение всех советских десятилетий, наложило свой отпечаток на то, что происходит сегодня. Нынешний конфликт между Москвой и Киевом абсолютно не современен (возвращаемся к теме доклада), ибо этот конфликт стал прямым следствием такого «коммунистического» отношения Москвы к Киеву, как относился средневековый феодал к своим зависимым вассалам. Но Москва и сейчас, пользуясь своей экономической и военной мощью, то есть физической силой, продолжает относиться к своему ближайшему соседу снисходительно, как к вассалу, или еще хуже — как к бесправному крепостному крестьянину. В результате Россия будет еще долго пожинать чрезвычайно негативные плоды такого своего ошибочного отношения — со стороны не только этого соседа, но и всего международного сообщества.

Шарлотт Бургесс (Дания)

Внешнеполитические дилеммы как вызов для либералов

Я считаю, что перед либералами сегодня стоят три серьезных дилеммы, и все либеральные партии должны их рассмотреть и определиться с их решением.

1) Свобода vs применение силы. Мы начинаем действовать, только если у нас есть мандат ООН или какая-то группа стран достигает согласия по конкретному плану действий в третьей стране. Но все-таки Совет Безопасности ООН очень часто работает медленно и неэффективно, очень часто его члены вообще не приходят ни к какому единому мнению.

2) Эффективность vs рефлексия. Когда СМИ рассказывают о сотнях тысяч беженцев, возникает серьезное давление на либеральные партии и правительства разных стран для того, чтобы эффективно вмешиваться в эти конфликты и искать пути их разрешения. Мы провели военные операции в Ираке и Ливии, и мы знаем, что их результаты были плачевны. Сейчас мы боремся с Исламским государством и не знаем, чем эта борьба завершится.

3) Воздействия vs обязательства, которые мы сами на себя возлагаем. Мы [в ЕС] очень часто взаимодействуем с США. Но на самом деле, как мы считаем, необходимо всегда уважать правила, особенно правила проведения военных действий, и стараться не допускать жертвы среди мирного населения. Но США, в отличие от ЕС, не всегда придерживаются этих правил.

Вот это три основных дилеммы, которые нам нужно разрешить.

Причем [в каждом конкретном случае] надо последовательно разрешать все эти три дилеммы. За последние десять лет на всю нашу политику наложили отпечаток убийства в Сребеннице. Тысячи молодых людей были убиты сербами в Боснии и Герцеговине. И мне кажется, это было отправной, переломной точкой для политиков. Тогда мы многое осознали...

Но посмотрим на другие военные операции, например, в Ираке. Действительно ли ситуация требовала вторжения в Ирак или можно было все сделать как-то по-другому? Посмотрите на операцию в Ливии. Да, была опасность, что Каддафи уничтожит людей в Бенгази. Именно поэтому коалиция и начала военную кампанию. Но посмотрите на ее результат. Он, мягко говоря, плачевный, потому что в любом случае погибло очень много людей. Даже не буду говорить, что убито больше людей, чем мог бы убить Каддафи. Посмотрите на ситуацию в Мали. Ведь ситуация в Мали возникла как логический результат развития событий в Ливии. Поэтому мне кажется, что каждую дилемму нужно решать по очереди. Если посмотреть на Сребреницу, это — гуманитарная катастрофа, и мы все признаем это. Но при этом жизни датских, или немецких, или британских, или французских военных не подвергались прямой угрозе в Сребренице.

Что касается ИГИЛ, то все поменялось. Мы в Европе должны четко решить, представляет ли прямую угрозу нашей жизни Исламское государство. Действительно ли это угроза для нашей безопасности — Дании, Германии, Польши и других стран Европы. Если мы решим, что да, это угроза для нашей безопасности, тогда мы, политики, должны принять на себя ответственность по защите наших народов от этой опасности и угрозы. Мне кажется, ЕС пока до конца не определился, считает ли он ИГИЛ прямой угрозой своей безопасности или нет. Ведет ли это к гуманитарной катастрофе? Если да, то тогда ЕС должен действовать. Пока четкого ответа на данный вопрос нет. Вопрос очень простой, а ответ, к сожалению, не так прост, как может показаться на первый взгляд.

4. Либеральные ценности и экономическая политика в эпоху глобализации

Игорь Николаев

Современная российская экономическая политика: все меньше либерализма

Сегодня пока еще сохраняется возможность выступить публично, в том числе на ряде радиостанций, несмотря на «защитку» информационных возможностей. И вопрос — «Либералы во всем виноваты?» — возникает очень часто. Я для себя сделал вывод: где-то бесполезно приводить какие-либо аргументы, а где-то можно попытаться убедить аудиторию, что, может быть, не все так просто. Почему у многих существует такое мнение о либералах? На мой взгляд, ответ достаточно простой. Потому что для многих 1990-е годы, тяжелые годы трансформационного кризиса в России, связаны с тем, что «у власти были либералы». Тяжесть 1990-х неразрывно сплелась с тем, что «у власти были либералы» — значит, они во всем виноваты. Еще добавляют: «Те сложности, которые есть сейчас, связаны с тем, что и сейчас еще либералы есть во власти. Они просочились и никак их оттуда не выковыряешь». Эта убежденность у многих настолько сильная, что, действительно, переубедить их достаточно тяжело. На самом деле, с этим трудно согласиться. Неправильно воедино связывать всю тяжесть 1990-х с тем, что у власти были либералы. Да, были неоправданно высокие издержки. При этом люди не разделяют Гайдара, Чубайса, Явлинского. О программе «500 дней» в лучшем случае что-то слышали.

Меньшинство, наверно, помнит, что ЯБЛОКО у власти-то не было. Для них это одна команда — либералы из 1990-х, и они во всем виноваты. Когда говорят, что либералы и сейчас во всех бедах виноваты, я предлагаю: давайте посмотрим и будем судить не по тому, есть ли там люди, которые считаются либералами, а

по тому, какие действия — либеральные или далеко не либеральные — предпринимаются правительством. Тогда мы и поймем: на самом деле сейчас — это либеральная экономическая политика или нелиберальная экономическая политика? Посмотрим на то, что сегодня происходит в экономической политике.

Меры экономической политики

- Повышение налоговой нагрузки.
- Усиление стимулирования экономики через госзаказ в пользу отечественных товаропроизводителей.
- «Зачистка» банковского сектора.
- Реализация пенсионной реформы конфискационного типа (отказ от перечисления обязательных пенсионных накоплений в негосударственные пенсионные фонды).
- Усиление директивности в регулировании тарифов естественных монополий (замораживание тарифов естественных монополий в 2014 году).
- Активная протекционистская политика после вступления России в ВТО (2012 г.) и т.п.

Повышение налоговой нагрузки. Это либеральная вещь? Нет, конечно. Но оно происходит и будет происходить. Именно на примере того, что повышение налоговой нагрузки у нас было и есть и в этом плане все только ужесточается, я показываю, что это никак не соответствует либеральной экономической политике. Это совсем не либеральная вещь.

Стимулирование экономики через госзаказ в пользу отечественных товаропроизводителей (что сейчас уже происходит). Кстати, совсем последняя новость. Как известно, мы в ответ на санкции ввели свои антисанкции — продовольственное эмбарго. Сейчас подготовлено постановление правительства о запрете импорта продовольствия по госзакупкам для государственных и муниципальных нужд. Уже официальный проект готов. Идем дальше: не просто запрет импорта продовольствия из стран, которые ввели санкции, но, что касается госзакупок, вообще всего импорта продовольствия. Это что, либерально?

Это антилиберально, никак не соответствует либеральной экономической политике.

Зачистка банковского сектора. В таких условиях и с такой интенсивностью, я бы сказал, что здесь надо действовать по принципу «не навреди». У нас такого не получается. Абсолютно нелиберальная мера.

Реализация пенсионной реформы конфискационного типа. Это либеральная вещь? О чем вы тогда говорите, почему тогда либералы виноваты? Вы посмотрите, что делается, какие решения принимаются! Поясню по поводу пенсионной реформы. На мой взгляд, отказ от перечисления обязательных пенсионных накоплений в негосударственные пенсионные фонды, который у нас планировался сначала в 2014 году, а теперь это будет и в 2015 году, — это фактически конфискация пенсионных накоплений. Абсолютно антилиберальная вещь.

Усиление директивности в регулировании тарифов естественных монополий, замораживание тарифов естественных монополий, которые у нас были в 2014 году. Абсолютно нелиберальная вещь.

Активная протекционистская политика после вступления в ВТО. Мы еще не успели туда вступить, как стали придумывать такие меры, которые в большей степени продемонстрировали бы то, как мы заботимся об отечественных товаропроизводителях. Тот же утилизационный сбор при импорте автомобилей. То есть протекционизм стал резко усиливаться. И это, безусловно, совершенно не либеральная мера.

Вывод из всего этого. Я уже говорил: то, что делается сейчас, либеральной экономической политикой назвать категорически нельзя. Тогда, естественно, спрашиваешь: какие вопросы, какие претензии к либералам? Это нелиберально! Когда вы говорите, что они и сейчас, такие нехорошие, засели во власти и что-то делают, давайте судить по тому, что делается, а не потому, есть ли там люди, которые считаются либералами. Действительно, считается у нас, что есть еще вот тот либерал, и этот либерал,

кто-то еще про Алексея Кудрина вспоминает, хотя Кудрина уже давно нет в правительстве. На мой взгляд, когда представляешь такой анализ экономических решений с точки зрения их либеральности или нелиберальности, так чуть-чуть больше все-таки доходит. Во всяком случае, по динамике ответов я это почувствовал. Людей, которые считают, что либералы виноваты за кризис 1990-х, стараешься уже не убеждать — не убедишь их во многом. А когда применительно к сегодняшнему дню, то вроде бы действительно какой-то прогресс есть. Во всяком случае я сужу по результатам опросов, которые проводятся.

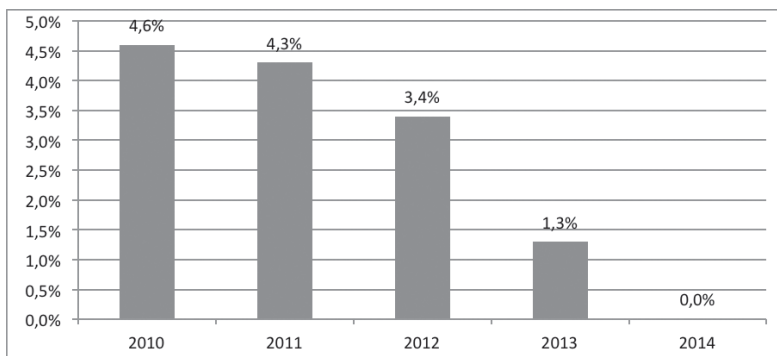
Мы сопоставляем, в чем разница и сходство между либерализмом в экономической политике в России и в тех же европейских странах. В Европе, несмотря на то, что либо консерваторы, либо либералы в большей степени представлены во власти, экономическая политика все-таки сохраняется как либеральная. Собственно говоря, именно поэтому экономика, прежде всего ведущих стран Европы — это экономика высокоразвитых стран. То есть либерализма или консерватизма может быть больше в политике, а что касается экономики, то все-таки это либеральная экономическая политика.

У нас сейчас ярко обозначился (и я попытался это продемонстрировать) явный крен к уходу от либерализма в экономической политике. Это, на самом деле, чревато серьезными экономическими трудностями. Санкции явились только дополнительным стимулом, и пока еще не таким большим, к ухудшению экономического положения. Россия бы все равно вошла в экономический кризис. Были бы санкции, не было бы санкций или антисанкций — мы все равно бы к этому пришли. В этом смысле переоценивать санкции не надо. К кризису мы практически пришли во многом из-за неэффективной, популистской экономической политики.

Доказывается это легко: достаточно посмотреть на динамику темпов экономического роста в последние четыре года. В августе 2014 года у нас в годовом выражении уже вообще не

было экономического роста — был ноль по ВВП. 2013-й год — 1,3%, 2012-й год — 3,4%, 2011-й год — 4,3%, 2010-й год — 4,6%. Если мы нарисуем график, мы шли по нисходящей линии и пришли в августе 2014 года фактически к нулю — никакого влияния санкций еще не было. Я это говорю еще и потому, что сейчас, кстати, ухватятся еще и за это, и экономические трудности будут списывать на санкции. Ничего подобного! Нарисуйте график и увидите: без всяких санкций мы уже были около нуля.

Прирост ВВП (к соответствующему периоду прошлого года)

Источники: Росстат, Минэкономразвития России

Отказ от либерализма в экономической политике, конечно, чреват тем, что ситуация в экономике серьезно ухудшится. Она уже ухудшается. У властей еще нет осознания того, что здесь мало что можно сделать. Потому что власти сейчас являются заложниками неправильных популистских решений прошлых лет. Они, наверное, понимают, хотя скорее недопонимают, что то же повышение налоговой нагрузки — это неправильно. Однако власти не могут ничего сделать, потому что несколько лет назад были взяты на себя очень высокие бюджетные обязательства, прежде всего по финансирова-

нию обороны, социальной сферы и т.д. Надо же деньги где-то брать. А мы видим, что происходит с ценами на нефть. Власти же сейчас не скажут: «Мы что-то замахнулись, погорячились вообще-то. Какие 20 триллионов на оборону, вы что?». Не скажут. Значит, нужно повышать налоги. А это отказ от либерализма в экономической политике. И хотя нам говорят, мы неоднократно слышали, что налоговая нагрузка до 2018 года повышаться не будет, налоги уже растут.

Повышение налоговой нагрузки (I)

- Переход к налогообложению имущества по кадастровой стоимости (с 2015 г.).
- Рост социальных страховых платежей для работников тяжёлых и вредных производств.
- Рост размера акцизов.
- Налоговый манёвр (снижение размера экспортных пошлин и резкое увеличение ставки НДС на нефть и газовый конденсат) (с 2015 г.).
- Повышение ставки налога на имущество для устаревших фондов и размеров штрафов за нарушение экологического законодательства («принуждение к модернизации»).
- Установление тарифа страховых взносов на обязательное медицинское страхование работающего населения в размере 5,1% сверх предельной величины базы для начисления страховых взносов (с 2015 г.).

Это и переход к налогообложению имущества по кадастровой стоимости, это и рост социальных страховых платежей для работников тяжелых и вредных производств, акцизы, налоговый маневр. Вот, кстати, из свежего, на чем еще не сконцентрировалось внимание. Я прочитал проект бюджета, который внесен в Госдуму и скоро будет рассматриваться в первом чтении. «Установление тарифов страховых взносов на обязательное медицинское страхование в размере 5,1% сверх предельной величины» означает достаточно существенное увеличение нало-

говой нагрузки на работодателя. Это повышение налогов, и достаточно существенное. Расходы на оборону из федерального бюджета в следующем году должны вырасти на 32,8%, расходы на здравоохранение должны сократиться на 21,4%. Предполагается, что за счет вот этого увеличения тарифов страховых взносов будет некоторая компенсация. Вот такие приоритеты в бюджете.

Повышение налоговой нагрузки (II)

- Увеличение ставки налога на прибыль организаций с доходов, полученных в виде дивидендов российскими организациями, с 9% до 13% (с 2015 г.).
- Повышение размера государственной пошлины за совершение органами власти юридически значимых действий в среднем в 1,57 раза (с 2015 г.).
- Повышение ставок платы за пользование водными объектами и за использование лесов (с 2015 г.).
- Деофшоризация.
- Усиление роли правоохранительных органов в налоговой политике.
- Отказ от установления новых, а также поэтапная отмена большинства действующих налоговых льгот и т.п.

В целом понятно, на сколько что растет (госпошлины, плата за пользование водными объектами, сама деофшоризация). Еще один факт: усиление роли правоохранительных органов в налоговой политике. Передача дополнительных полномочий Следственному комитету по инициированию возбуждения дел по налоговым преступлениям — это яркий и жесткий отказ от либерализации в экономической политике.

В заключение хотелось бы еще раз сказать об отличиях российской ситуации от западноевропейской. У нас все меньше либерализма в экономической политике, практикуется и расширяется ручное управление, а экономика все в большей степени становится экономикой мобилизационного типа. Но здесь не учитывается одна вещь: у нас хоть и кривая-косая, но все-та-

ки рыночная экономика. Когда у нас с помощью таких вещей формируются элементы экономики другого типа — это инородный элемент.

Мне в свое время понравилась байка, я ее студентам на лекциях часто рассказываю, хотя ее автор — Э. Хьюит из Брукингского института в США. Как известно, в Великобритании существует левостороннее движение на дорогах. Решили: так как вся Европа ездит по правой стороне, будем и мы переходить на правостороннее движение. Но будем переходить постепенно: сначала грузовики, потом автобусы, а потом легковушки. Это к тому, что когда вы вводите инородные элементы в систему хоть и плохой, но рыночной экономики, то что может быть? У нас сейчас так экономика и развивается. Получилось закончить оптимистично.

Ответы на вопросы

Галина Михалева: У меня вопрос насчет дорожной карты. Игорь Николаев в своем интересном выступлении показал нам депрессивную картину. Надо же выходить из этой ситуации! Какие должны быть первые шаги?

Игорь Николаев: Не могу не отреагировать на дискуссию, которая была о том, что, согласно опросам российских социологических служб, 86% россиян поддерживают политику Владимира Путина по отношению к Украине. Я обратил внимание, что уже весной, в мае у «Левада-Центра» были данные, что значительная часть граждан, порядка 25–30%, отвечала так: «Да, присоединение Крыма, конечно, нарушает международные нормы, но, тем не менее, мы согласны с присоединением». Знаете, у нас это называется «если нельзя, но очень хочется, то можно». Вот в этой сумме значительная часть именно такая. Лично я цифру в 86%, к сожалению, не ставлю под сомнение.

Теперь что касается экономики. Я говорил о повышении налогов — против чего я категорически возражаю и считаю уходом от либеральных принципов в экономической политике. В

период скатывания к кризису налоги не повышают, налоги снижают. А то, что налоги надо платить — я ведь экономист, я двумя руками «за» — тут все понятно. Речь шла о недопустимости повышения налогов в кризисный период.

Что же касается того, что делать — кратко ответить на такой вопрос невозможно. Но я всегда предлагаю пойти очень простым путем. У нас Российское статистическое агентство ежемесячно проводит опросы бизнеса, спрашивает: «Назовите факторы, которые в большей степени дестимулируют экономическую активность». Бизнес все последние месяцы говорит (там всего девять ранжированных факторов): «Неопределенность экономической ситуации, высокая налоговая нагрузка, недостаточный внутренний спрос» и т.д. Если вам сами представители бизнеса говорят, из-за чего они не могут больше средств вкладывать в производство, значит, работайте по этим направлениям, значит, не принимайте решения, в результате которых бизнесу становится еще более непонятным, что дальше будет происходить. Как можно инвестировать, когда неопределенность повышается? Если его волнует увеличивающаяся налоговая нагрузка, значит, не повышайте ее! Если он говорит о недостаточном внутреннем спросе, значит, не надо действовать так примитивно — организовать какие-нибудь три огромные стройки (БАМ, Трансиб и ЦКАД) и только таким образом только пытаться решить эту проблему. Может, не надо в этих целях реализовывать очередные «стройки века»? Может, гораздо эффективнее стимулировать внутренний спрос с помощью тех же проектов развития транспортной инфраструктуры, но только на региональном уровне? Лично я как раз в этом просто убежден.

Олле Шмидт

Зачем в подлинно глобальной экономике нужны либеральные ценности

В Швеции мы изменили систему дорожного движения в 1967 году, но начали не с грузовиков, а поменяли весь порядок движения на правостороннее²⁷. Это идентифицирует мою страну. Это был сложный процесс, но нам удалось его реализовать. Господин Улоф Пальме был проводником соответствующих идей: переход с левостороннего движения на правостороннее — тот процесс, который он вел за собой. То есть мы тоже имеем такой опыт, после него мы стали ближе к Европе.

Как уже здесь было сказано, глобализация подвергается атакам. Райнер Штиннер выступил немного как провокатор. Я с другой точки зрения тоже попытаюсь спровоцировать мыслительный процесс.

Нужно признать, что свободная международная торговля очень важна для свободной рыночной экономики. И мы представляем себе, как нужно добиваться этой цели. Что касается национализма и изоляции — они являются худшими врагами либерализма. Как было заявлено, национализм и изоляция уже присутствуют в России. Как справиться с этой ситуацией? Сейчас у нас в Европе, особенно в Европейском Союзе, ведутся дискуссии о трансатлантическом партнерстве и соответствующем соглашении о свободной торговле. Это будет мощное огромное соглашение. И оно сейчас подвергается жесткой критике со стороны Германии, моей страны Швеции. Говорится: «Свободная торговля — это плохо. Зачем нам надо следовать за США? Ведь они хуже нас во всем!». Это очень странно слышать. Получается, что в Европе существуют самые лучшие ценности, но при этом мы не можем принять ниче-

²⁷ Комментарий Олле Шмидта к предыдущему выступлению Игоря Николаева, который рассказал: «Мне в свое время понравилась байка. <...> Как известно, в Великобритании существует левостороннее движение на дорогах. Решили: так как вся Европа ездит по правой стороне, будем и мы переходить на правостороннее движение. Но будем переходить постепенно: сначала грузовики, потом автобусы, а потом легковушки».

го, что исходит от США. Некоторые считают, что мы перенимаем слишком много от США.

Как уже тбыло сказано, рыночная экономика — это не капитализм Дикого Запада, где каждый действует в одиночку. Это надо признавать, будучи либералами. С другой стороны, наоборот, я считаю, что нормальная рыночная экономика включает в себя либеральные ценности, принцип справедливого распределения благосостояния, политику равных условий для всех, напоминающую слоган французской революции «Равенство для всех!». В 1970-х годах на встрече с Ричардом Никсоном представитель Франции сказал: «Вы не можете знать результаты Французской революции, поскольку они еще окончательно не известны».

Я, безусловно, являюсь либералом, я ориентируюсь на рынок. Поэтому я со всей серьезностью отношусь к поставленным вопросам. Я считаю, что все общество должно быть вовлечено в обсуждение. Где женщины? *Cherchez la femme!* За столом в президиуме у нас нет женщин! Это является тенденцией во всей Европе, которую также нужно менять.

Теперь о людях, приезжающих в Европу, — иммигрантах, об интеграции. Я родом из небольшого города, где сейчас 35% населения являются иммигрантами. Нам казалось, что мы можем решить эту проблему легко и спокойно, но ее решить не удалось. Я увлечен американской мечтой. Она позволила европейцам, которые переехали в США, построить свою жизнь. Из всех европейских стран люди отправлялись в США, в том числе 25% граждан моей страны уехали в Америку, так как Швеция тогда была бедной. Швеция расположена на севере и в этом отношении может быть похожа на Россию. Несмотря на эти цифры, я считаю, что все-таки нужно принимать людей из других государств, в том числе и из-за процесса глобализации. Мне кажется, у консерваторов нет соответствующих идей и подходов о том, что необходимо принимать и привлекать всех. Социалисты всегда выступают за более сильное государство, которое должно решать все проблемы. Мы убеждены, что это неправильная

постановка вопроса. Лорд Ральф Дарендорф также касался этих тем, он выступал за предоставление всем людям возможностей вести достойную жизнь. Кто-то это считает социал-либерализмом. Тем не менее это так, я верю в это, важно отмечать такую установку. Как я уже говорил во вступительном слове, для меня нормальное общество является устойчивым, только если в нем утверждены демократия, толерантность и свобода слова. Это не просто слова, история показывает, что это правильные вещи. Я считаю, что у либералов должно быть общее понимание, как решать соответствующие вопросы. Прагматизм и консенсус для нас очень важны.

Последний раз Швеция воевала 200 лет назад. В 1917 году моя страна тоже была очень близка к революции. Когда была революционная ситуация, у здания парламента находился обычный полицейский, который сказал: «Нет! Мы не будем стрелять в собственных людей!».

Необходимо обеспечить право голоса всем гражданам. Как либералы мы должны работать над тем, чтобы обеспечить защиту всех человеческих прав, должны оставаться в первых рядах этой борьбы во всех странах, даже если это очень сложно, даже если некоторые наши избиратели говорят, что мы слишком быстро движемся. Гражданские свободы являются фундаментом нашего общества. Мы должны действовать, если они начинают подвергаться угрозам. Я считаю, что сейчас такие угрозы возникли.

Итак, выводы. Необходимо создать открытое толерантное общество, благосостояние, свободную торговлю, новые рабочие места, сформировать политику по вовлечению граждан в общественную жизнь, свободную рыночную экономику, поощряющую малый бизнес, который в свою очередь является основой для экономического благосостояния, для создания рабочих мест. Стабильность экономического и финансового сектора на глобальном уровне тоже очень важна, для этого необходимо регулирование — я им занимался 15 лет, работая в Европарламенте в Комитете по экономическим и денежным отношениям. Сначала было очень

слабое регулирование, но в конечном итоге мы стали координировать практически все. Это было похоже на маятник, который раскачивается сначала в одну, а затем в противоположную сторону, поэтому мы остановились, поняли, что уже перегнули палку. Бизнесу, конечно, нужна свобода для развития, и регулирование сейчас меняется таким образом, чтобы создать больше свободы для экономики.

Современная система образования и инновации, модернизация, информационные технологии, научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), защита частной собственности также являются очень значимыми. Профессор Игорь Николаев, я понимаю, о чем Вы говорили, но я считаю, что налоги приносят выгоду²⁸. Справедливое перераспределение собственности, стабильное государство, заботящееся о своих гражданах, соответствуют либеральному подходу. Следует создать достойные условия для всех, а для этого используется система налогообложения. Она должна соответствовать требованиям поддержания конкуренции на глобальном уровне. Даже конференция консерваторов, на которой выступал министр финансов Великобритании Джордж Осборн, согласилась с тем, что налоговые убежища должны быть устранены. Люди должны платить налоги, особенно это стало понятно после финансового кризиса 2008 года. В Швеции граждане всегда платили налоги по высоким ставкам. Швеция «конкурирует» с Данией в отношении того, у кого налоги выше, я чувствую, шведское правительство скоро обгонит датское по этому показателю. Известная шведская писательница Астрид Линдгрэн, которая написала «Пеппи длинный чулок» и другие книги, кажется, в 1976 году заплатила налоги на сумму в 102% от зарплаты. Министр финансов того времени, член Социал-де-

²⁸ В предыдущем выступлении Игорь Николаев заявил, что повышение правительством РФ налоговой нагрузки не соответствует либеральной экономической политике. В дальнейшем на данное замечание Олле Шмидта Игорь Николаев ответил, что он не против налогов как таковых, что он говорил только о недопустимости повышения налогов в кризисный период.

мократической партии Швеции объявил в парламенте: «Это невозможно!». Но прекрасная писательница ответила: «Нет, это не невозможно! Мы платим и такие налоги!».

Также важен для либералов сбалансированный подход. Например, он касается такого вопроса, как изменение климата. Я не являюсь профессионалом по этой тематике. Однако мы отдали этот вопрос «на откуп» «зеленым», они получают больше голосов на выборах. Кроме того, необходимо решать вопросы недостатка источников энергии.

Какие еще вопросы стоят перед нами? Это вопрос бедности на глобальном уровне. Именно из-за него я пошел в политику, много лет назад я решил, что бедности быть не должно. Население Африки живет в нищете. Почему у них меньше прав, чем у меня? Я уверен, что сформулированные цели тысячелетия обязаны быть выполнены к 2015 году, хотя они еще не реализованы.

Для того чтобы эти цели исполнить, нужно понимать, какие существуют угрозы либеральным ценностям. То, что убивают людей, — это катастрофа. Тот факт, что господин Путин блокирует все силовым способом — это тоже катастрофа. Можно сказать, что террористические группировки, которые действуют в Африке, — это результат отсутствия вышеперечисленных мной условий. В этом я являюсь провокатором, да. «Мягкая сила» — это хорошо, но, как мы говорим в Евросоюзе, иногда ее недостаточно. Мы можем не суметь защитить свои ключевые ценности.

Можно сказать, что все вышеперечисленные условия являются либеральными ценностями, но можно сказать, что это — универсальные ценности. На вопрос «Почему мы не выигрываем выборы?» можно ответить, что, вероятно, уже было слишком много побед. Если спросить большинство населения Европы: «Считаете ли Вы себя либералом?», они ответят: «Да, мы либералы». Но многие не голосуют за либеральные партии. Я бы сказал, что мы в прошлом добились слишком больших успехов по распространению либеральных ценностей, и сейчас они вос-

принимаются просто как универсальные ценности. Но я — оптимист. Я считаю, что либерал обязан быть оптимистом ради будущего. Я уверен, что и у России все получится.

Ответы на вопросы

Йохан Экман: Вы сказали об изменении климата, о том, что мы забываем об этой проблеме в отличие от «зеленых». На Ваш взгляд, почему мы забываем? Для либеральной партии это естественный вопрос, который она должна поднимать, ставить в повестку дня?

Олле Шмидт: Я стараюсь быть оптимистом. Я считаю, что нужно быть реалистом и оптимистом. Мне кажется, Райнер Штиннер как раз об этом говорил. В сложные времена оптимизм является тем способом, с помощью которого Вы можете добиться увеличения электоральной базы. В любом случае, с людьми нужно общаться оптимистически. Иногда мы слишком увлекаемся интеллектуальными концепциями, идеями. В Швеции есть выражение: «Нужно быть по крайней мере бакалавром, чтобы понять, что говорят либералы». Поэтому давайте будем проще.

Конечно, мы знаем, что многие вещи невозможно сделать или упростить. На телевидении для ответа дается всего 60 секунд, нужно как-то уместить все идеи в одну минуту, четко сформулировать ответ.

Вы спросили о климатических изменениях. Я считаю, что в каждой стране любая либеральная партия так или иначе отвечает на данный вопрос, у них только разные подходы. У тех, кто говорит об этом чаще, уклон больше в левую сторону, они заботятся о реках, озерах. А мы больше говорим об экономике, она находится в центре нашего внимания.

В Европе есть «зеленые» партии. Но многие из них, хотя и не все, понимают, что для привлечения внимания людей нужно одновременно объединять экономические и экологические интересы. Необходимо показывать, что все положительные изменения, которые делаются ради улучшения экологии, также помогают

создавать рабочие места и увеличивают благосостояние людей. Мы потеряли сотни тысяч избирателей, которые могли бы за нас проголосовать, например, в Германии, наверное, и в Великобритании тоже. Но в этих странах, как, кстати, и в России, существует сложная избирательная система, вряд ли ее можно сравнивать со скандинавской системой. Мы потеряли электорат. Мы стараемся его вернуть, но это очень сложно. «Зеленые» партии все-таки более тесно занимаются проблемами экологии, а мы являемся либеральной партией.

Андреас Кнауль

Либеральные ценности и санкции

Я поделюсь мыслями о том, что я вижу, будучи управляющим партнером юридической фирмы Roedl and Partner. Мы оказываем юридические услуги немецким, швейцарским и другим компаниям в России. Основная причина моего присутствия здесь в России — это свободная торговля, поскольку мы консультируем по этим вопросам. Свободная торговля основывается на принципах, о которых говорил Олле Шмидт. Это — рыночная экономика на глобальном уровне. Вот почему я представляю немецкие компании здесь, поскольку у нас есть глобальная система распределения товаров и услуг. Что-то немецкие компании делают лучше, чем российские компании, некоторые вещи немцы покупают в России. Эта торговля ведется на глобальном уровне.

Есть две стороны, Россия и Германия, и можно говорить о торговых взаимоотношениях России и Европы. Это — система свободной торговли. Для меня либерализм — это синоним свободы. И свободная торговля — это тоже выражение свободы. Политическая свобода основывается на нашем понимании того, что наша индивидуальная свобода — это лучшая основа для того, чтобы успешно жить вместе. Об этом, я считаю, надо всегда помнить; когда мы обсуждаем какой-либо аспект принятия политических решений, надо всегда исходить из индивидуальных свобод.

Здесь поделюсь рядом идей. Максимум свободы, минимум вмешательства государства. Это то, откуда мы начинали мыслительный процесс. Как этого добиться? Свободная торговля — это база, основа для повышения уровня жизни и качества жизни. И так это было в прошлом. Три недели назад я был в Сочи на международном инвестиционном форуме. На нем председательствовал господин Медведев. Там было много разговоров об импортозамещении. Что это значит? Это означает, что Россия хочет вернуться к советским временам, когда вы пытались производить как можно больше внутри страны, отказывались от импорта. И как бы от-

казывались от принципа международного распределения труда. Даже если можешь купить что-то более дешевое в Австрии, Германии или Швейцарии, ты все равно пытаешься сам производить. К чему это приведет? К понижению уровня жизни для вашей страны, для всех стран.

У либерализма, может быть, было слишком много побед в прошлом, поскольку в международных договорах заложены принципы либерализма. Это текущий тип валюты, который мы используем внутри нынешней экономической системы, внутри европейского сообщества. Все европейские договоры основаны на экономическом либерализме, на свободе конкуренции. Именно из этого мы извлекаем наше преимущество. ВТО основывается на принципе либерализма в экономике. И это — основа более высокого уровня и качества жизни, достигнутого нами в Европе — за счет побед экономического либерализма.

Но угроза либерализму есть всегда. Может быть, это даже заложено в наших европейских договорах. Но эти принципы надо защищать, включая защиту от людей. Мы слышим об идеях импортозамещения, но в Евросоюзе это называется немного по-другому. В некоторых странах мы, может быть, должны построить стену, например, вокруг Европы, чтобы сохранять наше благосостояние для себя, для того чтобы не конкурировать с другими. Если исходить из принципа либерализма, становится очевидным, что эти идеи неправильны. Платежный баланс и т.д., то, о чем говорил профессор Николаев, все эти принципы не выполняются в России. Кстати, не во всех европейских странах они выполняются. И здесь мы видим импортеров, надо обеспечить свободу импорта, этого требует экономическая теория.

Либеральные ценности и санкции. Что такое санкции? Санкции, это, во-первых, нечто, что противоречит экономическому либерализму, поскольку санкции — это ограничение свободы. Скажем, немецкая компания не может так же, как и раньше, вести бизнес в России. Ей надо пройти процесс лицензирования и т.д., иначе их продукция будет запрещена для продажи в России.

Оправдано ли это? Конечно, свобода не безгранична. Необходимы некие границы, которые ограничивают индивидуальную свободу, но они должны быть оправданы. А как это определить? Надо узнать, зачем делаются эти границы, почему накладываются запреты. Какова цель? Если посмотреть материалы конференции, в меморандуме ЯБЛОКА, пункте 6, сказано, что аннексию Россией Крыма нельзя признавать как законную, поскольку это противоречит нормам международного права. Очень четко.

Мы видим, как санкции накладываются для того, чтобы оказывать влияние на политическое поведение России с тем, чтобы изменить ситуацию, чтобы положить конец насилию на востоке Украины и т.д. Это — цель санкций.

Далее. Законны ли санкции? Можно проанализировать этот вопрос, но это — политическое решение. Но могут ли они достигнуть этой цели? Здесь есть серьезные сомнения, что ограничения торговли, которые оказывают негативное влияние на компании в Германии, на компании в России, заставят политические круги изменить свою позицию. Конечно, мы не принимаем здесь политических решений, лишь хочу сказать, как представитель либеральной партии, что мы должны настаивать на том, что политики, принимающие решения, должны исходить из либеральных идей. Не надо вести какую-то символическую политику «посмотрите, мы же что-то делаем, ну вот сейчас мы накажем этих плохих русских, мы наложим на них санкции». Это не разговор. Мы должны как либерально мыслящие граждане заставить политиков объяснить нам, как эти санкции могут помочь в достижении этой цели. Если санкции не приводят к достижению этой цели, то надо отменить их. Надо искать тогда другие способы достижения этих целей. Вот с этим я полностью согласен.

Конечно, аннексия Крыма — незаконное поведение, нарушение международного права. Этого терпеть нельзя. Для этого нужно находить правильные инструменты. В заключение хочу сказать, что как юрист, который представляет интересы бизнеса, я задаю себе следующий вопрос: как идею свободы сделать маяком, опре-

деляющим решения наших политиков? Экономика всегда сильнее, чем политика, — на долгосрочную перспективу. Господин Коль недавно опубликовал свои мемуары, в которых он пишет, что СССР проиграл экономическую войну. СССР проиграл, потому что они думали, что могут конкурировать в экономическом отношении с Западом, но они не смогли. Вот поэтому надо распространять либеральные взгляды в политике, свободы для индивидуума и меньше свободы для государства.

Ответы на вопросы:

Виктор Шейнис: Если не санкции, то что? Какие существуют инструменты в данной конкретной ситуации? В данное время и в данном месте. Второй вопрос: Вы сказали, что санкции могут быть эффективны или неэффективны. Это совершенно правильно. Но какой временной период требуется, чтобы понять, эффективны или неэффективны санкции? Можно ли это решить вне времени или опираясь лишь на короткое время?

Андреас Кнауль: Начнем с цифр. 85–86% русских поддерживают Путина и его курс в отношении Украины — это мы слышим из «Новостей». Сколько людей разделяет позицию, что аннексию Крыма нельзя признать законной? Гораздо меньше. И санкции, наложенные Западом, они рассматривают как незаконные и необоснованные, потому что позиция Кремля воспринимается как правда, как священное право русского народа вернуть Крым. Вы спрашиваете, сколько времени требуется для санкций? У нас была «Холодная война» почти 50 лет. Не хотелось бы ждать еще 50 лет, я же здесь, в России, живу. Мне кажется, что нужно добиваться чего-то быстрее. Как же добиться этого быстрее? К сожалению, ситуация сложилась именно таким образом. Почему-то 86% русских считают, что действия Кремля правильны. Я не согласен с ними, я согласен с ЯБЛОКОМ. Я вижу лишь единственный способ. Социал-демократы, как Шмидт, призывают к изменению взаимодействия, то есть вместо санкций мы должны раскрыться, мы должны взаимодействовать с Россией. Мы должны как-то внедрить запад-

ные ценности в российском обществе. Необходимо развивать связи. Необходимо сделать все возможное, чтобы было больше обмена. Не надо обрывать связи. Мы должны были ввести безвизовый режим давным-давно. Мы в Ливию можем путешествовать без виз. Из Ливии люди могут приезжать к нам, и никакие визы не нужны. Все-таки нужно основываться на ценностях, но ведь если бы не было виз, люди бы приезжали к нам. И тогда бы была экономическая выгода. Был период, когда мы могли использовать это, использовать для сотрудничества. Мы используем самолеты «Ан» для того, чтобы перемещать немецких военнослужащих по всему миру. Мы могли бы вложиться в производство, создавать больше самолетов, и тогда бы у нас были совместные технологические проекты. К сожалению, мы вложили миллиарды в Air Bus, у которого еще нет пока ни одного действующего самолета, который мог бы быть конкурентом «Ан». Поэтому по-прежнему летаем на «Ан». Все это — из-за лобби Air Bus. Поэтому нужно отказываться от санкций, нужно взаимодействовать и влиять через взаимодействие. Чем больше сотрудничества, тем лучше. Нужно отменить визы, нужно показать российскому народу пример. Нужно показать им западные ценности. Не надо изолировать Россию. Наоборот, нужно с распростертыми объятиями их принять.

Баронесса Киривер Фолкнер: Господин Кнауль — юрист, а мы, честно говоря, скептически относимся к юристам, потому что они всегда, в любом случае, найдут аргумент на любой вопрос. И Вы правы, что эти 86% — это цифры, которые нам предлагает диктаторский режим. Не нужно относиться к ним серьезно. Если бы не было контроля за СМИ, не было бы преследования оппонентов, если бы общество было открытым, если бы у нас все было, о чем мы говорим в этом году, если бы не было регрессивного развития за последние два-три года с тех пор, как Путин вернулся, то тогда было бы все великолепно. Но если мы признаем эти цифры, то, значит, мы легитимируем его правление. Ведь это безумные цифры. Я тоже сле-

жу за опросами общественного мнения, Вы упомянули второй центр общественного мнения, я не помню, как он называется, но был опрос в марте, и рейтинг упал до 43%. Вопрос был: хочет ли Россия продолжать что-то делать в Украине? И мне кажется, что мнение поменялось. И если коллеги уйдут с этой конференции с мнением, что войны можно избежать с помощью взаимодействия, тогда, может быть, надо Башара Асада пригласить к себе в столицы, поить его вином и кормить. Ведь войны происходят в ситуации, из которых нельзя найти иного выхода. Мы видим убийства, разве мы должны приближать к себе людей, которые убивают будущих детей? Нет. Конечно, Путин не такой кровожадный, как Асад. Но — все равно. Вы только что говорили про самолеты Антонова. Мне кажется, это — странный аргумент. Ведь у нас есть обязательства перед собственными избирателями, мы должны сами развивать технологии. Ведь в демократии политик бы не выжил, если бы не поддерживал сначала собственных людей. Что Вы бы сделали, если бы не санкции? Мне кажется, идет война. Просто — полномасштабная война. Мне кажется, что санкции, особенно специфические санкции, точечные санкции — это гораздо лучше, чем война. Мы можем ужесточить санкции, ЕС должен отказаться приехать сюда на Чемпионат мира по футболу. Все европейские страны должны отказаться приехать сюда на Чемпионат мира по футболу в 2018 г. Вы что думаете, нарушение закона, нарушение мира и стабильности в соседствующих странах должно пройти просто так? Ведь и Крым потерял свободу и независимость. Посмотрите, что происходит в Донбассе, на Украине. Как можно отказываться от санкций, ведь даже в бизнесе, если Вы потеряли что-то, надо предпринимать какие-то меры?

Андреас Кнауль: Мне кажется, мы смешиваем многие вещи. В огороде бузина, а в Киеве — дядька. Я живу здесь уже 20 лет. Яещевконце1980-хгодовприезжалсюда,работалздесьв1990-хижил пять лет, а затем три года прожил в Украине. Поэтому я знаю, что

думают украинцы на этот счет, я проехал по всей Украине, я изучал украинский язык, у меня был бизнес в Луганской и Донецкой областях. Поэтому я не думаю, что все это — манипуляция. Но вопрос заключается в другом. Как нам отреагировать на это? Я считаю, что санкции — неправильный, спорный ответ. Я не буду думать, сколько там, 86 или, может быть, 66% поддержки, это неважно на самом деле. Самое главное — я живу последние пять лет в Москве, я работаю каждый день с российской интеллектуальной элитой. Они учились в Высшей школе экономики, в МГУ им. М.В. Ломоносова, самые умные люди. Они учились в Германии, в США, в других странах. Это — элита, и все они считают, что Кремль правильно аннексировал Крым. Может быть, не все, может быть 3–4% из них голосуют за ЯБЛОКО. Но подавляющее большинство самых талантливых людей верит в правоту действий Кремля. А как мы реагируем на это? Санкциями? Вы хотите толкнуть их в объятия Кремля? Надо верить в собственные ценности и подумать, каким образом ответить на это. Может быть, отменить визы, пусть они приезжают в Германию, Англию, Шотландию, путешествуют свободно, показать им наши истинные либеральные ценности. Мне кажется, что это лучший способ, чем санкции.

5. Общество между либерализмом, консерватизмом и национализмом. Навязанные и традиционные ценности

Татьяна Ворожейкина

Антилиберальные тенденции в современном российском обществе: причины и последствия

Сюжеты, о которых я собиралась говорить, уже были затронуты в сегодняшней дискуссии.

Первая проблема связана с оценкой реального масштаба агрессивной шовинистической иррациональной мобилизации, которая произошла в связи с аннексией Крыма и агрессией в Украине. Я думаю, что цифра 85% поддержки в обществе этого курса вводит в заблуждение — то, что по-английски называется «misleading». Потому что в атмосфере истерии, нагнетаемой государственными средствами массовой информации, социологические службы фактически замеряют эффект пропаганды. Люди отвечают «правильно», отвечают так, «как нужно». Я хочу процитировать психолога Людмилу Петрановскую: «Тебя спрашивают о лояльности к власти и заносят твой ответ в официальные бумаги». В этих условиях так называемое «одобрение» — это, скорее, привычное дистанцирование от того, на что человек не может повлиять. Для большинства отвечающих это — неосознанная поддержка власти, это обычный российский конформизм и пассивность. Вместе с тем несомненно, что некое весьма значительное большинство населения поддерживает антилиберальный курс путинского режима. И началось это не с Украины. Достаточно высокой была, в частности, поддержка антилиберальных законов, которые были приняты в 2012–2013 годах, о которых большинство респондентов ничего не знало, но поддерживало и одобряло. Потому что реально интервьюируемые

и в этом случае отвечали на вопрос: «Ты лоялен или нелоялен к власти?». С моей точки зрения, речь идет о некоем условном большинстве. Но точно определить, какое это большинство (и большинство ли), в условиях авторитарного режима, который полностью контролирует СМИ, и в первую очередь — телевидение, очень сложно, для этого нет адекватных социологических инструментов.

Господин Кнауль приводил свои личные впечатления от молодых россиян, получивших образование на Западе, с которыми он общается. Я готова ему поверить, потому что это соответствует и моим личным впечатлениям. Но я могу противопоставить этому масштабы последней антивоенной акции, которая состоялась в Москве, где были десятки тысяч человек, и это — совсем другое впечатление. Иначе говоря, действительные размеры поддержки полярных позиций в условиях авторитарного режима нельзя измерять теми инструментами, которые используются в демократическом обществе. Мы уподобляемся тем самым мудрецам, которые в темноте ощупывают слона.

Тем не менее, это не снимает вопроса о причинах антилиберального разворота общественного мнения, с которым мы имеем дело. Из всего массива причин я бы выбрала две. Отчасти о них здесь уже говорилось. Это причины структурные и конъюнктурные.

К структурным причинам я бы отнесла тот имперский рессентимент, который накапливался в стране с 1991 года. Речь идет об уязвленном имперском сознании, о до сих пор не преодоленном комплексе обиды, связанном с распадом СССР — большой и сильной страны, в принадлежности к которой многие из ныне живущих россиян видели свою личную состоятельность. Сами они были бедны и неуспешны, но они принадлежали к большой и сильной стране, которая в одночасье рухнула.

В этой связи я хотела бы возразить профессору Андрею Медушевскому. Мне кажется, что современный либерализм несовместим с имперскими традициями, потому что он предполагает свободу выбора, свободу личности и групп людей, а также безус-

ловное уважение к закону, в том числе к международному праву. Я думаю, что чубайсовская «либеральная империя» уже двадцать лет назад была оксюмороном, «жареным льдом».

Накопившийся в народе имперский рессентимент усугубляется тем, что за прошедшие двадцать три года не произошло, на мой взгляд, сколько-нибудь серьезного осмысления, переработывания российским обществом и его интеллектуалами тех процессов и причин, которые привели к краху последней империи на европейском континенте. Напротив, нерационализированное чувство утраты сопровождалось обидой, смешанной с завистью в отношении воображаемого виновника, говоря словами Путина, «величайшей геополитической катастрофы двадцатого века». Кто виновники? США и Запад в целом. Сильнейший комплекс неполноценности в отношении воображаемого врага постоянно подпитывал в российском обществе недоверие к системе ценностей этого врага, а именно: либерализму, демократии, уважению прав человека. Обиженный создает образ врага, чтобы избавиться от чувства вины за собственные неудачи. События в Украине были использованы как эффективный спусковой механизм для актуализации имперского рессентимента, главным носителем которого выступил господин Путин. Я не хочу говорить о Путине, моя тема — общество, я буду говорить об обществе в той мере, в какой его можно отделить от власти. Иначе говоря, важнейшей структурной проблемой, которая поддерживает антилиберальный комплекс, является непреодоленная обида за распад СССР.

К конъюнктурным факторам, обуславливающим устойчивость антилиберальных тенденций в российском обществе, я отношу социальные и психологические последствия рыночных реформ 1990-х годов и особенности способа, которым они были осуществлены. В этой оценке я расхожусь с Виктором Шейнисом, который сказал, что это диктовалось обстоятельствами. Я в большей мере согласна с Григорием Явлинским и Борисом Вишневым в отношении того, как осуществлялись реформы и какое влияние это оказало

на отторжение либеральных и демократических ценностей российским обществом. Не повторяя того, что уже было сегодня сказано, я хотела бы напомнить, что демократический проект в начале 1990-х годов либеральными интеллектуалами был редуцирован к рыночному. Знак равенства был поставлен между рыночной реформой и демократическим проектом как таковым. Сторонники этого подхода ориентировались на весьма примитивное представление о причинно-следственной связи: рыночная реформа должна была породить средний класс, средний класс — гражданское общество, а гражданское общество — политическую демократию. Поэтому те, кто осуществлял рыночную реформу, сознательно использовали советское государство при минимальном его реформировании для того, чтобы эту рыночную реформу осуществить. Что из этого вышло? На мой взгляд, не вышло, естественно, демократии, но не вышло и рынка. Потому что, как здесь уже говорила Ольга Малинова, цитируя Стивена Холмса, для того, чтобы рынок функционировал, нужно государство, которое гарантировало бы частную собственность и единые для всех правила, которое не было бы, в свою очередь, редуцировано к частным интересам носителей государственных функций.

А именно это и произошло в связи с рыночной реформой в России. Ведь дело не только в том, что положение людей ухудшилось в результате той приватизации, которую они воспринимали как хищническую и несправедливую, но и само государство было приватизировано. В 1990-е годы, а затем в еще большей мере в 2000-е, государство было сведено, по сути дела, к частным интересам тех, кто это государство контролировал, прежде всего, на самом верху. Вот это обстоятельство, что государство стало использоваться как орудие частного произвола носителей государственных функций, в том числе самого Путина (дело Михаила Ходорковского может быть рассмотрено именно в таком ключе), я думаю, в наибольшей мере скомпрометировало либеральные демократические ценности.

Но, повторюсь, для меня это вещь конъюнктурная, это не было результатом действия объективных факторов, но, напротив, было результатом выбора, сделанного теми людьми, которые осуществляли рыночные реформы в начале 1990-х годов.

Последняя часть моего выступления касается последствий того антилиберального разворота, который мы сейчас переживаем. Они, на мой взгляд, заключаются в следующем. Во-первых, это раскол общества вдоль имперско-традиционалистского водораздела между теми, кто выступает за имперские и традиционные ценности, и теми, кто против них. Этот раскол довольно четок. Я бы хотела обратить внимание на то, что я бы назвала ресентиментом образованных, собственно, господин Кнауль об этом и говорил. Мне кажется, что украинская революция вызвала подспудный дополнительный ресентимент у значительной части образованной и даже либеральной публики в России. Ей трудно согласиться с тем, что в Украине удалось свергнуть авторитарный коррумпированный режим, подобный тому, с которым в России мы вынуждены мириться. Здесь сказывалось традиционное высокомерно-пренебрежительное отношение многих российских интеллектуалов, в том числе либеральных, к Украине как к недогосударству, как к недонароду и т.д. И вдруг они оказались впереди нас. Я только этим могу объяснить, почему для многих, вроде бы раньше приличных людей, оказалось возможным принять официальную версию бандеровского фашизма, и эти люди вдруг заговорили на языке «Первого канала».

Следующее последствие, которое мне кажется еще более важным, — это то, что я бы назвала «развращением общества». По сути дела, захватом Крыма и вмешательством в Восточную Украину власть посылает обществу предельно ясный сигнал: «Кто сильнее и наглее — тот и прав. Держите сторону сильного, и вам будет хорошо». Часть общества этот сигнал, несомненно, восприняла. По опросам «Левада-Центра» видно, что люди понимают несправедливость действий России в Украине, но, тем не менее, поддерживают эти действия. На мой взгляд, политика

Путина в Украине стала символом тех аморальных отношений и внеправовых практик, которые реально регулируют российский социум, регулируют его веками. Я позволю себе привести цитату из повести А.С. Пушкина «Дубровский»: «С крестьянами и дворовыми обходился он (имеется в виду Троекуров – Ред.) строго и своенравно; несмотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатством и славою своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство». Это тот самый комплекс, который актуализирован в российском сознании политической российской власти в Украине.

Как долго может продлиться этот мобилизационный спазм? На мой взгляд (я не хотела бы ошибиться), долго он длиться не может, потому что сложившиеся в России за последние двадцать лет модель потребления, образования, досуга, сам городской образ жизни в значительной мере вестернизированы. Весьма характерно, что экономическое поведение людей в корне противоречит их вербальной поддержке антизападного курса. Для меня символом этого являются георгиевские ленточки, украшающие BMW, Volvo и Volkswagen. «Мы их победили!». А что же мы на их машинах-то ездим? И деньги мы предпочитаем хранить не в обязательствах своей страны, которая так мощно встает с колен, а в обязательствах наших врагов.

И последнее. Это, пожалуй, важнейшая проблема. В какой мере вероятно тоталитарная инволюция современного российского общества? Есть много аргументов «за», и часть из них сегодня звучала, в частности, это резкое сужение пространства свободы. На мой взгляд, правы те, кто говорит, что речь идет не о консерватизме, а о нарастании тоталитарных тенденций. Однако я считаю, что существуют серьезные препятствия на пути развития этих тенденций. Разрушить модель потребления, о которой я говорила, можно только в результате социальной катастрофы или тотального применения репрессий, как это произошло в первой четверти двадцатого века. Если посмотреть на

состояние российских репрессивных структур, то они, на мой взгляд, глубоко разложены собственными экономическими интересами. Как специалист по Латинской Америке, я хорошо знаю, что репрессивные структуры, как только они приходят к власти и обретают собственные экономические интересы, перестают быть эффективными для того, чтобы осуществлять свои непосредственные функции. Я думаю, что это является серьезным препятствием для тоталитарной инволюции. Спасибо.

Ответы на вопросы

Борис Вишневский: Уважаемая Татьяна Ворожейкина сказала, что в начале 1990-х годов либеральная демократическая повестка была редуцирована до реформаторской, если я правильно запомнил.

Татьяна Ворожейкина: До рыночной.

Борис Вишневский: Я бы все-таки выразился немножко иначе. Она не была редуцирована до реформаторской. Был выбран абсолютно сознательный курс на отказ или очень серьезное ограничение демократических институтов во имя проведения экономических реформ именно потому, что при наличии демократических институтов и избранного гражданами парламента не были бы допущены никакие преобразования, объективно ухудшающие положение большинства. Можно как угодно относиться к парламенту, но ни один избранный парламент этого бы не допустил. Значит, его надо было обратить в развалины вместе со всей системой представительной власти и системой демократических институтов. Я прекрасно помню, как тогда очень приличные и очень уважаемые люди рассказывали: «Ничего, мы пока откажемся от демократии во имя реформ, а когда проведем реформы, потом к демократии можно будет вернуться». И только такие городские сумасшедшие (как я) уверяли уже тогда, что Вы уже не вернетесь, этого не будет, это сказки. Мне очень жаль, что я оказался прав.

Сергей Григоров: Моя реплика будет обращена к Татьяне Ворожейкиной, которая сделала блестящий анализ генезиса нынешнего политического режима (как он возник из девяностых) и дальнейшего его развития в нулевых. Но мне кажется, все-таки изначально здесь дело, конечно, не в империи, хотя правительством эта проблема была использована. Дело в том, что экономический кризис и социальная деградация страны начались до украинской революции и до украинского кризиса. Дальше случается национально-демократическая революция в Киеве. Украина начинает строить национальное государство и провозглашает европейскую ориентацию. А вот дальше эта ситуация используется правительством не для строительства империи, а ради удержания политики страны не в плане империалистической или национально-ориентированной политики, а просто в плане продолжения политики в пользу частных интересов той группы лиц, которая, собственно, страной и правит. В Киеве происходит национальная революция, дальше происходит спор о границах под лозунгами национального государства, и под этим лозунгом спора с Украиной о национальных границах решается крымский кризис. Но путинский режим не может продолжать дискуссию по вопросу строительства национального государства, потому что любое продолжение политики национального государства в России обрушало бы путинский режим, был бы разрушен режим политики и власти в пользу частных интересов этой правящей верхушки, они двигаться в этом направлении не могли. Но таким образом под этим лозунгом был решен крымский кризис. Восстанавливать империю тоже было невозможно, потому что было понятно, что Российская Федерация ни экономически, ни социально никакую постсоветскую империю восстановить не может. Поэтому был выбран вариант максимальной дестабилизации ситуации на Украине, насколько глубоко это получится, чтобы представить: вот, смотрите, что такое европейский путь, как враждебно Запад реагирует на такую политику России, вот почему мы не можем

двигаться в Европу и проводить реформы. То есть режим обрушило и строительство европейского государства, и движение в область национального государства, и невозможность строительства империи. Все три ветви тупиковые. А дальше режим просто использовал эту ситуацию для сохранения режима частных интересов этой правящей группировки. В результате социальной деградации и экономического кризиса режим в России, конечно, обрушится, и вот тогда вернется та спорная повестка, которая была в самом начале. Но уже вернется не как фейковая повестка, которую навязывало правительство, а как реальная политическая. Что мы потом будем с этим делать?

Андрей Медушевский: Я хотел бы прокомментировать несколько тезисов Татьяны Ворожейкиной, которая вступила со мной в полемику в отношении современного либерализма. Ее тезис заключался в том, что современный либерализм, в отличие от классического, не может быть сторонником империи, не может поддерживать эту идею в России, должен считаться с международным правом и с правом вообще и проводить эти идеи на практике. Я хотел бы прокомментировать эти тезисы.

Первое положение — отношение либерализма к империи. Мне кажется, дело выглядит не так очевидно. Если мы возьмем книгу такого современного английского либерала, как Доминик Ливен, то он считает, что вообще все современное общество держится на империях, и определяет империи как большие государства, состоящие из многих наций и поддерживаемые, в том числе, с помощью легитимного насилия. С этой точки зрения он признает империями и США, и Евросоюз, если он сформируется в качестве государства, и такие государства как, Китай, Индонезия и Россия, естественно, также. Его тезис заключается в том, что если империя распадается, то она становится добычей других империй, но сами империи не исчезают. Это пример того, как понимает ситуацию с империями современный английский ученый.

Второй тезис — есть ли либералы, которые считают Россию

империей и поддерживают эту идею. Такие либералы есть. Выступавший сегодня профессор Владимир Кантор, который был здесь очень хорошо представлен как один из выдающихся умов современности, написал книгу по этому поводу, где он доказывает, что Россия не может не быть империей, потому что в ней не сформировалась полностью гражданская нация, и если сильная государственная власть ослабевает, например, через принятие Вестминстерской системы, то она просто распадется на куски и станет добычей других империй. Это позиция современного российского либерала в отношении российской империи.

Третье — отношение к международному праву. Конечно, либералы должны уважать международное право. Однако что такое «международное право»? Вот как считает профессор Билл Бауринг из Лондонского университета: «Международное право находится в руинах после оккупации Ирака и Ливии». Можно добавить: «и Югославии». Есть такие современные либеральные империи, которые один день говорят о правах человека, потом забывают об этом. С международным правом не так все очевидно. Поэтому я бы сказал, что вопрос не в том, уважать международное право или нет, а в том, как его интерпретировать.

Четвертый вопрос. Если мы рассмотрим риторику современного политического режима России, то она, конечно, консервативна, здесь я вполне согласен, она во многом действительно опирается на сожаления, связанные с распадом Советского Союза как большого государства, но ведь она использует европейский и международный опыт. По крайней мере, министр иностранных дел России ссылается при этом на позицию Маргарэт Тэтчер в отношении Фолклендских островов, на позицию Рональда Рейгана в отношении Гренады и Панамы, имеется в виду интервенция, и на позицию Франции в отношении Каледонских островов: когда они провели референдум о независимости, Франция один островок все-таки себе оставила. Я напомню также о большой дискуссии, которая идет в США и Англии, я присутствовал на этой дискуссии, в отношении точечных убийств. Имеется в виду, что

оппонентов современных европейских государств — лидеров терроризма — предполагается уничтожать на территории других государств. Причем это могут быть граждане соответствующих европейских стран. Здесь очень трудно найти правовое обоснование. Фактически, это технологическое решение. Я имею в виду не только Бен Ладена, но и многих других.

Последний вопрос — как это все перевести с позиций идеализма на позиции реализма. Представим себе ситуацию, что партия ЯБЛОКО пришла к власти. Как она могла бы реагировать на ситуацию, при которой в соседней стране спонсируемый извне переворот привел к власти совершенно антироссийский режим, который нарушает права человека, в том числе права русских, массированно, с помощью убийств. При этом заявляет о своей приверженности к европейским ценностям. Я думаю, что, как минимум, партия ЯБЛОКО дистанцировалась бы от такого режима, а как максимум подумала бы, как этот режим остановить. В целом я хотел бы сформулировать проблему. Есть, конечно, идеалистическое представление о либерализме. И есть проблема соотношения либеральных ценностей и реальной политики. Каким образом перевести идеалы на язык реальной политики, никто не знает. Но, я думаю, это тема отдельной самостоятельной дискуссии, которая чрезвычайно важна для партии ЯБЛОКО, если она хочет обсуждать не только идеи, но и политические действия.

Татьяна Ворожейкина: Мне поступило несколько комментариев, я признательна их авторам.

Первый комментарий Бориса Вишневого относительно того, что я назвала редуцированием демократического проекта к рыночному, я повторяюсь — именно к рыночному, к экономическому. Об этом экономоцентризме говорила Ольга Малинова, я в этом смысле с ней солидарна. Борис Вишневецкий сказал, что на самом деле имело место не редуцирование, а сознательное ограничение демократических институтов во имя проведения экономических реформ. В принципе, я согласна с этим. Но я думаю, речь шла о

том, что демократические институты рассматривались реформаторами (это видно из текстов Егора Гайдара) как вторичные, как производные от рыночных реформ. В 1993 году выяснилось, что это сталкивающиеся ценности. (На эту тему существует много литературы, основанной на латиноамериканском и восточноевропейском опыте.) Здесь достаточно сложная связь. Демократическая реформа, реформа государства, которая замедляет проведение рыночной трансформации, оказывается, в конечном счете, более эффективной (если сравнивать Россию и Польшу — это очевидно) и с точки зрения становления рынка, и с точки зрения демократической трансформации.

Второй комментарий касается реплики Сергея Григорова. К сожалению, я вынуждена Ваш комплимент, Сергей, отвести, потому что я не говорила о становлении режима. Я говорила об обществе, почему оно поддержало этот разворот против Украины. Если смотреть на это как на тенденцию, то в 2013 году большинство россиян не считали украинцев своими врагами. А сейчас власть сказала, что это — враги, и российские граждане ее поддержали. Не пережитый, не осмысленный обществом и, прежде всего, его интеллектуалами распад Советского Союза, остающийся почти четверть века незаживающей травмой, имперский ресентимент сыграли роль плодотворной почвы, на которой это возникло. Я согласна с Вашей интерпретацией, что агрессия в Украине порождена внутренними потребностями самосохранения власти в России, с этим я не спорю. Я хочу понять, однако, почему общество это поддержало.

Андрей Медушевский, я очень признательна за Ваши комментарии, потому что это действительно реальные проблемы. Первое: мне кажется, что представление о том, что все крупные государства являются империями, — это неоправданно расширительное толкование. Я думаю, что российская империя, затем трансформированная в Советский Союз, — это образование, принадлежащее к прошлому, скорее, к девятнадцатому веку. Для меня уже в девяностом году, когда кризис стал очевиден, было ясно, что это

образование распадется. Я знакома с книгой Владимира Кантора. Идея о том, что Россия не может не быть империей мне лично (я не буду называть ее ошибочной) глубоко чужда. Более того, я не думаю, что имперец может считаться либералом в современном смысле слова. Извините за это. Хотя я понимаю, что есть очень интересная тема для дискуссии — положения меньшинств в распавшихся империях. Очень малоизвестный, к сожалению, фильм Иштвана Сабо «Вкус солнечного света» (наверняка о нем здесь никто не слышал) рассказывает о трех поколениях еврейской семьи в Будапеште — при империи, при национальном хортистском государстве и при социалистическом режиме. Вот это действительно очень убедительная апология империи. Для меньшинств, которые вынуждены выживать в распадающихся империях, превращающихся в национальные государства, это очень тяжелая ситуация. Тем не менее, если говорить о российской империи, я думаю, что российское имперское чувство неотделимо от русского шовинизма. И мы это сейчас видим. Ведь на самом деле то, что делает власть, по сути дела, провоцируя этнический национализм, подрывает империю. Когда ставится лозунг «защиты русских», это разрушает российскую имперскую традицию, как она существовала и в дореволюционной, и в послереволюционной власти. Я думаю, это закономерная эволюция. Разделить российский шовинизм и имперское чувство невозможно. И еще одно. Иосиф Зисельс, очень интересный исследователь и глава еврейской общины в Киеве, сформулировал эту черту следующим образом: «Когда распался Советский Союз, мы радовались, потому что для нас это был путь к свободе. Для вас (он обращался к россиянам) это была травма, потому что вы потеряли великую страну». Я думаю, это именно то, что я назвала ресентиментом.

Что касается очень важной темы отношения к международному праву, с моей точки зрения, то обстоятельство, что Соединенные Штаты в нарушение международного права вторгались на Гренаду, в Панаму, Ирак, Ливию и другие места, ни в коей мере не означает, что так следует действовать всем. В 2008 году сразу

после войны с Грузией мне приходилось очень жестко дискутировать в США. Мой тезис заключался в следующем: поддержав отделение Косово, а для этого вроде были серьезные гуманитарные основания, именно Соединенные Штаты и Европа разрушили существовавший миропорядок и дали путинскому режиму предлог для того, чтобы на тех же самых основаниях разрушать Грузию. Я никогда не поддерживала интервенцию ни в Ираке, ни тем более на Гренаде и в Панаме. В этом смысле моя личная позиция заключается в том, что это ни в коей мере не дает нам основания вести себя так же, если мы считаем себя либералами.

И относительно интерпретации украинских событий. Я не согласна с той интерпретацией, которую Вы представили. Я очень пристально следила за событиями на Майдане, начиная с 30 ноября — с первого выхода людей на площадь. На мой взгляд, никакого внешнего спонсирования там не было, это была реакция людей, реакция гражданского общества, которое больше не хотело соглашаться с авторитарным коррумпированным режимом. Не было там и ущемления прав русских. Поэтому я считаю эти предлоги фальшивыми, это выдуманно путинской пропагандой. Я могу на собственном опыте сказать, ограничиваясь Киевом конца апреля: я ходила по городу, говорила по-русски, спрашивала людей — ни малейшей тени агрессии ко мне как к русскоговорящей, более того, человеку с московским акцентом не было. Я думаю, это все выдуманно.

И последнее. Вы поставили очень важный вопрос соотношения либеральных ценностей и реальной политики. Это самый сложный и трагический вопрос. И проблема с Исламским государством, ИГИЛ, ставит его открыто: где тот предел, когда либеральные ценности могут быть ограничены целями реальной политики? Мне приходилось на Западе, в частности, в Великобритании, много об этом спорить. Для меня этот вопрос встал, когда мне доказывали, что разрушение Югославии — это гуманитарная политика, потому что там действительно происходило уничтожение боснийцев, косоваров, и поэтому нужно было бомбить Сербию. Но когда те же

вещи в гораздо больших масштабах происходили в Чечне, никто не говорил об этом, собственно, по единственному основанию — потому что Россия обладает ядерным оружием. Это единственное, что отличало Россию от Сербии, кроме масштабов уничтожения чеченцев. Я думаю, это действительно открытая проблема, и она должна обсуждаться.

Эмиль Киржач: Хотел бы прояснить одну вещь. Татьяна, Вы сказали, что Вы против вторжения в Ирак и в другие страны потому, что Вы — либерал. Но это значит, что Вы против доктрины защиты государств и народов при необходимости.

Татьяна Ворожейкина: Нет, я не против этой доктрины. Но я считаю, что это проблема. Потому что есть различные точки зрения на военное вмешательство в Ирак. Для меня было очевидно, что США и администрация Буша просто искали причину, по которой можно было бы вмешаться: сначала ядерное оружие, потом химическое оружие, потом то, что Ирак не является демократическим, что его правительство нарушало права человека. То есть в порядке приоритетов сначала шло вмешательство и только затем его обоснование. Что касается российского вторжения в Украину, я считаю, что мы должны взять на себя эту ответственность. В 1994 и 1997 годах были подписаны государственные соглашения, в которых Россия подтвердила, что Крым является частью Украины. Вместе с тем я не думаю, что то, что происходит в Восточной Украине, — это гражданская война. Я считаю, что это конфликт, который поощряется Россией извне. Это наша ответственность. Я не хочу сказать, что это простой вопрос, но прозвучавший здесь тезис господина Экмана мне кажется абсолютно правильным: «Международное право должно толковаться одинаково в отношении любой страны». Это и моя позиция.

Юрий Коргунюк

Политические и электоральные размежевания на выборах в российских регионах (2012-2014 гг.)

Я надеюсь, что сидящие здесь имеют какое-то представление о концепции размежеваний Липсета Роккана. Если кто-то не знает, это не так уж и важно. Вся политическая жизнь состоит из размежеваний. Человек приходит на выборы, отдает предпочтение одному кандидату или партии и отвергает другую, и в результате получается размежевание. В последнее время в политической науке много разговоров о том, что концепция размежеваний уже не работает. На мой взгляд, в старом виде она, может быть, и не работает, но как методологический инструмент — вполне. Например, электоральное размежевание можно увидеть, если подвергнуть результаты выборов факторному анализу.

Вот результаты факторного анализа думских выборов 2011 года. Мы видим два фактора (размежевания): первый «Единая Россия» против всех», второй «Правое дело» и ЯБЛОКО против КПрФ и ЛДПР» (рис. 1 и 2).

Основное размежевание на думских выборах 2011 г. (59,35% объясненной вариации)

Рис. 1

Второе размежевание на думских выборах 2011 г. (13,03% объясненной вариации)

Рис.2

В принципе для любого политолога интуитивно понятно, что «Единая Россия» против всех» — это власть против «не-власти», а в более широком смысле «власть против общественности». Ну а «Правое дело» и ЯБЛОКО против КПРФ» — это либералы-рыночники против социал-патерналистов, «самобытников».

Но то, что очевидно политологу, не всегда очевидно простому человеку, и один раз один американец срезал меня вопросом: «А почему вы интерпретируете это именно таким образом?».

И я понял, что всё это еще нуждается в доказательстве. С этой целью я подверг анализу предвыборную агитацию различных партий на выборах, выделил вопросы, по которым велась главная дискуссия, обозначил позицию каждой партии на шкале от минус пяти до плюс пяти, подверг эти цифры факторному анализу, и получилась такая картина. Были выделены три размежевания. Первое размежевание я обозначил как «эгалитаристы-патерналисты против либералов-рыночников» (рис. 3, табл. 1). Третье размежевание касается монопольного положения «Единой России» — это размежевание авторитарно-демократическое (рис. 4, табл. 2).

А находящееся между ними второе размежевание — системное, оно содержит в себе вопросы из первого и второго и указывает на расстановку сил относительно вектора развития страны (рис. 5, табл. 3).

Первый фактор политического размежевания между участниками думских выборов 2011 г.

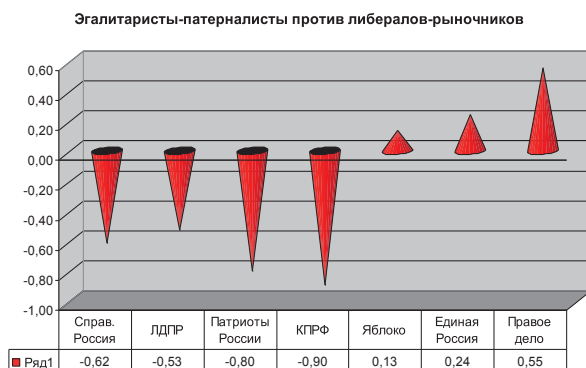

Рис. 3

Табл. 1

Основные пункты размежевания между участниками выборов 2011 г. по 1-му фактору

Factor scores	Позиция	СР	ЛДПР	ПР	КПРФ	Яблоко	ЕР	ПД
-1,33	Введение прогрессивного подоходного налога и налога на роскошь	5	5	5	5	-5	-4	-4
-1,19	Бесплатность образования и медицинского обслуживания	5	5	5	5	3	-3	-4
-1,05	Направление средств резервных фондов на бюджетные расходы	5	5	5	5	-1	-5	0
...
1,73	Отношение к Путину	-3	-3	0	-5	-4	5	2
1,85	Отказ от призыва и переход к контрактной армии	-5	5	-5	-5	5	-5	4
2,01	Возвращение к выборам по одномандатным округам	2	-5	-5	-5	0	0	4
2,05	Вступление в ВТО	0	-5	-2	-4	5	5	5
2,34	Повышение пенсионного возраста	-5	-5	-5	-5	-5	-3	4

Рис. 4

Третий фактор политического размежевания между участниками думских выборов 2011 г.

Табл. 2

Основные пункты размежевания между участниками выборов 2011 г. по 3-му фактору

Factor scores	Позиция	СР	ЛДПР	ПР	КПРФ	Яблоко	ЕР	ПД
-1,51	Отказ от призыва и переход к контрактной армии	-5	5	-5	-5	5	-5	4
-1,28	Отказ от накопительной пенсионной системы, возвращение к распределительной	5	-1	-4	4	-5	-4	-5
-1,14	Нарушение властью избирательного законодательства	5	5	0	5	5	-5	1
...
1,55	Расширение применения нормы о конфискации имущества	5	5	5	5	-4	2	0
1,59	Интеграция на постсоветском пространстве	3	5	4	4	2	3	-2
1,70	Вступление в ВТО	0	-5	-2	-4	5	5	5
1,83	Введение ответственности за пропаганду гомосексуализма	2	-3	4	5	-5	3	0
2,03	Отношение к Путину	-3	-3	0	-5	-4	5	2

Рис. 5

Второй фактор политического размежевания между участниками думских выборов 2011 г.

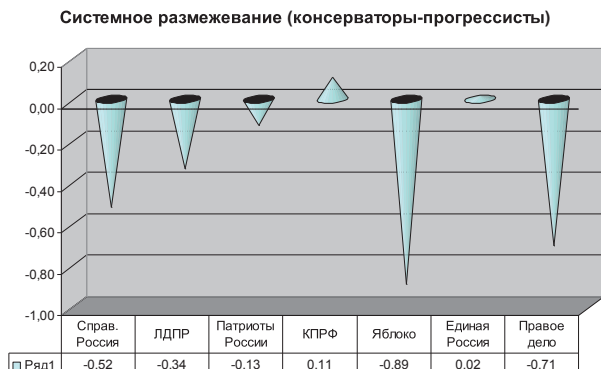

Табл. 3

После изучения партийной агитации на всех выборах, начинаются основные пункты размежевания между участниками выборов 2011 г. по 2-му фактору

Factor scores	Позиция	СР	ЛДПР	ПР	КПРФ	Яблоко	ЕР	ПД
-1,65	Ратификация ст.20 Международной конвенции по борьбе с коррупцией	5	5	5	5	5	-2	5
-1,62	Отмена мигалок	5	4	0	-3	5	-4	5
-1,56	Восстановление реальных выборов, расширение политической конкуренции	5	3	5	5	5	-4	5
...
1,20	Национализация	3	0	4	4	-5	-3	-5
1,26	Отказ от накопительной пенсионной системы, возвращение к распределительной	5	-1	-4	4	-5	-4	-5
1,61	Возвращение смертной казни	-5	5	5	5	-5	-2	-5
1,89	Отмена частной собственности на землю	-3	-3	-3	4	-4	-4	-5
1,90	Отношение к советскому прошлому	-3	-4	5	5	-5	-3	-5

ная с 1993 года и заканчивая 2011-м, выяснилось, что три политических размежевания — это константа. На всех выборах первое размежевание — это «либералы-рыночники против социал-патер-

налистов» (так называемое «социально-экономическое размежевание», господствующее сегодня во всем западном мире), второе — системное, третье — авторитарно-демократическое. Единственное исключение составил 1993 год, когда системное и социально-экономическое размежевания поменялись местами. Но это было не странно, так как в это время наиболее остро стоял вопрос: «Вы за реформы или против реформ», и, вполне возможно, этим и объяснялся выход системного размежевания на первый план.

Когда я стал анализировать итоги региональных выборов 2012, 2013, 2014 годов, я удивился тому, как изменилась иерархия размежеваний. В 2012 г. на первое место вышло не социально-экономическое размежевание, а «власть против оппозиции» («Единая Россия» против всех») (рис. 6, табл. 4). Второе размежевание — «коммунисты против либералов» (рис. 7, табл. 5). Третье размежевание — «консерваторы против либералов» (рис. 8, табл. 6). Получилось, что третье размежевание вдруг вышло на первый план, а остальные размежевания опустились в иерархии на ступеньку ниже. Примерно то же самое произошло потом на выборах 2013 года.

Рис. 6

Первый фактор политического размежевания между участниками региональных выборов 2012 г. (40,2%)

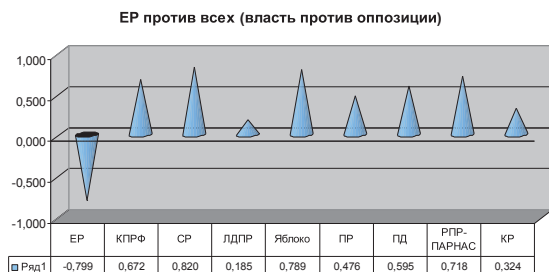

Табл. 4

Основные пункты размежевания между участниками выборов 2012 г. по 1-му фактору

Factor scores		ЕР	КПРФ	СР	Яблоко	ПД	РПР-ПАРНАС
-1,737	Криминализация статьи о клевете	5	-5	-5	-5	-5	-5
-1,608	Введение единого дня голосования в сентябре	5	-5	-5	-5	-5	-5
-1,505	Введение ограничений в интернете	3	-5	-5	-5	-5	-5
-1,361	Допустимость лишения депутатского мандата простым большинством голосов	4	-5	-5	-5	-1	-5
...	...						
1,394	Расширение полномочий парламента	-5	5	5	4	4	5
1,490	Капремонт не должен осуществляться за счет средств собственников жилья	-5	5	5	5	5	0
1,602	Власть создаёт своим протеже односторонние преимущества на выборах	-5	5	5	5	5	5
1,709	Отмена муниципального фильтра	-5	5	5	5	5	5

Второй фактор политического размежевания между участниками региональных выборов 2012 г. (20,6%)

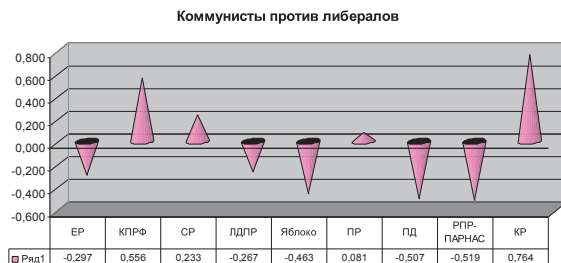

Рис. 7

Табл. 5

Основные пункты размежевания между участниками выборов 2012 г. по 2-му фактору

Factor scores		КПРФ	Яблоко	ПД	РПР-ПАРНАС	Коммунисты России
-2,909	Рыночная экономика эффективнее плановой	-5	5	5	5	-5
-1,373	Введение ювенальной юстиции	-5	0	0	0	0
-1,154	Правдивость "Анатомии протеста - 2"	-5	-1	0	-5	0
-1,034	Главная политическая проблема - монополия на власть	5	5	5	5	0
...
1,512	Отношение к Ленину	5	-5	-5	-5	5
1,580	Национализация минерально-сырьевого сектора и стратегических отраслей	5	-5	-5	-5	5
1,583	Возвращение к прогрессивному подоходному налогу	5	-5	-5	-5	5
1,622	Отношение к Октябрю 1917 г.	5	-5	-5	-5	5

Третий фактор политического размежевания между участниками региональных выборов 2012 г. (17,6%)

Рис. 8

Табл. 6

Основные пункты размежевания между участниками выборов 2012 г. по 3-му фактору

Factor scores		ЛДПР	Яблоко	ПР	РПР-ПАРНАС
-1,425	Принятие закона о защите чувств верующих	5	-5	3	-5
-1,401	Ужесточение миграционной политики	5	-4	5	-4
-1,280	Приоритет евразийской интеграции перед интеграцией с Европой	5	-5	4	-5
-1,188	Направление средств резервных фондов в промышленность	5	-1	5	-5
...
1,342	Отношение к Октябрю 1917 г.	-5	-5	0	-5
1,955	Прекратить уголовное преследование участниц Pussy Riot	-4	5	0	5
2,216	Отношение к тезису о сращивании Церкви с государством в РФ	-5	5	0	3
2,678	Досрочные выборы парламента и президента	-5	2	-4	5

Чем может быть объяснено такое изменение иерархии политических размежеваний по сравнению с думскими выборами 2011 г.? На мой взгляд, дело в том, что даже на региональных выборах повестка дня при голосовании по партийным спискам может быть только федеральной. Ведь если взять региональную партийную агитацию, то по ней невозможно отличить «единоросса» от коммуниста. Все говорят примерно об одном и том же, все предлагают примерно одни и те же меры. Поэтому избирателям при голосовании по пропорциональной системе приходится ориентироваться на федеральную повестку дня, на то, что говорят партийные лидеры национального уровня.

А федеральная повестка во время региональных избирательных кампаний находится в «недомобилизованном» состоянии. Если во время федеральных избирательных кампаний партии мобилизуют все силы, вытаскивают все свои козыри, пытаются обыграть самые выгодные для себя вопросы, то во время региональных избирательных кампаний они живут в обычном режиме: на первый план выходит текучка, и главным в этой текучке явля-

ется, как выяснилось, перетягивание каната с «Единой Россией». Сейчас я уже не убежден, что дело только в этом — у меня складывается ощущение что происходит какой-то действительно очень большой сдвиг в сторону схлопывания политической повестки дня, сведения всех политических измерений к одному.

Теперь посмотрим на выборы 2014 года. Ситуация изменилась очень сильно. Первым оказалось даже не авторитарно-демократическое размежевание, а системное — «империалисты» против «антиимпериалистов» (рис. 9). Все вопросы, как видите, вертятся вокруг Украины (табл. 7). Причем это размежевание объясняет почти половину дисперсии — 49%. Вся повестка дня в этом размежевании — украинская, и главные противостоящие друг другу силы здесь, с одной стороны, ЯБЛОКО, РПР-ПАРНАС, с другой — все остальные. У «Гражданской платформы» разве что несколько смазанная позиция, но она тоже вполне вписывается в тенденцию. Фактически либералы оказались единственными, кто не поддался имперской истерии, которые понимают, что за всё нужно платить и что этот Крым еще дорог нам обойдется. Все же остальные оказались на «империалистической» стороне.

Первый фактор политического размежевания между участниками региональных выборов 2014 г. (49%)

Рис. 9

Табл. 7

Основные пункты размежевания между участниками выборов 2014 г. по 1-му фактору

Factor scores		ЕР	КПРФ	СР	ЛДПР	Ябл о	ПР	РПР-ПАРНАС	РЭПЗ	КР	ГП	Родина
-2,235	Российское руководство ведет необъявленную войну против Украины	-5	-5	-5	-5	5	-5	5	-5	-5	0	-5
-2,235	Телевидение дезинформирует россиян о событиях на Украине	-5	-5	-5	-5	5	-5	5	-5	-5	0	-5
-2,235	Курс на конфликт с Западом противоречит национальным интересам России	-5	-5	-5	-5	5	-5	5	-5	-5	0	-5
-2,176	Присоединение к России Крыма незаконно	-5	-5	-5	-5	5	-5	5	-5	-5	-4	-5
...							
1,056	Причина событий на Украине - происки Запада	5	5	5	5	-5	5	-5	0	5	0	5
1,200	Киевский режим осуществляет в Новороссии геноцид	5	5	5	5	-5	5	-5	4	5	0	5
1,221	Необходимость поддержки ДНР и ЛНР	5	5	5	5	-5	5	-5	5	5	1	5
1,296	Власть на Украине захватили фашисты	5	5	5	5	-5	5	-5	5	5	-4	5

Второе, размежевание (авторитарно-демократическое) сместилось на второе место (рис. 10, табл. 8). А на долю третьего размежевания (социально-экономического), которое всегда было первым, пришлось всего 11% дисперсии (рис. 11, таб. 9). Это довольно-таки мало.

Второй фактор политического размежевания между участниками региональных выборов 2014 г. (18,7%)

Авторитаристы-демократы

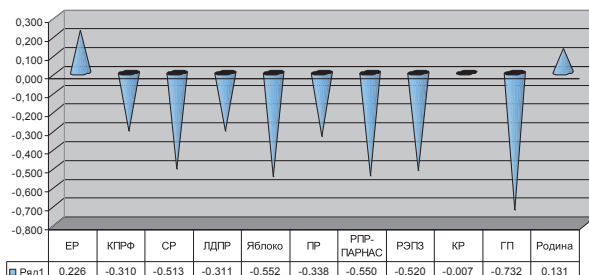

Рис. 10

Табл. 8

Основные пункты размежевания между участниками выборов 2014 г. по 2-му фактору

Factor scores		ЕР	КПРФ	СР	ЛДПР	Яблочно	ПР	РПР-ПАРНАС	РЭПЗ	КР	ГП	Родина
-2,055	Необходимость отмены муниципального фильтра на губернаторских выборах	-4	5	5	5	5	0	5	5	-1	5	-3
-1,786	Перенос Единого дня голосования на более позднее время	-5	5	5	5	5	5	5	0	0	5	0
-1,599	Власть использует на выборах административный ресурс	-5	5	4	4	5	3	5	0	2	5	-1
-1,573	Перераспределение налогов в пользу регионов	-3	5	4	5	5	5	5	0	0	4	0
...
1,044	Курс на конфликт с Западом противоречит национальным интересам России	-5	-5	-5	-5	5	-5	5	-5	-5	0	-5
1,103	Отказ от обязательной накопительной пенсии	0	5	4	-5	-5	-2	-5	0	0	-5	-5
1,412	Присоединение к России Крыма незаконно	-5	-5	-5	-5	5	-5	5	-5	-5	-4	-5
1,722	Отношение к новой реформе МСУ	5	-5	-5	5	-5	4	-5	0	0	-5	5

Третий фактор политического размежевания между участниками региональных выборов 2014 г. (11,6%)

Либералы-рыночники против социал-патерналистов

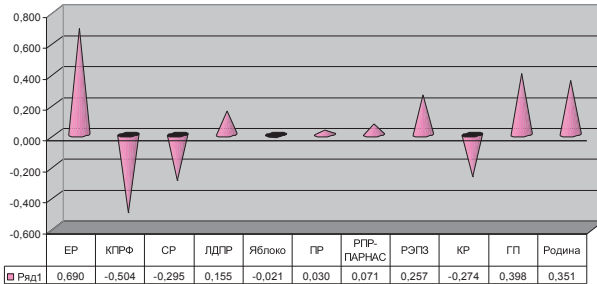

Рис. 11

Таб. 9

Основные пункты размежевания между участниками выборов 2014 г. по 3-му фактору

Factor scores		ЕР	КП РФ	СР	ЛД ПР	ЯБ лок о	ПР	РП Р- ПА РН АС	РЭ ПЗ	КР	ГП	Ро ди на
-1,496	Госрегулирование цен на продовольственные товары первой необходимости	-4	5	4	-5	-5	4	-5	0	5	-5	0
-1,454	Вернуть госмонополию на производство этилового спирта и табака	-4	5	5	-1	-4	2	-5	0	5	-5	0
-1,325	Возврат к смешанной системе выборов в Госдуму вреден	-5	5	0	5	-3	0	-5	0	3	-5	-5
-1,247	Необходимо отменить бюджетное правило	-4	5	5	5	0	4	-3	0	5	-5	0
...
1,135	Необходимость поддержки ДНР и ЛНР	5	5	5	5	-5	5	-5	5	5	1	5
1,431	Решение Гаагского суда по делу ЮКОСа – политический заказ	5	5	-4	5	-5	1	-5	0	1	0	5
2,198	Отношение к новой реформе МСУ	5	-5	-5	5	-5	4	-5	0	0	-5	5
2,832	Отношение к трикопору	5	-5	5	1	5	5	5	5	-3	5	4

Сегодня мы живём при совсем другой повестке дня, чем ещё год назад, и, мне кажется, эти изменения в какой-то мере необратимы. Украинский вопрос — это что-то вроде опухоли. А опухоль если и рассосется, то оставит очень тяжелые последствия для здоровья. Самое главное, что тематика доминирующего сейчас политического размежевания не совсем естественна, она была навязана обществу — до этого у России не было ни крымского, ни украинского вопроса, а сейчас появился и тот и другой, и так просто их со сцены не убрать. Это примерно как при езде на грузовике: можно резко повернуть и влево, и вправо, но не факт, что потом этот маневр можно будет отыграть. Я боюсь, что мы съехали в глубокий кювет, из которого не так просто выбраться. В принципе я не берусь предсказывать, как будет развиваться ситуация дальше, но мне кажется, что ход событий ускорится. То, что произошло в пространстве политических размежеваний, так просто уже не отыграть.

Ответы на вопросы.

Борис Мисник: У меня вопрос к профессору Коргунюку по его высказыванию о том, что мы несколько неожиданно свернули в кювет с украинскими и крымскими событиями и не знаем, как оттуда выбраться. В этой связи я хотел бы сказать, что подобный поворот не кажется неожиданным для тех, кто следит за нашей политикой достаточно длительное время. Когда 15 лет назад генерал Варенников докладывал в Думе о желании присвоить статус участников боевых действий нашим военнослужащим, он назвал цифру в 49 военных конфликтов, в которых вооруженные представители Советского Союза принимали участие. Тогда меня это поразило: после Второй мировой войны в 49 вооруженных конфликтах участвовали советские военнослужащие. Затем мы воевали в Египте, Афганистане, Таджикистане, Чечне, Абхазии, Южной Осетии, и это все происходило не просто так, это происходило, в том числе, потому что определенная часть российской элиты видела, что подобного рода решение вопросов допустимо.

Как сказал Борис Вишневский, нам ничего не было за то, что мы сделали в Абхазии, тем более нам ничего не было за то, что мы воевали в Южной Осетии. И тогда почему бы в нужный момент не сделать то же самое с Крымом, а затем с Юго-Восточной Украиной. Вы говорили о том что, у нас не было проблемы ни с Крымом, ни с юго-востоком Украины, это проблемы, рожденные представителями властной элиты. Поэтому подобный поворот, я считаю, был не неожиданным, и он тем более опасен тем, что развитие событий в нашей стране, в том числе привлечение к государственной пропаганде таких лиц, как Проханов, Жириновский (если вы видели политические новости по Украине на центральных каналах). К кому поехал Путин на первый визит — в Казахстан к Назарбаеву. Вы понимаете, кто такой Назарбаев, кто ближайший друг на Западе — Лукашенко; а вы знаете что сделал со своей оппозицией Лукашенко. И наши коллеги во власти думают: почему бы и нам так не поступить? И я думаю, что этот поворот нельзя рассматривать как неожиданный, а как логическое завершение на-

шей властной элиты, стремящейся вернуть имперское советское сознание и привычку разрешать вопросы вот таким силовым военным путем.

Юрий Коргунок: Я не спорю, что ничего неожиданного в действиях Путина нет. Более того, если всё это рассматривать в международной перспективе, то мы обнаружим, что на каком-то этапе многие авторитарные режимы срывались во внешнеполитические авантюры с целью укрепления своего внутреннего положения. Но в том-то и дело, что это всегда были авантюры, они практически всегда были самоубийственными для режимов и редко сходили им с рук. Присоединение Крыма дает весьма эфемерные плюсы для одного человека и довольно долгосрочные вредные последствия для страны в целом. Путин, кем бы его не считать, все-таки не дурак, и всё это он должен был просчитать. Но, как выяснилось, даже у умных людей, особенно развращенных абсолютной властью, в какой-то момент в голове что-то смыкается, и они приходят к выводу, что мы живем не в XXI, а в XVIII веке и поэтому можно безнаказанно забрать территорию у другого государства, и всё будет нормально. Не будет нормально! Если бы он слушал других людей (советников, но не тех, кого он собрал), он просчитал бы все эти последствия. Но почему-то не просчитывает. В этом плане ситуация действительно неожиданная, и что тут еще важно, так это то, что этот шаг уже невозможно никак отыграть. Даже если мы сейчас вернем Крым, на этом месте ничего не закончится, на этом месте только начнутся главные неприятности. Вернее, они начались и будут продолжаться дальше, просто это шаг, после которого практически невозможно повернуть назад. Вот почему он выглядит таким неожиданным.

Что ещё касается структуры размежеваний, то это вещь довольно инерционная: её сложно изменить каким-то одним движением. Но Путину каким-то образом удалось коренным образом поменять все политическое пространство. Но именно таких шагов всегда нужно опасаться, потому что когда политическое

пространство изменяется кардинально — это имеет массу непредсказуемых последствий, а непредсказуемость в данном случае — синоним вредности. Я имею в виду, что действия Путина было трудно просчитать, так как с позиции здравого смысла то, что он сделал, делать нельзя. Но он сделал.

Борис Вишневский: Было уже такое, ровно такое было. Когда была кардинально изменена вся система предпочтений и все размежевание прошло по одному вектору. Это Думские выборы 1999 года, размежевание проходило по линии Второй войны в Чечне, ее поддержке, отношению к Путину, и тогда, к сожалению, на той стороне баррикады в той же ситуации массовой истерики и милитаристского психоза оказалось только одна политическая партия, которую я имею честь представлять, и та, которая является одним из организаторов этого мероприятия. Все остальные, включая Союз правых сил, были там. Помните: Путина — в президенты, Кириенко — в Думу, в Чечне возрождается российская армия, и тогда этот фактор был определяющим на выборах. ЯБЛОКО тогда очень много потеряло на своей антивоенной позиции, но тогда как раз социально-экономическое расслоение отошло на второй план, а на первый план вышло отношение к военной операции в Чечне и лично к Путину. Поэтому мне кажется, что некий аналог уже был, с тех пор ситуаций аналогичной остроты видимо не было, поэтому на первый план вернулись вопросы социально-экономические, разница между либералами и консерваторами и проч. Вот сейчас мы наблюдаем эту ситуацию, причем в пропагандистом плане чудовищно увеличенную в несколько раз, было очень много общих черт.

Юрий Коргунюк: Борис Лазаревич, как член партии ЯБЛОКО, был глубоко вовлечен во все эти события и воспринимал их эмоционально. Да и все вы, я думаю, воспринимали их эмоционально, но дело в том, что факторный анализ — вещь абсолютно не эмоциональная: он индифферентен к содержанию тех или иных

конкретных политических вопросов, он просто выявляет конфигурацию политического пространства: какие факторы ведущие, какие — не ведущие. Так вот, с точки зрения политической конфигурации в 1999 году ничего не изменилось по сравнению с предыдущими годами: точно так же первое размежевание было социально экономическим, второе — системным, третье — авторитарно-демократическим. Да, вопрос Чечни в этих размежеваниях присутствовал — как составная часть авторитарно-демократического и системного размежеваний, но не на ведущих местах, а лишь как один из элементов.

Выборы 1999 года были интересны совершенно другим: это был единственный случай, когда структура политических размежеваний совершенно не совпала со структурой электоральных размежеваний. Дело в том, что главные соперники на этих выборах не были политическими оппонентами. Столкнулись две «партии власти»: «Отечество — вся Россия» и «Единство». Если мы сравним их программы и предвыборную агитацию, то они практически ничем не отличались друг от друга. Во всех трех размежеваниях позиции этих организаций находились рядом друг с другом. И их абсолютно неполитизированная, межклановая борьба нарушила связь между политическим и электоральным пространством, разбила все стереотипы. Потом, когда административный вопрос получил свое идеологическое освещение в лице культа Путина, картина вновь восстановилась. «За» или «против» Путина стало «за» или «против» демократии, и электоральные размежевания стали вновь коррелировать с политическими. 1999-й же год был совершенно особым случаем.

Сатка Хаджарпасич

Либерализм в обществах, переживающих переходный период, на примере республик бывшей Югославии

Сегодня мы собрались для того, чтобы обсудить либеральные ценности с разных точек зрения, на разных уровнях. Но враг у нас один. Это консервативные тенденции в политической жизни Европы.

Я бы хотела немного рассказать об истории либеральной партии и общества Черногории. Первый либеральный альянс был основан в начале 1990-х годов. Это было движение против войны. Мы получили поддержку от всех партий, представляющих меньшинства. К сожалению, мы не могли предотвратить войну в Югославии, но мы смогли отразить голос тех, кто стремился к стабильности и миру на Балканах. Чуть позже Либеральный альянс начал терять свою поддержку и в 2004 г. перестал существовать. Лидер Либерального альянса решил «заморозить» функционирование партии, объяснив это следующим образом: «Пока не существует условий для активной политической деятельности в Черногории». Однако отдельная фракция решила продолжать борьбу за либеральные ценности и идеи, и в 2004–2005 гг. была основана Либеральная партия. С тех пор мы участвовали в двух выборах. В 2009 г. мы проиграли и не были представлены в парламенте, но в 2012 г. мы вернулись в парламент. Сегодня мы являемся частью коалиционного правительства Черногории.

Я хотела бы отметить отличительные черты Черногории. У нас за последние 25 лет во власти была правящая партия, фактически она же вела войны. Истеблишмент все тот же, ничего не поменялось. А мы сейчас уже готовы вступить в ЕС.

Относительно санкций: есть очень хороший пример того, как санкции действительно могут оказаться эффективными. Все зависит от силы государства и экономики. Мой пример — Сербия и Черногория. В самом начале 1990-х годов, когда Югославия начала

распадаться, ушли Словения и Хорватия, началась война, Босния пыталась уйти без войны. Но война продолжалась четыре года, при этом Черногория оставалась частью Сербии. Разумеется, международное сообщество наложило санкции на (тогда еще) Югославию, фактически — на Сербию и Черногорию. Кто пострадал? Всегда задается этот вопрос, и сегодня он задавался. Простые люди. Что затем произошло? В 1997 г. тогдашнее правительство Черногории решило, что они не могут гарантировать поддержку избирателей, если будут продолжать ту же политику, что и Слободан Милошевич. И тогда правительство изменило курс, они взяли курс на евроатлантическую интеграцию, интеграцию с ЕС. Люди были не удовлетворены, они решили сменить власть, сменить Слободана Милошевича. Это — пример того, как санкции действительно могут в некоторых странах привести к положительным последствиям.

Что касается либерализма в бывших югославских республиках, не могу сказать, что бывшие республики Югославии стали плодотворной почвой для либеральных идей. Но с другой стороны, я также не могу сказать, что либеральные идеи не победили. Необходимо учитывать, что лишь либеральные партии в начале 1990-х годов призывали к европейской интеграции и интеграции в евроатлантические организации. Сейчас у нас есть два отдельных государства: Словения и Хорватия, которые уже являются членами ЕС. Есть три страны-кандидата — Сербия, Босния и Черногория. Можно сказать, что наши идеи торжествовали, но смогли ли и мы быть такими же успешными, как и наши идеи? К сожалению, в Черногории это не так. Это не так и в Сербии, и в Македонии, и в Косово, в Словении и Хорватии. У них нет либералов в правительстве, но в Хорватии есть сильная либеральная партия, у них четыре министра в правительстве. И они влияют на ситуацию, как раз пытаются развивать демократические ценности. Но говоря о балканском регионе, мы все понимаем, что мир и стабильность стали повесткой дня в течение долгого времени. Даже сейчас, если мы посмотрим на ситуацию в Боснии, это по-прежнему страна со многими противоречиями, по-прежнему там есть проблемы с верховенством права.

Никита Соколов

Либерализм и русская культура. Проблема совместимости

В русском языке слово «либеральный» имеет очень много значений, в частности, одно из них — ругательное. Например, когда говорят о либеральных родителях, которые распускают своих детей. Моя краткая схема будет всего-навсего иллюстрацией к тому тезису, который заявил господин Кантор о том, что либерализм все время приобретает национальные формы и вне таковых немислим. Это совершенно справедливо, поскольку, на мой взгляд, либерализм чрезвычайно трудно поддается определению в качестве политологической или идеологической доктрины. По всей видимости (по крайней мере, в России) либерализм — это некая культурная позиция. При этом культуру я буду понимать не в смысле учреждений ведомства Министерства культуры или комплекса изящных искусств и развлечений, а в том смысле, как ее понимают антропологи со времен Эдуарда Бернетта Тейлора, т.е. наиболее общие принципы поведения людей, которые зафиксированы в таких нормативных знаковых системах, как религия, законы, обычаи, нравы и т.п. Понимая культуру таким образом, следует иметь в виду, что она — обязывающий механизм. Русский либерализм формируется в первой трети XIX века, ровно в то самое время, когда формируется национальная русская культура. Собственно первое действие русской нации — война 1812 года, она в патристическом лексиконе имеет выделенное знаковое место. Далее в борьбе за наследство 1812 года сталкиваются либеральные и консервативные трактовки, и здесь пути расходятся драматическим образом. Русская культура оформляется консервативной партией.

Я буду говорить только о той части национальной культуры, которая в первую очередь влияет на общественное и политическое поведение граждан, а именно об образе истории, который формируется в данном обществе, о том, кто герои этого общества, а кто — его злодеи, и какие способы действия в прошлом

эта нация одобряет, а какие способы действия считает недопустимыми, какие примеры недостойными подражания. Вот эта модель аккумулируется в некотором образе истории, вполне себе мифическом. Он преподается в школе, попадает в художественную литературу, в кино — в общем моделирует поведение людей в социуме в значительной степени. Наряду с другими областями культуры, разумеется.

Образ истории, сформулированный в России, был отформатирован консервативной партией. И в этой картине важнейшую роль играло самодержавие. Самодержавие есть спасение России, авторитарная власть — единственный доступный для России способ жизни, поскольку она постоянно окружена врагами. В древности — это дикие степняки, потом — немецкие крестоносцы, потом — поляки, потом — французы, сейчас, мы можем продолжить, — это американцы. Мы всегда «осажденная крепость», но раз мы «осажденная крепость», мы должны вручить все имеющиеся ресурсы коменданту и не вникать в его распоряжения, это просто потеря времени. Напротив, либеральная фракция и либеральная идеология в России оформлялись в борьбе с этим образом национальной культуры и образом национального прошлого. И в либеральной фракции русского общества победили чистые «западники», которые, напротив, отстаивали ту позицию, что в русской истории нет никакого основания для свободы, в русской истории нет ничего ценного, в русском прошлом нет никаких оснований для либерального поведения. Поэтому все должно быть забыто и отброшено, и мы должны целиком копировать европейские образцы, для того чтобы усовершенствоваться и догнать благоустроенных более нас соседей. Русский либерал оказался вынужден держаться позиции, в предельной форме заданной Петром Чаадаевым: «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от

нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды».

Эта коллизия привела к тому, что русский либерал перестал быть русским человеком с точки зрения носителя русской культуры. Один из героев романа Федора Достоевского «Идиот»: «русский либерал не есть русский либерал, а есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую». Русский человек не может быть либералом, поскольку в понятие «русскость» включена приверженность самодержавию, авторитарной власти и отказу от прав и свобод индивидуума и даже гарантий его личной независимости.

К семидесятым годам XIX века стало понятно, что либералы проигрывают схватку за общество именно по этой причине. Либеральные круги попытались принять массированную контратаку через земскую школу, на которую имели большое влияние, и через общественные организации, пытавшиеся реформатировать круг народного чтения, каковы были чрезвычайно влиятельны в 1980-е годы: Московский и Петербургский комитеты грамотности. Возникла довольно драматическая борьба. Правительство решительно задавило это движение, во-первых, изменив финансовую политику в пользу церковно-приходских школ и сократив бюджеты земских. А потом были просто прикрыты общественные институты, которые пытались влиять на круг чтения и пользовались довольно большим влиянием. Московский комитет грамотности был закрыт, деятельность Вольного экономического общества и состоявшего при нем Петербургского комитета грамотности — парализована в 1890-е годы. В результате к революции 1905 г. общество подошло в полной неготовности. Русские либералы оставались чужаками в русской неинтеллигентной среде, а русская история оставалась не пригодной для либерального употребления и для либерального будущего. Отчасти положение изменилось после революции 1905 года, когда был освобожден школьный курс, появился совершенно новый учебник истории

академика Сергея Федоровича Платонова, где в нашем прошлом обнаруживались свойственные всем европейским нациям ростки будущей свободы и было понятно – из какого русского прошлого можно было вырастить отечественный либерализм, но эти запоздалые попытки уже не имели успеха. Новые понятия просто не успели укорениться, и к кризису 1917 года страна подошла со слабым и неподдерживаемым нацией либеральным движением, что отчетливо обнаружилось на выборах в Учредительное собрание.

До тех пор, пока выборы в Государственные думы шли вполне искусственно, по куриям и под административным давлением, хотя и не столь значительным, как нынче, либералы в них попадали. Просто вследствие куриального устройства этих выборов. Как только были объявлены полностью демократические выборы, единственные в нашей истории безупречные, в Учредительное собрание, тут либералы проиграли с треском. Народ отказался от либеральной идеи, с которой не был знаком, в пользу правого и левого социализма. Мне кажется, что этот опыт должен бы послужить предостережением не только для российских либералов в настоящем, которые сейчас испытывают примерно те же трудности, и вообще для европейского либерального движения, поскольку указывают нам на важность культурных механизмов, особенно для либерализма. Недочет разнообразия культурных механизмов и их недостаточное использование особенно губительны для неавторитарных идеологий, какой является либеральная идеология, которая не имеет краткого курса, пантеона первоучителей, и в связи с этим должна опираться на более широкий ценностный консенсус. Вот, в частности, сегодня об этом говорилось, и это замечательный штрих, казалось бы, мелкий, но чрезвычайно важный: либералы всегда проигрывают в телешоу. Это неспроста. Либералы привыкли к рациональной аргументации, которая требует большего внимания, большей глубины от слушателя, и совершенно не рассчитана на телевизионные форматы. Надо что-то выдумывать.

Ответы на вопросы

Александр Гнездилов: Мой вопрос, может быть, прозвучит несколько дилетантски, тем не менее. Понятно, что в культуре очень трудно применить количественные показатели. Тем не менее, когда мы говорим, что консервативный тренд в русской культуре, например, Достоевский, упомянутый Вами, сумел оказаться близким, условно говоря, народу и обществу, а такие либералы, как, например, в XIX веке Тургенев — чем мы руководствуемся? И то же самое в сравнении проблем российской культуры с европейской культурой, ведь мы видим в итальянской культуре пример — Данунсо, в норвежской культуре есть пример Кнута Гамсуна и т.д.

Никита Соколов: Есть довольно точные, хотя и косвенные социологические данные. Они основаны на круге чтения. Немолчаливое большинство, которое не пишет мемуаров и публицистических статей, своей копеечкой голосует за то, что оно готово поддержать. Русский мужик на ярмарке в воскресенье покупал какую-нибудь дешевую книжечку, и вот по составу этой литературы, тому, за что мужик готов был платить собственную дорожную копейку, мы можем следить за тем, как менялся круг чтения русского крестьянина и как очень медленно в его среду начинают пробиваться либеральные идеи. Вы будете смеяться, но историки народного чтения считают, что довольно значительная, заметная часть проникновения либеральных идей в Россию наблюдается в 1900-е годы в связи с появлением американского детектива. Это звучит смешно, но на самом деле это — чистая правда. Потому что кто такой американский детектив? Тогда — это Нат Пинкертон. Это человек, который действует в одиночку, действует на грани фола, на грани легальности. Он действует на свой страх и риск, иногда — почти как бандит. И при этом он добивается реализации общественно ценных целей. Общественная справедливость торжествует благодаря одинокому герою. Это — типичный либеральный персонаж. И этот герой становится чрезвычайно популярен среди русских крестьян и русских гимназистов к 1913 году: гигантские

тиражи, т.е. либеральная идея подспудно начинает пробиваться. Но это не успело сформироваться и не было отрефлексировано просто потому, что Россия сорвалась с путей линейного развития, вступила в полосу бифуркации и неуравновешенного развития, и дело кончилось взрывом.

Борис Мисник: Меня заинтересовало Ваше высказывание о том, что либералы всегда проигрывают телевизионные шоу. У меня в связи с этим вопрос: Вы что, всерьез верите, что итоги телевизионного шоу определяются голосованием населения? Второе. У нас есть пример, когда утром при прямой передаче представитель нашей партии выигрывает голосование, которое идет в прямом эфире на Дальний Восток, а вечером, естественно, когда идет в повторе на Европейскую часть России, значит, он с треском проигрывает.

Никита Соколов: Я совершенно не говорю о современном российском телевидении, которое сплошь жульничество совершенно уже неприкрытое, но в те времена, когда оно не было таким жульническим, а сейчас мы можем сослаться на опыт украинского телевидения, вполне себе нецензурируемого, а еще мне доводилось — я преподавал в Финляндии и в Швеции — смотреть тамошние теледебаты — в те поры я понимал по-фински и по-шведски, это было 20 лет назад. На основе этих наблюдений я могу утверждать о неудобстве для либералов ТВ-форматов. Либерал — это человек не простых решений. Человек, который понимает сложность устройства социума. Ему приходится противостоять людям как правым крайним, так и левым, которые предлагают чрезвычайно простые решения, которые легко излагаются. Давайте всех суринамцев выгоним — все будет хорошо. Ну, ни один же либерал не может этого объяснить. А попытайтесь объяснить, почему не надо выгнать таджиков из Москвы или турок из Германии. Это займет некоторое время. Это потребует некоторых отсылок к опыту, теории и практикам, это надо долго объяснять. И это не броско, не наглядно.

6. Либеральные партии в современном партийном спектре: рост или снижение роли?

Эмиль Киржач

Национальная специфика либеральных партий

Спасибо за предоставленную возможность приехать на такую конференцию в Москву сейчас, когда доверие не просто подорвано, а исчезает, когда наступили такие времена, что все обсуждают — как нам «добиться успеха» в каких-то негативных действиях, а не в позитивных, причем доверие подорвано не между различными идеологическими лагерями, а даже между друзьями. Это присутствует и здесь; как вы все успели заметить, у нас за последние несколько часов проходили ожесточенные дискуссии, а также становится все заметнее на проходящих в мире международных конференциях.

Я здесь для того, чтобы выразить точку зрения примерно 100 партий — членов Либерального интернационала. Я выбрал для своего выступления тему национальной специфики. Но здесь я оказался в трудной ситуации, потому что для либералов понятия «нация» и «либерализм» являются слишком размытыми. Но если я сейчас начну говорить о либерализме и нациях, то, я думаю, мы плавно перетечем сразу же в еще одну конференцию и проведем в дискуссиях еще один день.

Либеральный интернационал представляет собой международную федерацию, которая включает в себя либеральные партии разных стран, т.е. организованные на национальном уровне. Но даже в этом случае мы должны понимать, что понятие «нация» трактуется по-разному разными партиями — членами Либерального интернационала. Наша организация

может похвастаться большим разнообразием, вы только что слышали выступления от представителей различных европейских либеральных партий.

Европа — это достаточно «компактный» регион с точки зрения идеологии и политики. Добавим сюда Латинскую Америку и Азию, у которых своя специфика; Африку, которая все еще страдает от постколониальных «травм»; Австралию, где совершенно другие политические приоритеты, а затем и США, которые упоминались сегодня уже много раз. Если вы все это совместите, то поймете, что управление такой глобальной либеральной сетью является вызовом само по себе. Либералы живут в очень сложном мире, в разной национальной специфике, поэтому они проводят разную политику и часто имеют разные взгляды на одну и ту же проблему.

Сегодня прозвучали разные точки зрения в отношении санкций от разных партий — членов АЛДЕ: от представителей Великобритании и Германии, и в этом нет ничего удивительного. Такое часто происходит в Либеральном интернационале, мы садимся за стол переговоров и обсуждаем, иногда очень горячо, как можно решить мировые проблемы. Но мы никогда не обсуждаем либеральные принципы, потому что это аксиома для нас, и один из самых главных принципов — это верховенство права.

Как только мы договорились о базовых ценностях и принципах, мы должны их уважать, и это как раз то, что отличает либералов от других течений и партий. Мы, например, никогда не можем сказать, что вам надо дать больше прав, потому что вы из другого общественного слоя или потому что ваша группа исторически подвергалась дискриминации. Мы никогда такого не скажем. Или, например, если вы находитесь в тяжелом материальном положении, то вас не будут судить, даже если вы нарушите закон. Нет, мы считаем, что все равны перед законом. Мы — единственная сила, которая говорит, что верховенство права должно иметь приоритет.

Я уже говорил сегодня в интервью для сайта партии ЯБЛОКО, что либералы и Либеральный интернационал — это самые пророссийски настроенные организации. И я хочу еще раз подтвердить это. Почему это так? Во-первых, потому что именно либералы всегда настаивали на принятии России в члены Совета Европы. Тогда как консерваторы говорили, что Россия еще не готова, воротили нос. Некоторые социал-демократы также хотели вступления России в Совет Европы, так как надеялись получить некоторое подкрепление в своем «лагере». Те, кто был левее социал-демократов, ждали этого с нетерпением. А мы сказали, что россияне избрали свое правительство, а тогда оно было демократичнее, чем сейчас, которое пообещало уважать верховенство права, демократию, права человека. Это европейское государство, и оно имеет полное право войти в Совет Европы. Именно правительство Российской Федерации взяло тогда на себя обязательства придерживаться принципов верховенства права, демократии и прав человека. Это не была «иностранная интервенция», это не немцы пошли убеждать россиян, что надо разделять эти ценности. Это не британское «вторжение» или угрозы вынудили россиян вступить в СЕ, и не итальянцы, заманившие Россию в СЕ очень выгодными сделками.

Российская Федерация сама взяла себя эти обязательства, и мы — либералы — поддержали россиян, были счастливы, и Россия стала членом Совета Европы. Россия никогда не говорила, что она не разделяет эти ценности, даже сегодня российское руководство говорит: «Мы горды тем, что являемся членом Совета Европы». Это немного лицемерно или даже очень лицемерно, но членство РФ в СЕ основано на международных договорах, и это дает нам очень сильный козырь. Потому что мы, как либералы, сказали «да» вступлению России в СЕ. Но сегодня, когда возникают вопросы с верховенством права, мы имеем полное право сказать: «Если вы подписались под этим, тогда соблюдайте, не хотите — вы всегда можете уйти». Стра-

на может выйти из Совета Европы, если не хочет в нем оставаться. Но мы совсем не собираемся выгонять Россию из Совета Европы. И либеральная фракция в Парламентской ассамблее Совета Европы никогда такие дискуссии не вела. Мы бы просто хотели бы, чтобы Россия исполняла обязательства, которые сама на себя взяла.

А теперь немного о национальной политике. Это очень важный вопрос для либеральной фракции в ПАСЕ. Безусловно, национальная политика является важной, мы должны учитывать нюансы культуры, истории, существующих реалий в обществе. Никто не удивится, если, например, либеральная партия из Нидерландов VVD будет больше интересоваться российской экономикой, потому что они тоже в своей стране в целом больше занимаются улучшением материального, экономического положения своих граждан, это их специфика, отличающая их от других партий, именно так эта партия исторически развивалась, именно так ее определяют избиратели. Но есть еще одна либеральная партия в Голландии — D66, и она может поставить вопрос жестко: для нас самое главное, в том числе и в отношении России, как соблюдаются права меньшинств, религиозных групп. Почему Россия воспринимается исключительно как православная страна, это не нация в классическом понимании, это — федерация, и поэтому там множество национальностей и различных конфессий. Это федерация. Там даже есть буддийская республика, единственная в Европе, поправьте меня, если я ошибаюсь, но, кажется, в Республике Калмыкия, по официальным данным, большинство населения составляют буддисты. И тогда логично, что партия D66, которая исторически развивалась как движение по защите гражданских прав, как социально-либеральная партия, будет делать акцент именно на этом.

Есть и другие партии в нашем Либеральном интернационале, которые будут говорить о самоопределении народов в России или в ее ближнем зарубежье. У нас в Либинтерне есть ка-

талонская либеральная партия, я знаю, что пропагандистские каналы здесь пытались связать ситуацию в Каталонии с тем, что происходило в автономной республике Крым в Украине, но это никак нельзя сравнивать. Мы, как либералы, всегда выступаем за право наций на самоопределение, в том числе и право автономной республики Крым, которая принадлежит Украине, но не на основании аннексии, захвата земли и отрицании верховенства права. Мы поддерживаем либералов Каталонии в том, что они имеют право высказать собственное мнение по поводу будущего своего региона. В этом нет никакого лицемерия, только последовательность нашей позиции: верховенство права и уважение права на самоопределение.

Есть и другие партии в Либеральном интернационале, которые будут делать акцент на достижениях и построении демократии в своих странах, вместо того чтобы говорить об экономике, или социальных проблемах, или праве нации на самоопределение. Такие партии есть и в Европе, и в других частях мира. В Европе, например, в Косово, либералы постоянно возвращались к одному и тому же вопросу — построению демократии, то же самое говорили и сербские либералы. Так же как и в либералы Сингапура, которые живут в такой стране, в таком обществе, которое вдохновило Владимира Путина, которое Путин постарался построить и здесь в России, несмотря на обязательства российской власти построить в России общество другого типа. Поэтому либералы Сингапура говорят о том, что их стране, в первую очередь, нужна демократия.

Представьте себе четыре разных группы: экономические либералы, социальные либералы, продемократические либералы и так называемые «Национальные либералы», т.е. либералы, ориентированные больше на культурные традиции, — все они являются членами нашего Интернационала, борются за разные права. Но вот то, что вдохновляет нас всех в Либеральном интернационале, и всех, кто вступает к нам, — это свобода личности, свобода вероисповедания, свобода слова и

собраний, свобода выбора профессии, возможность получения полноценного образования, свобода частной собственности и, безусловно, равенство полов. Это не просто слова, которые были написаны пять или десять лет назад, или в период перестройки, или при создании НАТО. Это — цитата из Оксфордского Манифеста 1947 года, провозгласившего создание Либерального интернационала.

Лена Баден

Либерализм и консерватизм: искусство работы в коалиционном правительстве

Я буду говорить об искусстве работы в коалиционном правительстве. И мы, датская партия Radikale Venstre, партия социального либерализма, имеем такой позитивный многолетний опыт работы. Мы — небольшая партия, у нас семнадцать мест из 179 в парламенте, и сегодня мы в правительстве. У нас коалиционное правительство. В разные периоды истории нашего государства наша партия исполняла различные роли в коалиционном правительстве: возглавляла правительство, была частью правительства или играла роль поддерживающей правительство партии в парламенте. В Дании существует шутка, что наша партия никак не может решить, к какому крылу она относится, какие взгляды она поддерживает. По сути, это верно, так как мы — центристская партия, поэтому мы можем сотрудничать и с правыми, и с левыми. Мы пытаемся найти себе союзников по любому важному для нас вопросу. Конечно, у нас есть фундаментальные ценности, которых мы придерживаемся и не готовы от них отказываться. Мы не приветствуем правление, при котором все достигается благодаря контрактам и сговорам, что наблюдалось в предыдущем правительстве, до того как мы вошли в него. Предыдущее консервативное коалиционное правительство поддерживалось правой Датской народной партией, которая была важдебно настроена по отношению к иммигрантам. Поэтому то правительство принимало много законов против эмигрантов, но, с другой стороны, — они тоже голосовали за все инициативы консерваторов. Им не нужно было договариваться с оппозицией — то есть с нами или с левыми, у них было большинство с Датской партией — это называется «контрактная система», когда все договариваются. Это означает, что десять лет мы и другие партии, с которыми мы сегодня образовали коалици-

онное правительство, фактически никак не влияли на политику. Это ужасная ситуация для нашей партии и для датского народа. Еще хуже: когда мы пришли к коалиции с социал-демократами и социалистами в правительство, наша фракция была молода и неопытна — десять лет нас не было в правительстве. Откуда нам взять опыт, тем более, что произошла смена поколений.

Теперь, когда мы находимся в правительстве, мы намерены заключить широкое соглашение по законотворческой деятельности, чтобы законы «жили» долго, не только то время, пока данное правительство находится у власти, — в Дании это четыре года. Это даст стабильность.

Мы считаем, что коалиционные правительства, которые работают по «центру», а не только по левому или правому флангу, являются более динамичными, они помогают сдерживать самые экстремистские варианты законодательных инициатив, которые имели место во время правления консерваторов в предыдущее десятилетие.

Коалиция была создана в 2011 году, в нее вошли наша партия, социал-демократы и Социалистическая народная партия, основой стало соглашение о необходимости многочисленных реформ — в образовании, налогообложении, энергетике, проблемах изменения климата, экологии, инфраструктуре, здравоохранении, пенсионной системе и выплате пособий по безработице. Но возник конфликт интересов, и в итоге все три партии передрались друг с другом — это обычное дело в коалиционном правительстве, так всегда происходит у нас в Дании.

Разрешите мне здесь привести несколько примеров. Выплата родительского пособия по уходу за ребенком отцам является важной задачей для нашей партии. Когда три года назад было сформировано наше правительство, вопрос предоставления отпуска отцам являлся одним из пунктов нашего соглашения. Но в прошлом году социал-демократы сказали, что родители должны сами решать, как они будут делить меж-

ду собой отпуск по уходу за ребенком, что означает, что в 95% случаев мать будет брать этот отпуск. К большому сожалению рядовых членов нашей партии, коалиционное правительство решило отозвать законопроект «О трехмесячном отпуске по уходу за детьми для отцов». На нашем ежегодном съезде мы обсуждали это, и дискуссии разгорелись нешуточные.

Лидер нашей партии и вице-премьер Маргрет Вестагер, которая сейчас ушла от нас, так как была назначена комиссаром Еврокомиссии, была разочарована, потому что много рядовых членов были против. Но, на самом деле, решение удалось принять, и оно по-прежнему действует. А вот лидер была против. Почему? По моему мнению, она выбрала это решение в качестве компромисса, не хотела, чтобы социал-демократы, которые имеют большинство в правительстве, потеряли избирателей. В этом году на съезде нашей партии было принято решение, по которому наша партия должна работать над законопроектом, по которому отцам предлагается такая возможность. Эта резолюция была принята подавляющим большинством съезда, закон она, конечно же, не изменила, но мы четко показали, что мы настаиваем на этой возможности.

Нам пришлось также «проглотить несколько верблюдов», как говорим мы в Дании, потому что работа в коалиционном правительстве означает искусство достижения компромисса. А также это означает, что вы должны нарушать множество обещаний, которые ваша партия дала во время избирательной кампании. Потому что работая в коалиционном правительстве и достигая компромисса с другими партиями, невозможно выполнить все обещания, которые вы давали своим избирателям. Таким образом, путь коалиционного правительства «усыпан» невыполненными обещаниями.

Социал-демократы в нашем правительстве нарушили немало обещаний, потому что они не давали так много обещаний во время выборов. Но наша лидер Маргрет Вестагер поддержала лидера социал-демократов Хелле Торнинг на пост

нового премьер-министра, хорошо понимая, что тогда Radikale Venstre приобретет большое влияние. И мы получили это влияние. Кто-то скажет, «даже слишком большое влияние».

Тогда как люди уходят от социал-демократов к правым или к левым, мы, Radikale Venstre, с нашей центристской политикой осталась максимально популярными.

Репутация третьей партии в коалиции — Социалистической народной партии — сильно пострадала от работы в коалиционном правительстве. В первый раз в истории этой партии она вошла в состав правительства, но этот альянс уже привел к громкому «разводу». Социалисты покинули правительство, и стараются теперь вернуться к своей идентичности после многочисленных компромиссов в коалиции, когда избиратели социалистов уже не могли узнать свою партию.

Без сомнения, данное правительство — Radikale Venstre, социал-демократы и социалисты — больше склонялось в правую сторону, ведя за собой вправо всю коалицию.

Правительственный кризис разразился, когда социалисты сказали: «Все, с нас хватит», когда государство решило продать часть акций крупнейшей датской энергетической компании DONG, которой оно владеет, частным инвесторам. А лучшее предложение поступило от американской Goldman Sachs, которая любила уводить активы в какой-нибудь «налоговый рай» где-нибудь на Каймановых островах и которая была одной из виновников кризиса 2008 года.

Многие датчане, а особенно сторонники социалистов, были возмущены, когда социал-демократический премьер-министр принял предложение Goldman Sachs. В течение следующих нескольких дней социалисты ушли из коалиционного правительства.

Таким образом, сейчас партнерами Radikale Venstre по коалиционному правительству являются только социал-демократы, у нас нет большинства. Мы, как акробаты, пытаемся по каждому проекту добиться поддержки от левых и правых

и стараемся сделать так, чтобы нам не пришлось заплатить за такие компромиссы слишком высокую цену. Через год у нас выборы. Правительство надеется, что результаты его работы смогут убедить избирателей, что мы все делали правильно. Сейчас консерваторы уходят вперед, и я боюсь, что нам сложно будет вернуть избирателей.

Очень сложно проводить свою политику так, чтобы все были удовлетворены. Но, как я сказала раньше, можно действовать и так, если действовать сбалансированно, когда одна партия ограничивает другую партию в принятии чрезмерно жестких законов. Это диалог, компромисс, креативность, и тут необходим творческий подход.

Галина Михалева

Российский либеральный спектр: формальные и неформальные партии и коалиции

Рассматривая эволюцию российского либерального политического спектра в новейшей истории, необходимо учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, это траектория трансформации российского политического режима. В ходе демократизации режим был на начальных фазах развития относительно благоприятным (учитывая особенности российского общества и изменения настроений вследствие рыночных реформ) для развития либеральных сил. В ходе авторитарного разворота 2000-х условия существования оппозиционных либеральных партий и движений чрезвычайно усложнились, и встал вопрос об их дальнейшем существовании. Короткая и поверхностная либерализация после выборов 2011 года способствовала оживлению этой части политического спектра. Наконец, «консервативный поворот» 2014 года до предела обострил раскол общества по вопросу об аннексии Крыма и гибридной войны в Украине, при этом либеральные партии оказались представителями интересов критического меньшинства, являющегося с точки зрения властей и поддерживающего их большинства предателями и «пятой колонной».

Во-вторых, это неопределенность институциональных форм. В Конституции, принятой в 1993 году, отсутствуют нормы, регулирующие деятельность партий и их определение, упоминается только «многопартийность». То же относится и к выборам, порядок которых никак не определяется. Закон о партиях вступил в силу в 2001 году, до этого они не были эксклюзивным актором избирательного процесса. В то же время закон неоднократно ужесточался, приведя в 2006 году к феномену «малопартийности» и появлению неформальных партий. Поверхностная либерализация закона о партиях в 2012 году увеличила на порядок число зарегистрированных партий, имеющих право принимать участие в

выборах, в то же время часть либеральной оппозиции регистрацию не получила и по-прежнему остается в зоне неформальности. К 2014 году началась новая волна ужесточения норм закона о партиях. Кроме того, постоянные изменения электоральной формулы, законодательные метания²⁹, направленные в основном, на облегчение условий для правящей партии и усложнение — для реальной, а не имитационной оппозиции, также не способствовали укоренению либеральных партий и сил в обществе и росту их популярности.

В-третьих, все это время либеральные партии пытались создать разного рода коалиции — как между собой, так и с другими политическими силами, непрерывно шли и идут разговоры о необходимости «объединения оппозиции».

В-четвертых, повысился уровень гражданской активности, возникали формальные и неформальные объединения граждан, которые также в разной форме взаимодействовали с либеральными силами — в политических и неполитических протестах.

Наконец, нужно учитывать использовавшиеся в разное время в той или иной форме (от «черного пиара» в избирательных кампаниях до объявления «национал-предателями») дискредитацию и (вплоть до последнего времени) вытеснение либеральных сил из официальных СМИ.

Хотя уже в период либерализации, как называют частичные изменения политической системы транзитологи (Д. О’Доннел, В. Меркель, Ф. Шмиттер и др.)³⁰ существовали протопартии, которые мы можем частично отнести к либеральным силам

²⁹ В 1993 году на федеральном уровне была принята двойная несвязанная (мажоритарно-пропорциональная) система, по которой проходили выборы до 2003 года. Ее в 2007 году сменила пропорциональная, применявшаяся до 2011-го. Следующие выборы должны пройти снова как пропорционально-мажоритарные, но с изменением соотношения двух частей: было 50% на 50%, сейчас 75% депутатов будут избираться по одномандатным округам. Меняли заградительный барьер, нормы, связанные со сбором подписей, величина залога, который был впоследствии отменен. В 2006 году были запрещены ранее возможные коалиции и блоки. Это дополняется постоянными изменениями правил региональных и местных выборов.

³⁰ См., например: Merkel Wolfgang. Systemtransformaton. Opladen, 1999.

(например, Конституционно-демократическая партия РФ или Демократический союз), вести отсчет истории либеральных партий и сил в России имеет смысл лишь с так называемых «учредительных» выборов 1993 года.

С 1993 до 2003: либералы как часть политической системы и истеблишмента

После государственного переворота 1993 года сформировались два политических направления и коалиции, впоследствии превратившиеся в две влиятельные либеральные партии, представленные фракциями в Государственной Думе, региональных и местных парламентах.

Одна из них поддерживала политику Ельцина: грабительские рыночные реформы, расстрел парламента, залоговые аукционы, слияние власти и бизнеса, Первую и Вторую войны в Чечне. Основателями этого направления были «младореформаторы» Егор Гайдар и Анатолий Чубайс. «Выбор России» превратился в 1995 году в «Демократический выбор России» и в 1999 году в Союз правых сил (СПС), получая, соответственно, от 15,5%, в первых выборах до 8,5% в 1999 году. Эту партию можно назвать гибридной, сочетающей черты административной и гражданской партий³¹: выступая за экономический либерализм и демократию, она опиралась на значимый административный ресурс. Она выдвигала и поддерживала Ельцина на президентских выборах 1996 года. Однако со сменой президента, в условиях путинских авторитарных изменений (от федеративной реформы, равноудаления олигархов, уничтожения независимых СМИ до выстраивания малопартийной системы и контроля за НКО) необходимость в «режимных либералах» отпала, и СПС потерял фракцию в Госдуме, получив 3,97% на выборах 2003 года.

³¹ Административные партии создаются «сверху» и обслуживают власть; гражданские партии вырастают «снизу» и создаются гражданами. См. об этом подробнее: Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. М.: URSS, 2009.

Вторая значимая либеральная, точнее социально-либеральная сила — ЯБЛОКО — возникла как блок известных политиков и пропартий, объединившихся вокруг фигуры реформатора Григория Явлинского — главного критика гайдаровских реформ, предлагавшего альтернативу этой политике в программе «500 дней». Блок включал социал-демократов, христианских демократов, республиканцев, женское движение и т.д. Идеологической основой объединения, которое впоследствии было четко определено как «социальный либерализм», были неприятие рыночных реформ, создавших олигархическую систему, расстрела парламента, войн в Чечне, а также защита демократических и либеральных ценностей. Блок получил в 1993 году 7,86%, в 1995 — 6,89% (как Объединение) и в 1999 году (как партия), несмотря на резкую критику начала Чеченской кампании, 5,93%. Партия видела своей задачей предложение содержательной и кадровой альтернативы ельцинской политике. Григорий Явлинский участвовал в президентских выборах 1996 и 2000 годов и занял, соответственно, четвертое и третье места. В 2003 году партия ЯБЛОКО так же, как и СПС, получив 4,3%, потеряла представительство в Госдуме.

Весь этот период велись дискуссии, общим местом которых становится необходимость или невозможность «объединения демократов». Журналисты, политологи и избиратели полагали, что объединение ЯБЛОКА и СПС даст кумулятивный эффект и прирост голосов. В ЯБЛОКЕ доминировало мнение, что объединение без наличия согласия по ключевым вопросам, прежде всего хода приватизации, залоговых аукционов и существования олигархической системы, невозможно. СПС вело кампанию 2003 года с помощью «черного пиара» против ЯБЛОКА, надеясь получить его голоса. Единственной успешной попыткой, которую лишь с натяжкой можно назвать «объединением», были выборы в Мосгордуму 2005 года, когда члены СПС баллотировались по списку ЯБЛОКА, в результате удалось создать фракцию в МГД. Правда, впоследствии Иван Новицкий вышел из фракции и вступил в «Единую Россию». Остальные партии, позици-

онировавшиеся как либеральные, ни одного раза в парламент не проходили, получая на федеральных выборах меньше 5%, а чаще всего — чуть более 1% голосов: Партия СЛОН (2003), Партия экономической свободы (1995), Партия развития предпринимательства (2003), Российская конституционно-демократическая партия (2003), Российской движение демократических реформ (1993), Федерально-демократическое движение (1995).

2004–2011 — жизнь вне парламента: стратегии, появление неформальных партий и неудачные коалиции

Весь этот период происходят попытки создания, реформирования и распада различных оппозиционных коалиций с пестрым составом: от партий, формальных и неформальных, и отдельных политиков до правозащитных и экологических НКО, публицистов и гражданских активистов.

Сначала, после выборов в Госдуму 2003 года, создается «Комитет 2008» с участием ЯБЛОКА и СПС, в который входят организации и деятели различных демократических убеждений с целью защиты демократических институтов и обеспечения хороших результатов на федеральных выборах. Однако как идеологические, так и личностные конфликты приводят к фактическому распаду этой организации, на месте которой в 2004 году возникает «Гражданский конгресс» (ГК), в который входят уже не только демократы, но и коммунисты и даже — НБП Эдуарда Лимонова. Внутренние конфликты, в частности, попытки Гарри Каспарова использовать ГК как ресурс для президентских выборов, и различие представлений о стратегии либеральных сил в условиях усиливающегося авторитаризма приводят к появлению политизированной части ГК («Другая Россия») и Национальной ассамблеи, в которой участвуют не только демократы, но и лимоновцы. Все эти организации достаточно быстро распадаются. Чуть позже (в 2008 году) появляется объединение демократов — «Солидарность»³².

³² При учреждении «Солидарности» присутствовали и члены ЯБЛОКА, однако позже партия запретила участвовать в работе неформальных партий, в случае изменения условий намеревавшихся участвовать в выборах.

Партия ЯБЛОКО после появления «Другой России» перестала участвовать в этих коалициях и выбрала другую стратегию: привлечения близких по взглядам организаций, которым из-за принятия в 2006 году закона, ужесточающего требования к численности (50 тысяч членов), разветвленности и отчетности, не удалось создать собственные партии. Партия стала объединенной (РОДП ЯБЛОКО), в нее вошли экологи в виде фракции «Зеленая Россия», правозащитники и «Солдатские матери», все они создали собственные фракции. Одновременно появились Гендерная и молодежная фракции, существовавшие ранее в качестве внутрипартийных комиссий и движений. Фракции в партии облегчили работу с объединениями и движениями, занимающимися соответствующей проблематикой. С другой стороны, ЯБЛОКО стало не только социал-либеральной, но и — формально — зеленой партией³³. Впоследствии «Зеленая Россия» превратилась в авангард экологических движений, а Гендерная фракция стала «жесткой основой» Совета по консолидации женского движения России, учрежденного после II Женского съезда в 2008 г.³⁴ Партия объявила курс на максимальное взаимодействие с НКО и появляющимися новыми формами гражданской активности по защите жилищных прав, зеленых насаждений, памятников архитектуры и т.д.

Видимо, эта стратегия опоры на общество и стала главной причиной разных судеб СПС и ЯБЛОКА после выборов 2007 года, отличавшихся массовыми фальсификациями и «нарисованными» результатами. ЯБЛОКО получило 1,59%, СПС — 0,96%. Целью властей было уничтожение или, как минимум, — существенная маргинализация либералов. После этого траектории развития этих двух партий разошлись еще больше.

³³ Это наглядно проявляется в членстве в международных организациях: ЯБЛОКО одновременно — член АЛДЕ и ассоциированный член европейского Альянса зеленых партий Зеленых.

³⁴ Первый Женский съезд проходил в 1908 году. В 2008 году в работе съезда участвовало большинство женских организаций и инициативных групп, представительницы от разных партий.

Председатель СПС Никита Белых получил предложение, от которого нельзя было отказаться, — пост губернатора Кировской области в обмен на «переформатирование» СПС, на месте которого возникает вполне подконтрольное и искусственное образование «Правое дело»³⁵, к оппозиции уже отношения не имеющее, но сохраняющее либеральную риторику.

ЯБЛОКО продолжало участвовать в нечестных выборах, иногда даже получая значимые результаты на местных выборах, одновременно работая в сфере защиты прав граждан.

В это же время постепенно активизировались и политизировались протестные инициативы, наблюдались самоорганизация «инициативников» для взаимопомощи в решении жизненно важных проблем и обмен информацией через социальные сети. Часть из них взаимодействовала с ЯБЛОКОМ и неформальными партиями.

Проходили и политические акции, в которых участвовали радикальные активисты вне зависимости от политических позиций, наиболее известная из них — «31», инициированная Лимоновым в защиту 31-й статьи Конституции о свободе собраний.

Последствия массовых протестов 2011–2012 годов и либерализация законодательства

Многотысячные протесты «рассерженных горожан» после думских и президентских и выборов 2011–2012 гг., как и массовая мобилизация наблюдателей, были подготовлены нарастанием неформальной гражданской активности и гражданского протеста предшествующего периода.

«Спусковым крючком» существенного изменения общественных настроений стало объявленное решение о перемене мест в тандеме «Медведев–Путин» в сентябре 2011 г. Граждане, казалось бы, привыкшие к невозможности повлиять на политические решения и к фальсификации выборов, возмутились

³⁵ Помимо остатков СПС в «Правое дело» вошли политтехнологическая Демократическая партия и малоизвестная «Гражданская сила».

тем, что в этот раз им еще до выборов преподнесли, даже не делая вид, что интересуются результатами голосования, персональное решение по ключевым постам в государстве.

Отличие этой волны массовых протесов состояло в отсутствии единого политического вектора. В них участвовали, помимо «рассерженных горожан», представители различных политических сил: демократических (ЯБЛОКО и неформальные либерально-демократические партии — РПР-ПАРНАС, «Солидарность»), левых неформальных партий и групп («Левый фронт», антифашисты), националистов, правозащитных и экологических НКО и незарегистрированных групп активистов (например, группы феминисток и ЛГБТ). В соответствии с этим составом на ряде шествий выстраивались даже колонны и планировались выступления.

Системные партии, за исключением ЯБЛОКА, в протестных акциях не участвовали. Депутаты — «справороссы», входившие в Оргкомитет (старший и младший Гудковы, Илья Пономарев), ситуацию не меняли.

В пестром составе организаторов акций — Оргкомитета — парадоксальным образом присутствовали и те, кто ранее призывал к бойкоту выборов (например, Александр Рыклин и Сергей Удальцов).

После президентских выборов характер протестных акций поменялся. Со стороны властей и со стороны организаторов ситуации, возникавшие на массовых акциях, характеризовались как «провокационные». С одной стороны, стали звучать требования не уходить, разбить палатки, двигаться на Кремль (чаще всего — со стороны Удальцова). С другой стороны, власти начали с марта 2012 года (после президентских выборов) использовать ОМОН для устрашения и задержания всех, кто что-то нарушил или просто попался под руку. Пика конфликт достиг 6 мая, начавшись «сидячей забастовкой» участников, протестовавших против ограничения прохода на Болотную площадь, и закончившись столкновениями с полицией, избиениями и возбуждением уголовных дел, приговор по которым долго не выносился. В этот период возникли

новые стили и формы протеста: «белоленточная» символика, протестный креатив — от плакатов и констелляций до «кричалок» и хлопанья в такт.

Появились, как реакция на репрессивную политику властей, новые формы протеста: «гуляния» писателей, художников по бульварам, лагеря протеста (ОккупайАбай, ОккупайБаррикадную, ОккупайОкуджаву), «опросы» (в Екатеринбурге в июле 2012 г.), чтение стихов у памятников и т.д. Несмотря на жесткую реакцию властей, задержания, обыски у оппозиционеров, их дискредитацию и ужесточение законодательства, волна протестов не спадала, приобретая новые формы. Очевидно, что сформировался новый слой активных граждан, готовых участвовать в протестных акциях. Сам протест, требования которого трансформировались за полгода — от «Нам нужны честные выборы!» в декабре 2011 г. до «Путин! Лыжи! Магадан!» в июне 2012 г., консолидировал участников только на неприятии существующей власти. Ответы на вопрос: какой должна быть новая власть и что для нужно делать, чтобы ее сменить, естественным образом расходились. Требования «объединения оппозиции» участников и заинтересованных наблюдателей не могли быть реализованы. Избранный, в том числе — с помощью социальных сетей, Координационный совет (еще одна попытка объединения оппозиции) к лету 2013 г. показал свою недееспособность и вскоре распался.

Наконец, именно эта активная и политизированная группа участников протестов стала решающим фактором, определившим ход и результаты выборов осени 2013 г., ставших крупной неожиданностью для властей, которые, лишь начав ослаблять жесткое давление, получили неожиданно низкие результаты для всех инкубебентов, в особенности на выборах мэра Москвы.

Волна протеста стала спадать после президентских выборов 2012 года, в которых представителей либеральных сил заменила «обманка» в виде миллиардера Михаила Прохорова, уже неудачно попробовавшего свои силы в «Правом деле» и в июле 2012 основавшего новую, подчеркнуто лояльную партию

«Гражданская платформа», практиковавшую либеральную риторику и декларировавшую защиту интересов предпринимателей. В отличие от Григория Явлинского, которому было отказано в регистрации по подписям, подписи Прохорова, заявление об участии которого в выборах было зарегистрировано задним числом, были признаны действительными. Судя по всему, именно он получил значимую часть голосов протестантов, набрав 7,98% (5,7 миллионов) голосов избирателей.

В целом протестная активность конца 2011–2012 гг. и первой половины 2013 г. показала:

1) спящее гражданское общество проснулось, существенно повысился уровень солидарности и доверия;

2) у значительной части граждан сформировался негативный консенсус в отношении власти;

3) партии (как формальные, так и неформальные) не смогли стать ядром кристаллизации нового гражданского протестного движения;

4) позитивные политические требования и политическая программа протестов не были определены;

5) лидеры в ходе протестов играли несравнимо большую роль, чем организации;

6) из состава «протестантов» выделилась группа, готовая и имеющая ресурсы разного типа собственно для занятия политической деятельностью — участия в выборах, включая партийные списки.

Пакет законодательных актов начала 2012 года, названных «политической реформой», изменил условия существования партий, электоральную формулу и даже (формально) возвратил выборность губернаторов. Особенность этого пакета — во внешней либерализации правил при сохранении неформальных возможностей правящей группы удержания за собой доминирующей позиции и сохранения контроля.

К середине 2014 года было зарегистрировано 76 политических партий.

Но большинство из них — партийные «проекты» для участия отдельных политиков в выборах. Впрочем, возможность использовать это преимущество была только в одном избирательном цикле местных и региональных выборов 2013 года, после этого законодатель стал вводить новые фильтры — в виде результатов на федеральных, региональных и местных выборах, дающих право регистрировать кандидата или партию без подписи. Практика показывает, что по подписи оппозиционным кандидатам и партиям зарегистрироваться невозможно.

Важным событием в либеральном спектре стала регистрация партии — наследницы (в идейном и персональном смысле) СПС. В 2011 году ЕСПЧ принял решение о незаконности ликвидации Республиканской партии России Владимира Рыжкова, и летом 2012 года Минюст возвратил регистрацию. На базе РПР была создана РПР-ПАРНАС (Партия народной свободы «За Россию без произвола и коррупции») с четырьмя сопредседателями: Михаилом Касьяновым, Владимиром Рыжковым, Владимиром Миловым и Борисом Немцовым. Но вскоре партию покинул Милов, восстановив самостоятельный национально-либеральный «Демократический выбор», а в 2013 году из-за разногласий, связанных с поддержкой партии Алексея Навального (как кандидата на выборах мэра Москвы), из партии вышел Рыжков. В активе РПР-ПАРНАСа — получение мандата Рыжковым на городских выборах в Барнауле (от которого он отказался) и Немцовым — на региональных выборах в Ярославле. В ноябре 2014 года партия (в стиле СПС) повторила призывы предыдущего периода — объединиться всем демократам «европейского выбора», начав при этом не с переговоров, а с заявлений в прессе.

Сейчас (осень 2014 года) всего в выборах имеют право участвовать 69 партий. Из них — шесть реально существующих либеральных и демократических: ЯБЛОКО, РПР-ПАРНАС, малоизвестные «Гражданская сила», «Гражданская инициатива», а также упомянутый «Демократический выбор» и «Гражданская платформа», находящаяся в кризисе после ухода Михаила Прохорова и его

сестры. Существует пять «партийных проектов» — искусственных образований, содержащих либеральные элементы в названиях. При этом «Партия прогресса» (Алексея Навального), Партия 5 декабря, «Солидарность» — неформальные партии, имеющие некоторый уровень известности, по-прежнему не имеют регистрации. Блоки и коалиции запрещены законом, есть информация, что ужесточения законодательства продолжатся.

Поэтому взаимодействие представителей либеральных сил осуществляется в трех формах: совместное проведение протестных акций (как «Марши мира», против конфронтации с Украиной); публичные дискуссии; участие представителей неформальных партий или даже формальных (с приостановлением членства) в избирательных кампаниях других партий. Пока такой опыт был только у ЯБЛОКА, около четверти кандидатов в Москве в сентябре 2014 года выставлены партией на мажоритарных выборах в Мосгордуму были не членами партии. Помимо гражданских активистов были выдвинуты и представители неформальных (5 декабря, «Солидарность») и даже зарегистрированных («Демократический выбор России») партий³⁶. При исключительно низкой явке и интенсивном использовании административного ресурса средние результаты кандидатов партии (12,5%) показывают, что это вполне перспективный опыт. РПР-ПАРНАС поддержал кандидатов от ЯБЛОКА на этих выборах.

После аннексии Крыма и углубления украинского кризиса: либералы как «пятая колонна»

Ухудшение отношений с Украиной с начала Евромайдана, аннексия Крыма и участие России в необъявленной войне на юго-востоке Украины, а также последовавшее обострение отношений с Западом вплоть до угрозы «Холодной войны» 2.0 привели к поляризации взглядов двух неравных групп в обществе. При этом раскол не зависит от территории проживания,

³⁶ Для этого члену руководства «Демократического выбора» Михаилу Пескову пришлось выйти из партии, как это предусматривает закон.

рода занятий и принадлежности к социальной группе. Большая часть россиян, по разным оценкам около 80%, поддерживают действия власти в отношении Украины («Крым наш»). Меньшинство не согласно с этими действиями и «консервативным поворотом» во внутренней и внешней политике и готово к активному протесту на «Маршах мира».

Ко второй группе относится значительная часть представителей либеральных сил, хотя и в их рядах произошел раскол. Так, ЯБЛОКО, РПП-ПАРНАС оказались в числе критиков политики российского руководства, «Демократический выбор» в лице председателя Владимира Милова назвал позицию ЯБЛОКА по Крыму «токсичным активом» и отказался баллотироваться от партии на выборах в МГД. Алексей Навальный и его «Партия прогресса» занимают двойственную позицию, считая, что аннексия была незаконной, но вернуть Крым невозможно. А в «Гражданской платформе» (ГП) произошел раскол, и Ирина Прохорова ушла из партии, оставив ее политтехнологу Рифату Шайхутдинову. Показательно, что ГП участвовала в «Марше единства» 4 ноября и вместе с парламентскими партиями выразила поддержку политическому курсу Путина.

Критики антизападной политики, аннексии Крыма и боевых действий в Луганской и Донецкой областях были заклеены официально как «пятая колонна» и национал (либерал-) предатели, о чем практически каждый день сообщалось по основным телевизионным каналам.

В этих условиях задачами либеральных сил становятся:

- Донесение четких позиций до общества: необходимость европейского пути развития для России и опасности отказа от демократических либеральных ценностей в пользу евразийства и традиционализма.
- Сохранение легальных структур при активизации работы с гражданами по защите их прав.
- Поиск союзников среди неформальных партий и граждан.
- Участие в выборах.

- Разработка программы первоочередных реформ после краха авторитарного режима.
- Создание кадровой альтернативы.

При этом объединение этих сил, которое может дать кумулятивный эффект, возможно только при условии согласия, помимо необходимости европейского пути развития, по базовым программным принципам, включающим оценку, в первую очередь, сложившейся олигархической системы, необходимости преодоления тоталитарного прошлого и опасности национализма, даже умеренного.

Сведения об авторах и выступавших

Антонов-Овсеенко Антон Антонович

кандидат исторических наук, профессор Кафедры журналистики и рекламы Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой, член партии ЯБЛОКО

Баден Лена

журналистка, Radikale Venstre, Дания

Белинский Андрей

кандидат политических наук, член партии ЯБЛОКО

Вишневский Борис Лазаревич

профессор, кандидат технических наук, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга, член Бюро партии ЯБЛОКО

Ворожейкина Татьяна Евгеньевна

российский политолог

Гнездилов Александр Валентинович

театральный режиссер, зампред Молодежной палаты при Мосгордуме, консультант Центра экономических и политических исследований Г.А. Явлинского

Григоров Сергей Геннадьевич

историк

Ёрши Матиас

Доктор, Президент группы АЛДЕ в ПАСЕ (2002–2009 гг.), Госсекретарь в Министерстве иностранных дел Венгрии (1997–1998 гг.), Старший советник Генерального секретаря в Сообществе демократий

Кантор Владимир Карлович

доктор философских наук, ординарный профессор философского факультета Высшей школы экономики

Киржач Эмиль

генеральный секретарь Либерального интернационала

Кнауль Андреас

управляющий партнер Roedl and Partner по России и Казахстану, СвДП, Германия

Коргунюк Юрий Григорьевич

кандидат исторических наук, доктор политических наук, председатель Комитета по изучению партий и избирательных систем РАН

Малинова Ольга Юрьевна

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор Московского государственного института международных отношений, почётный президент Российской ассоциации политической науки (РАПН)

Медушевский Андрей Николаевич

кандидат исторических наук, доктор философских наук, ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики»

Мисник Борис Григорьевич

российский политический деятель, координатор Политического комитета партии ЯБЛОКО

Митрохин Сергей Сергеевич

кандидат политических наук, Председатель партии ЯБЛОКО

Михалева Галина Михайловна

доктор политических наук, доктор философии, профессор Российского государственного гуманитарного университета, секретарь Политического комитета ЯБЛОКО

Николаев Игорь Алексеевич

*доктор экономических наук
профессор Высшей школы экономики*

Соколов Никита Павлович

*российский историк, публицист, журналист, специалист по
вопросам формирования общественного сознания*

Сэр Грэм Уотсон

президент Объединенной европейской партии «Альянс либералов и демократов за Европу» (АЛДЕ)

Баронесса Кишвер Фолкнер

*вице-президент Либерального интернационала, член
Палаты лордов, Либеральные демократы, Великобритания*

Хаджарпасич Сатка

*вице-президент Либеральной партии Черногории, и.о.
директора Дипломатической академии при Министерстве
иностраннных дел и Европейской интеграции Черногории*

Шарлотт Бургесс

экономист, Radikale Venstre, Дания

Шейнис
Виктор Леонидович

доктор экономических наук, профессор, член Политического комитета партии ЯБЛОКО

Шмидт Олле

вице-президент Объединенной европейской партии «Альянс либералов и демократов за Европу» (АЛДЕ), член парламента Швеции (1999–2004 и 2006–2014 гг.), член Либеральной народной партии, Швеция

Штиннер Райнер

доктор, спикер по внешнеполитическим вопросам фракции Свободной демократической партии в Бундестаге (2009–2013 гг.), Германия

Экман Йохан

председатель Комитета по международным делам, Шведская народная партия Финляндии, Финляндия

Эм Маркус

доктор, глава Московского бюро Фонда Ханса Зайделя, Германия

Явлинский
Григорий Алексеевич

доктор экономических наук, профессор, председатель фракции ЯБЛОКО Законодательного собрания Санкт-Петербурга, основатель партии ЯБЛОКО

РОССИЙСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЯБЛОКО

Партия ЯБЛОКО была создана в декабре 2001 г. на базе общероссийской общественно-политической организации «Объединение ЯБЛОКО, которой предшествовал созданный в 1993 г. избирательный блок ЯБЛОКО. В 2006 г., после вступления в партию ряда общественных организаций и создания внутри партии фракций, партия получила нынешнее название: Российская объединенная демократическая партия ЯБЛОКО («ЯБЛОКО — Объединенные демократы»). Партия была представлена фракцией в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации I–III созывов.

Один из основателей партии и ее председатель (до 2008 г.) Г.А. Явлинский занимал четвертое и третье места в выборах Президента РФ 1996 и 2000 гг.

Партия находилась и находится в оппозиции действующей власти, последовательно выступала против криминальной приватизации 1990-х годов, залоговых аукционов, войны в Чечне, сворачивания демократических институтов, ущемления прав и свобод граждан, аннексии Крыма. Партия предлагала ряд программ, в том числе «Демократический манифест», план преодоления последствий криминальной приватизации и демонтажа олигархического капитализма («Дорожная карта» российских реформ»), «Семь шагов к равенству возможностей», антикризисную концепцию «Дома. Земля. Дороги».

Идеология партии ЯБЛОКО — социально-либеральная. Партия выступает за социальную рыночную экономику, равенство стартовых возможностей, развитие конкурентности в политике и экономике, укрепление демократических институтов, правовое государство, контроль граждан за властью.

Главный лозунг партии: «За свободу и справедливость!».

Действуя в условиях российского консолидированного авторитарного политического режима, партия защищает социальные, политические и гражданские права граждан. Участвует, по мере реальных возможностей, в выборах разного уровня. Фальсификации результатов голосования, применение против ЯБЛОКА «административного ресурса» (отказ в регистрации, снятие кандидатов и пр.), запрет на выступления в СМИ (включая ТВ) препятствуют достижению формально значимых результатов на всех последних выборах. Некоторые активисты партии, выступавшие против коррупции и внеправовых действий федеральных и региональных властей, погибли от рук наемных бандитов (Юрий Щекочихин, Фарид Бабаев, Лариса Юдина, Александр Карасев), другие подвергаются судебным преследованиям.

Партия ЯБЛОКО — член Либерального интернационала (с 2002 г.), Европейской партии либеральных демократов и реформаторов (ALDE, с 2006 г.), фракция «Зеленая Россия» является ассоциированным членом в европейском Альянсе зеленых партий.

В партии ЯБЛОКО — 76 региональных отделений, более 32 тыс. членов. В составе Партии действуют фракции: «Зеленая Россия», Гендерная, Правозащитная, Социал-демократическая, есть активные молодежные организации в регионах.

Партия ЯБЛОКО продолжает участвовать в выборах и побеждать. По итогам выборов 4 декабря 2011 г. ЯБЛОКО сформировало фракции в региональных парламентах Санкт-Петербурга, Псковской области и Республики Карелия. На выборах депутатов муниципальных собраний г. Москвы 4 марта 2012 г. победу одержали 36 кандидатов, выдвинутых ЯБЛОКОМ. По итогам выборов 8 сентября 2013 г. ЯБЛОКО одержало ряд побед. Мэром Петрозаводска (Карелия) стала Галина Ширина, которую поддержала партия ЯБЛОКО.

Партия представлена фракциями и депутатами в 25 регионах: в Новгородской, Первоуральской, Тульской и Ярославской городских думах; главами и депутатами местных советов поселений Псковской, Карельской, Астраханской, Калужской, Кировской, Сахалинской, Свердловской, Тверской, Московской, Рязанской областей, Пермского, Ставропольского края, республик Алтай, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, в десятках муниципальных образований г. Москвы и Санкт-Петербурга.

По инициативе партии в ноябре 2013 года создан Комитет противодействия ксенофобии, в котором работают вместе с партией ряд правозащитных организаций, Союз журналистов и национальные сообщества.

Партия в ходе акций прямого действия вместе с инициативными группами граждан и общественными движениями защищает права граждан в социальной сфере, борется против уплотнительной застройки, против опасных производств, за доступ к берегам водоемов, за сохранение памятников культуры и т.д.

В Политическом комитете партии, определяющем ее стратегию, — основатель ЯБЛОКА, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Г.А. Явлинский, глава Федеральной антимонопольной службы А.Ю. Артемьев, академик РАН А.Г. Арбатов, известные правозащитники С.А.Ковалев и В.В. Борщев, член Центральной избирательной комиссии Е.П. Дубровина, депутат Законодательного собрания Республика Карелия Э.Э. Слабунова, один из авторов Конституции России профессор В.Л. Шейнис, член-корреспондент РАН А.В. Яблоков, уполномоченный по правам ребенка в Москве Е.А. Бунимович и другие известные политики.

Среди членов постоянно действующего руководящего органа партии Бюро — депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга Б.Л. Вишневецкий, Псковского законодательного собрания — Л.М. Шлосберг и А.А. Кобринский, член Совета по правам человека и развитию гражданского общества при Президенте РФ А.В. Бабушкин, председатель и исполнительный директор экологической организации «Беллона» А.К. Никтин и Д.С. Рыбаков, сопредседатель Совета по консолидации женского движения России, профессор Г.М. Михалева, уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге А.В. Шишлов.

Председатель партии — С.С. Митрохин, депутат Государственной Думы I–III созывов, Московской городской Думы в 2005–2009 гг., кандидат политических наук.

АЛЬЯНС ЛИБЕРАЛОВ И ДЕМОКРАТОВ ЗА ЕВРОПУ

Партия европейских либеральных демократов как объединение политических партий возникла в 1976 году перед первыми выборами в Европейский парламент, а в 1993 году получила всеобщее признание как настоящая транснациональная политическая партия. Первоначально партия называлась европейская партия либералов, демократов и реформаторов (ЕЛДР), но в ноябре 2012 г. название было изменено на «Альянс либералов и демократов за Европу» (АЛДЕ), чтобы это новое наименование четко ассоциировалось с названием фракций европейских либералов в Европарламенте и ПАСЕ.

АЛДЕ включает в себя 60 партий-членов из 37 стран Европы, в том числе из России. РОДП ЯБЛОКО является полноправным членом АЛДЕ с 2006 г.

АЛДЕ является третьей по величине партией ЕС, фракция АЛДЕ в Европейском парламенте насчитывает 68 депутатов, представляющих 20 стран ЕС. В Парламентской ассамблее Совета Европы АЛДЕ имеет 76 мандатов. Член АЛДЕ Анн Брассёр является председателем ПАСЕ.

АЛДЕ также имеет парламентские фракции в Комитете регионов ЕС и Парламентской ассамблее стран — членов НАТО.

Пять премьер-министров стран ЕС из партий — членов АЛДЕ представляют АЛДЕ в Европейском совете.

На региональном уровне либерал Артур Мас возглавляет правительство Каталонии (Испания).

Восемь комиссаров Европейской комиссии являются членами АЛДЕ: Андрус Ансип (Вице-президент и Комиссар по цифровым технологиям), Виолетта Булк (Комиссар по транспорту), Сесилия Мальстром (Комиссар по вопросам торговли), Маргрет Вестагер (Комиссар по вопросам конкуренции), Вера Юрова (Комиссар по вопросам юстиции, правам потребителей и гендерному равенству).

На национальном уровне 13 партий-членов АЛДЕ являются правящими партиями в 11 странах ЕС, причем либералами являются пять премьер-министров (Ксавье Беттел, Люксембург; Мирослав Церар, Словения; Шарль Мишель, Бельгия; Таави Рыйвас, Эстония; Марк Рютте, Нидерланды) и шесть вице-премьеров (Андрей Бабич, Чешская Республика; Ник Клегг, Великобритания; Александр де Кроо, Бельгия; Весна Пусич, Хорватия; Дидье Рейндерс, Бельгия; Мортен Эстергорд, Дания).

Также партии — члены АЛДЕ представлены в правительствах Бельгии, Кипра, Дании, Финляндии, Литвы, Словакии, Словении и Швеции.

С ноября 2011 года по настоящее время Президентом партии АЛДЕ является сэр Грэм Уотсон (представитель либеральных демократов Великобритании).

АЛДЕ является членом Либерального интернационала.

КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЕ ПАРТИЕЙ ЯБЛОКО в 2012–2015 гг.

Г.А. Явлинский
ГЛАВНОЕ.
Основные публикации
Григория Явлинского
в российских СМИ в
2013–2014 годах

Г.А. Явлинский
Земля – Дома – Дороги.
К жилищному вопросу:
стратегия прорыва

Г.А. Явлинский
Ложь и легитимность.
Двадцать лет реформ

**Преодоление
сталинизма**
Под ред. Г.М. Михалевой.
Издание 5-е

**УКРАИНСКИЙ
КРИЗИС.**
Позиция партии
ЯБЛОКО

С.С. Митрохин
Либеральный прорыв
и консервативный тупик

**Альтернатива
системе Путина**
Под ред. Г.М. Михалевой.
Издание 2-е

**Экология,
политика и
гражданское
общество**

**Историческое
знание как фактор
развития**
Под ред. Г.М. Михалевой,
В.Л. Шейниса.
Издание 1-е

**Уроки великих
реформ**
Под ред. Г.М. Михалевой.
Издание 2-е

Сергей Митрохин

Председатель РОДП ЯБЛОКО

Историческая миссия либерализма заключается в том, чтобы послужить раскрепощению творческого потенциала российской нации, направить ее на созидательный путь развития, приносящий успех и процветание через возможности, открывающиеся благодаря гарантиям свободы и поддержке частной инициативы.

Олле Шмидт

вице-президент ALDE

Один из самых важных вопросов, которые мы должны сегодня обсудить: «Важнее ли экономическая стабильность и богатство, чем свобода слова, терпимость и демократия?». Это вопрос, который задается во всех странах по всему миру, а не только здесь, в России. Мой либеральный ответ на этот вопрос: «Конечно, нет!». Богатство не важнее демократии. Здоровое, самодостаточное общество никогда не сможет существовать без либеральных ценностей. История демонстрирует нам это при помощи своих уроков.

Баронесса Кишвер Фолкнер

вице-президент Либерального Интернационала

Нас очень много. В Европе либерализм является мощной силой, которая пытается противодействовать росту популярности консерваторов, популистов. Я считаю, либерализм снова поднимается и набирает обороты.